91471
1-84
М., 1912

К. Лукашевичъ

ШКОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИКЪ
ВЪ ПАМЯТЬ
СЛАВНЫХЪ ПОДВИГОВЪ
РОДНЫХЪ ГЕРОЕВЪ
1812 Г.

Цѣна, въ переплетѣ 1 руб.

Книжный магазинъ А.С.Александрова,
въ Омскѣ.

2/7955

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

Кн. наследие Сибири

Колич. предыд. выдачи _____

9(47)
Л-84

ШКОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ СЛАВНЫХЪ ПОДВИГОВЪ РОДНЫХЪ ГЕРОЕВЪ 1812 г.

9.17955.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. А. С. Пушкина № _____

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. А. С. Пушкина № _____

Составила КЛАВДІЯ ЛУКАШЕВИЧЪ.

Со множествомъ иллюстрацій. Съ приложеніемъ нотъ для хорового пѣнія В. Беневскаго и М. Попова-Платонова.

СОДЕРЖАНІЕ.

1) Предисловіе. Какъ устроить школьный праздникъ. 2) Отечественная война 1812 года. 3) Стихотворенія, посвященныя императору Александру I. 4) Стихотворенія, посвященныя событіямъ и героямъ 1812 года. 5) Басни И. Крылова по поводу событій 1812 года. 6) Разсказы изъ событій Отечественной войны. 7) Живыя картины. 8) Сцены для исполненія на школьномъ праздникѣ. 9) Музыкальные хоры В. Беневскаго и М. Попова-Платонова. 10) Приложеніе. Памятники Отечественной войны.

91

— 374.9

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1912.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Юбилеи величайшихъ событій нашей родины, въ школахъ слѣдуетъ устраивать такъ, чтобы они имѣли свѣтлое просвѣтительное значеніе.

Школьный праздникъ въ память лицъ, подвиговъ и событій долженъ быть дѣйствительно праздникомъ, воспоминаніемъ отраднымъ, возвышающимъ душу. Здѣсь не должны имѣть мѣста: злая критика, пристрастное осужденіе, сатира, карикатура.

Пусть ученики, расходясь со своего праздника, уносятъ вѣрное, свѣтлое впечатлѣніе о томъ, что именно праздновалось: въ чемъ именно заключалось важное историческое или общественное значеніе чествуемаго лица или событія. И если они услышатъ о пережитыхъ бѣдахъ, несчастіяхъ, ударахъ судьбы, то пусть это будетъ имъ урокомъ, примѣромъ.

Пусть узнаютъ они, какъ стойко и мужественно переносятъ невзгоды герои, какъ борются и побѣждаютъ. Такое сознаніе, пробуждая возвышенныя и благородныя чувства въ дѣтяхъ, примиряетъ ихъ съ дѣйствительностью и придаетъ силъ и бодрости для житейской борьбы.

Желательно, чтобы на школьномъ праздникѣ великое прошлое родной земли прошло передъ юными зрителями въ художественныхъ, прекрасныхъ образцахъ. Пусть дѣти узнаютъ, какъ великіе и лучшіе наши писатели относились къ историческому событію и какъ прославляли героевъ.

Передъ началомъ праздника учитель читаетъ краткую исторію событія или біографію лица. Если возможно, то это чтеніе иллюстрируется туманными картинами. Называя имена участниковъ, учитель указываетъ на ихъ портреты, развѣшанные по стѣнамъ школы.

Ученики читаютъ хорошо выученныя соотвѣтствующія стихотворенія, художественные отрывки въ прозѣ, исполняютъ сцены, поютъ хоромъ, играютъ на инструментахъ.

Къ школьному празднику слѣдуетъ приготовиться заранѣе; разучить стихотворенія, отрывки прозаическіе, сцены. Школу надо убрать по возможности красиво и нарядно. Въ сельскихъ школахъ можно сплести гирлянды изъ ельника, мха и брусничника; городскія школы могутъ сдѣлать гирлянды изъ бумажныхъ листьевъ и цвѣтовъ. Все, конечно, зависитъ отъ средствъ, вкуса и усердія устроителей. Кромѣ того, слѣдуетъ сдѣлать флаги изъ матеріи или бумаги (очень красиво выходятъ въ формѣ хоругвей). На флагахъ или просто на большихъ тонкихъ папкахъ дѣлаютъ надписи или изреченія, соотвѣтствующія событію. Портреты, бюсты, картины слѣдуетъ пріобрѣсти заранѣе. Все это доступно теперь по самымъ дешевымъ цѣнамъ, даже для каждой небогатой школы.

Императоръ Александръ I.

На школьномъ праздникѣ въ память событій 1812 года должно на самомъ видномъ мѣстѣ поставить бюстъ императора Александра I или повѣсить его портретъ. Убрать гирляндами, цвѣтами и флагами. Подъ портретомъ помѣстить, соотвѣтствующія надписи и изреченіи.

Кромѣ того, по стѣнамъ школы должны быть развѣшаны портреты родныхъ героевъ 1812 года и разныхъ событій.

Подъ портретами или просто на отдѣльныхъ листахъ и флагахъ пишутъ стихотворенія, и изреченія.

Надписи подъ портретами героевъ Отечественной войны 1812 года должны быть таковы:

1) „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“ (слова Александра I).

2) Мужъ, твердый въ бѣдствіяхъ, и скромный побѣдитель!
Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь?
Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель!
Россія! имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Кн. Вяземскій.

3) Потомство россіянъ, завидуй торжеству:
Монархъ ихъ возвратилъ народамъ чуждымъ правы,
Европѣ миръ, царямъ достоинство державы
И храмы Божеству!

Дмитріевъ.

4) Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой:
Слово съ трона роковое
Повторялось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина,—
Имъ Россія спасена.

В. Жуковскій.

Свѣтлѣйшій князь, фельдмаршалъ **Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій.**

1) „Братцы, добрые, русскіе солдатушки, намъ еще далеко итти. Много будетъ еще трудовъ. Но мы русскіе, Богъ намъ поможетъ".

(Обращеніе М. И. Кутузова къ солдатамъ во время преслѣдованія Наполеона въ 1812 г.).

2) Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!" Ты всталъ и спасъ...

А. Пушкинъ.

3) Мужайся, бодрствуй, князь Кутузовъ:
Коль надъ тобой былъ зримъ орелъ,
Ты, вѣрно, побѣдишь французовъ,
И, россовъ защитя предѣлъ,
Спасешь отъ узъ и всю вселенну.

Державинъ.

4) Хвала тебѣ, нашъ добрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! Се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ,
„Ура!" кричатъ дружины.

В. Жуковскій.

5) И ты, герой, пребудешь въ вѣки
Намъ честью, славой, образцомъ!

Генералъ-фельдмаршалъ и военный министръ князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата,
Она не золотомъ, не бархатомъ богата.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая...
О люди!..
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

А. Пушкинъ.

„Время отдастъ мнѣ должное. Я ввелъ колесницу на гору, а съ горы она скатится сама при маломъ руководствѣ. Мой трудъ налицо: сохраненная снабженная всѣмъ армія, а передъ ней—разстроенный, упавшій духомъ противникъ".

(Слова Барклая-де-Толли передъ отъѣздомъ изъ арміи).

Генералъ-отъ-инфантеріи князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ.

Гулъ страшный въ воздухѣ несется,
У воиновъ и плачъ и стонъ
Изъ ряду передается:
Ты мертвъ, ты мертвъ, Багратіонъ,
Воспитанникъ Екатерины,
Герой, который русскій духъ
Хранилъ до самыя кончины!
О свѣточъ нашъ! Ты днесь потухъ!
Съ тобой мы царства пролетали,
Ты намъ вездѣ „Предтеча" былъ,
Съ тобой вездѣ мы побѣждали,
Какъ ты препонъ не находилъ
Оказывать свое геройство!
О, вождь преславный изъ вождей,
Гнать супостатовъ—было свойство
Отличное руки твоей!

Н. Остолоповъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи Николай Николаевичъ Раевскій.

Великодушный русскій воинъ,
Всеобщихъ ты похвалъ достоинъ!
Себя и юныхъ двухъ сыновъ
Приносишь все Царю и Богу;
Дѣла твои сильнѣй всѣхъ словъ:
Ведя на бой россійскихъ львовъ,
Вѣщалъ: „сыновъ не пожалѣемъ—
Готовъ я съ ними вмѣстѣ лечь,
Чтобъ злобу лишь враговъ пресѣчь!
Мы, руссы, умирать умѣемъ!“

Генералъ-отъ-инфантеріи Петръ Петровичъ Коновницынъ.

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы;
Предъ нимъ, за нимъ перунъ гремитъ,
И пышетъ пламя боя...
Онъ веселъ, онъ на гибель зритъ
Съ спокойствіемъ героя;
Себя забылъ... Однимъ врагамъ
Готовитъ истребленье;
Примѣръ и ратнымъ и вождямъ,
И смѣлымъ удивленье.

В. Жуковскій.

Генералъ-отъ-кавалеріи, войска Донского атаманъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

Хвала, нашъ вихорь—атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный аркань —
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу,—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту,—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ,—пылаютъ селы.

В. Жуковскій.

Генералъ-отъ-инфантеріи, графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.
Бодро онъ и хладнокровно
Велъ полки въ кровавый бой;
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.
Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ къ ногамъ коня.
„Богъ мой!“ онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать.
„Насъ завидѣлъ непріятель
И спѣшитъ намъ честь отдать“

Кн. Вяземскій.

Генералъ-отъ-кавалеріи, графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.

Защитника Петрова града
Велитъ намъ славить правды гласъ;
Его былъ Витгенштейнъ ограда,
И врагъ не смѣлъ итти на насъ.
Хвала, хвала тебѣ, герой!
Что градъ Петровъ спасенъ тобой!

Орлинымъ ты своимъ полетомъ
Врагу путь къ граду преградилъ
И доказалъ предъ цѣлымъ свѣтомъ,
Что честію ты дорожилъ.

Генералъ-майоръ, партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Давыдовъ—пламенный боецъ,
Онъ—вихремъ въ бой кровавый.

В. Жуковскій.

Жизни баловень счастливый,
Два вѣнка ты заслужилъ!
Знать, Суворовъ справедливо
Грудь тебѣ перекрестилъ.
Не ошибся онъ въ дитяти:
Выросъ ты—и полетѣлъ,
Полонъ всякой благодати,

Подъ знамена русской рати,
Гордъ и радостенъ и смѣлъ.
Грудь твоя горитъ звѣздами:
Ты геройски добылъ ихъ
Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
Въ рагоборствахъ роковыхъ.

Н. Языковъ.

Партизанъ генералъ-майоръ Александръ Никитичъ Сеславинъ.

Сеславинъ, гдѣ ни пролетитъ,
Съ крылатыми полками:

Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ и щитъ,
И устланъ путь врагами.

В. Жуковскій.

Генералъ-майоръ Алексѣй Ивановичъ Кутайсовъ.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
Прекраснъ былъ, какъ радость!
Въ бронѣ ли, грозный, выступалъ,—
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ,—

Одушевлялись струны...
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя!
И гдѣ же твой, о витязь, прахъ?
Какою взять могилой?!

Генералъ-майоръ Яковъ Петровичъ Кульневъ.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечъ во длани.
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила,

Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ,—
Съ молитвою священной
О милой матери угасъ
Герой нашъ незабвенный.

Генералъ-лейтенантъ Иванъ Семеновичъ Дороховъ.

Въ Бородинскомъ сраженіи былъ тяжело раненъ въ руку, но не оставилъ боя и сказалъ:

„Стоитъ ли думать о рукѣ, когда надо грудью отстаивать отечество".

Генералъ-отъ-инфантеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

Хвала сподвижникамъ-вождямъ:
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.

В. Жуковскій.

Партизанъ Александръ Самойловичъ Фигнеръ,

Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи;
Какъ тѣнь, прокрался вкругъ шатровъ:
Все зрѣли быстры очи...
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ—
А онъ ужъ витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ!

В. Жуковскій.

На отдѣльныхъ флагахъ, сдѣланныхъ въ формѣ стяговъ, надо помѣстить нижеслѣдующія надписи:

Роднымъ героямъ 1812 года.

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ обьятья
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

* * *

О, тѣни древнихъ согражданъ!
Въ селеньяхъ горнихъ вы покойны;
Мы славы вашея достойны;
Обѣтъ сердечный нами данъ
Служить примѣромъ для потомства!
Не знаютъ россы вѣроломства
И клятву чести сохранятъ:
Да будетъ міръ тому свидѣтель!
За галла весь ужасный адъ;
За насъ же Богъ и добродѣтель!

Карамзинъ.

* * *

Вы, солдатушки православные,
Подымите вы руки
И, сомкнувъ въ ряды груди мощныя,
Помолитесь Богу крѣпкому
И Пречистой Его Матери.

* * *

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы!..
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля!
Когда бъ на то не Божья воля—
Не отдали бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

* * *

Побѣдоносная наша держава
Славитъ героевъ сыновъ;
Русскому воинству слава!
Честь ему въ роды родовъ.
Воинамъ, лавромъ въ бояхъ украшеннымъ;
Нашимъ героямъ роднымъ:
Вѣчная память—сраженнымъ,
Многія лѣта—живымъ!

* * *

Славьте, дѣти царства сильнаго,
Славьте храбрыхъ нашихъ воиновъ;
Величайте воеводъ своихъ,
Возносите мудрость царскую!
Мы покоемъ, миромъ, счастіемъ
И свободою обязаны
Ратоборцевъ нашихъ мужеству,
Ихъ вождей благоразумію
И царевой неусыпности.

* * *

И честь вамъ, падшіе друзья!
Лпкуйте въ горней сѣни!
Тамъ ваша вѣчная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды!
„Отъ нихъ учитесь умирать!"
Такъ скажутъ внукамъ дѣды!
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя!

* * *

Славь, вся Европа, солдата!
Русскій, во имя добра,
Свергнулъ ея супостата!
Русскимъ героямъ—ура!
Воинамъ, лавромъ въ бояхъ украшеннымъ;
Нашимъ героямъ роднымъ:
Вѣчная память—сраженнымъ,
Многія лѣта—живымъ!
Побѣдоносная наша держава
Славитъ героевъ сыновъ;
Русскому воину слава!
Честь ему въ роды родовъ.

Наполеонъ I Бонапартъ, императоръ французскій.

1) Не сила народа тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
Ты землю желѣзной стопой попиралъ,
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы.

Хомяковъ.

Гордынею успѣха ослѣпленный
И двадесять поднявъ на насъ племенъ,
Русь сокрушить грозился дерзновенный,
Европы бичъ—Наполеонъ.

Е. Растопчина.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились;
Въ его главѣ орлы парили,
Въ его груди—змѣи вились...

Онъ былъ земной, не Божій пламень,
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ.
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ.

Ѳ. Тютчевъ.

Къ статуѣ Наполеона.

Вотъ мрачный образъ твой, протекшій быстро геній,
Звѣзда исторіи, поэзія мечты!
Такъ средь полей рѣшительныхъ сраженій
Повелѣвалъ судьбой Европы ты!
Такъ, счастіемъ низвергнутый съ вершины,
Такъ, брошенный въ пустыню средь морей,
Ты, жертва гордая измѣнницы судьбины,
Глядѣлъ угрюмо вдаль съ высотъ скалы своей!
О сколь твой видъ священъ и милъ воображенью!
Онъ мысли жизнь даетъ и пищу вдохновенью!

А. Глѣбовъ.

Наполеонъ.

(Акростихъ).

Народныхъ царствъ поработитель,
Атилла — карликъ предъ тобой:
Побѣдоносный искуситель,
Одинъ вселенну звалъ на бой.
Ломая скиптры, рвалъ порфиры—
Европой, какъ мячомъ, игралъ;
Одушевилъ свои кумиры,
Но грянулъ Богъ — и ты упалъ!

(Бородинскіе акростихи, 1839).

* * *

Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья,
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль—иль побѣдить иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за Царя.

А. Пушкинъ.

* * *

И въ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой,
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.

А. Хомяковъ.

* * *

Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.

А. Пушкинъ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣгутъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

А. Пушкинъ.

Отечественная война 1812 года [1]).

I.

1812 годъ. Императоръ Александръ I. Наполеонъ Бонапартъ.

Сто лѣтъ тому назадъ нашу дорогую родину постигло страшное испытаніе: величайшій полководецъ того времени, французскій императоръ Наполеонъ-Бонапартъ вторгся неожиданно въ Россію съ „двунадесятью языками".

Какъ страшный ураганъ пронесся надъ царствами Европы Наполеонъ и „побѣдилъ полъ-міра". Этотъ неукротимый завоеватель ворвался въ предѣлы русской земли и грозно пошелъ впередъ, все разрушая, попирая на своемъ пути, принося горе, страданія, страхъ и смерть.

Гордые своей непобѣдимой славой полки Наполеона быстро дошли до священныхъ стѣнъ Кремля...

Но еще быстрѣе должны были они уйти назадъ... Они шли грозными побѣдителями, а ушли жалкими, разсѣянными, побѣжденными.

Много войнъ вела Россія, но никогда война не вызывала такого патріотическаго напряженія, такого народнаго подъема, какъ война 1812 года. На защиту родины поднялся весь народъ. Съ надеждой на помощь Божію, съ вѣрой въ правое дѣло, народъ черпалъ воодушевленіе въ единеніи со своимъ Царемъ. На царскій призывъ «постоять за родину», поднялись всѣ отъ мала до велика: дворяне, крестьяне, духовенство. И каждый готовъ былъ „лечь костьми за родную землю".

Когда стало извѣстно, что Наполеонъ,—этотъ грозный „бичъ Божій", двинулся Россію, волненія и ужаса невозможно было описать.

„Антихристъ пошелъ съ нечистой ратью истреблять русскій народъ и вѣру", заговорили тогда православные. Можно себѣ представить какъ ополчился и воспламенился народъ!

Какъ разъ въ то время на небѣ появилась блестящая комета съ длиннымъ хвостомъ. Суевѣрный народъ счелъ это за грозное предзнаменованіе будущихъ несчастій:

---

[1]) Эта статья должна быть прочитана ученикамъ до школьнаго праздника. Для прочтенія во время праздника она должна быть сокращена наполовину.

„Помететъ она русскую землю“, говорили въ народѣ. За кометою явились новыя бѣдствія: во многихъ губерніяхъ появился голодъ, случились пожары городовъ и селъ. Время надвигалось смутное, страшное.

Въ то время въ Россіи царствовалъ императоръ Александръ I, прозванный Благословеннымъ (внукъ Екатерины Великой). День восшествія его на престолъ былъ днемъ всеобщей радости въ Россіи. Всѣ знали, что молодой государь, прекрасный собою, милостивый и просвѣщенный, любитъ горячо народъ и радѣетъ объ его благѣ. Много свѣтлыхъ надеждъ возлагали на юнаго монарха. Онъ умѣлъ ладить съ иностранными государями и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо отстаиваетъ права и пользу Россіи.

Комета 1812 года. (Съ современнаго рисунка).

Во Франціи въ то время былъ императоромъ Наполеонъ I Бонапартъ. Александръ I и Наполеонъ были союзники. Но только не крѣпокъ и не на радость былъ этотъ союзъ для обоихъ императоровъ.

До тѣхъ поръ Франція почти 25 лѣтъ переживала смутное время—революцію, и сражалась со всей Европой. Эта борьба стоила всѣмъ несчетные миллионы жертвъ и людьми и деньгами. Война родитъ всегда несчастія, бѣды и требуетъ много тяжкихъ жертвъ.

Въ это время на сцену историческихъ событій вышелъ впервые Наполеонъ Бонапартъ. Онъ былъ сынъ бѣднаго дворянина и родился на островѣ Корсикѣ въ 1769 году [1]).

---

[1]) Островъ Корсика находится въ Средиземномъ морѣ и принадлежитъ Франціи.

Императоръ Александръ I

Наполеонъ получилъ военное образованіе и вступилъ во французскую артиллерію поручикомъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ выказывалъ живой, острый умъ, сообразительность и любовь къ военному дѣлу. Онъ умѣлъ властвовать надъ товарищами и подчинять ихъ своимъ капризамъ и волѣ. Одинъ изъ учителей всегда говорилъ: „Этотъ мальчикъ далеко пойдетъ". Конечно, не могъ онъ тогда предвидѣть этой дали...

Молодой энергичный поручикъ Бонапартъ участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ, которыя вела тогда Франція. И всюду отличался находчивостью и былъ впереди другихъ...

Необыкновенныя способности поручика были замѣчены республиканскими правителями Франціи. Въ короткое время онъ достигъ того, что въ 24 года былъ произведенъ въ генералы и назначенъ главнокомандующимъ французской арміей въ Италіи.

Наполеонъ былъ умнѣе, энергичнѣе, находчивѣе другихъ; кромѣ того, страстно преданъ военному дѣлу. Его умъ и знанія возвышались надъ толпой: кромѣ того, былъ властолюбивъ и хитеръ. Онъ только и мечталъ, чтобы выдвинуться и захватить власть. Ведя французскую армію отъ одной побѣды къ другой, онъ сдѣлался ея идоломъ. Войска обожали своего грознаго, непобѣдимаго предводителя. Въ то же время онъ видѣлъ, что многіе недовольны правительствомъ, что всюду безпорядки, неурядица, въ народѣ ропотъ. Нужна лишь сильная твердая власть. И молодой генералъ рѣшилъ попытать счастія. Скоро онъ уже одинъ управлялъ Франціей и всѣ охотно подчинялись ему. Среди начальствующихъ лицъ тоже много было его приверженцевъ. И вотъ въ 1804 году бѣдный корсиканецъ былъ провозглашенъ императоромъ Франціи. Всѣ государства Европы также и Россія признали его въ этомъ достоинствѣ.

Достигнувъ власти, славы, почестей, другой, менѣе честолюбивый человѣкъ всѣ свои силы и знанія положилъ бы на то, чтобы успокоить свой изстрадавшійся народъ, дать ему хорошіе законы, оградить отъ враговъ и сдѣлаться благодѣтелемъ своей страны.

Но не то было на умѣ Наполеона. Его неудовлетворимый военный геній не могъ остановиться на мирѣ и покоѣ. Онъ былъ опьяненъ своимъ возвышеніемъ, и его гордый умъ не зналъ преградъ въ своемъ величіи. Онъ желалъ быть повелителемъ не одной Франціи, но и цѣлаго свѣта.

Неслыханныя удачи сопутствовали ему. Онъ покорилъ большинство государствъ. Войны его были быстры, неожиданны, удачны и побѣды блестящи. И хотя всѣ его считали страшнымъ бичомъ человѣчества, но признавали грознымъ, непобѣдимымъ завоевателемъ и страшились его.

Съ подчиненными государствами Бонапартъ расправлялся безцеремонно и самовольно: въ Италіи, Испаніи, Голландіи, Вестфаліи и многихъ другихъ

онъ сажалъ королями своихъ братьевъ и любимыхъ генераловъ, часто людей недостойныхъ и неспособныхъ.

Въ то же время Наполеонъ развелся со своей первой женой. Сначала онъ посватался за родную сестру императора Александра I. Но русскій царь вѣжливо отклонилъ это предложеніе. Обида была нанесена гордому сердцу властителя. И онъ никогда не могъ простить обиды.

Наполеонъ I.

Тогда Наполеонъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью австрійскаго императора Луизой-Маріей. Онъ не замедлилъ сдѣлать Пруссію своей союзницей и такъ опуталъ ее, что она вступила съ нимъ въ союзъ вопреки своимъ выгодамъ.

Пробовалъ онъ опутать и Россію, но императоръ Александръ не поддавался на его льстивыя приманки и обѣщанія. Англія тоже была противъ него. Хотя онъ не могъ дѣйствовать на нее силою своего оружія, потому что она находилась за моремъ, а у него не было большихъ кораблей.

Зато большинство мелкихъ нѣмецкихъ государствъ всецѣло покорились владычеству французскаго императора.

Въ ту пору все преклонялось предъ нимъ въ боязливомъ молчаніи. На его большихъ выходахъ, гдѣ присутствовали короли, принцы, высшіе сановники, военные люди и знаменитые ученые, царствовала обыкновенно глубокая тишина. Каждое слово его жадно ловилось и, передаваемое иностранными агентами во всѣ страны Европы, возбуждало толки, надежды, опасенія. Самъ Наполеонъ, въ мундирѣ со звѣздой Почетнаго Легіона, съ маленькой шляпой подъ мышкой, порывисто переходилъ отъ одного лица къ другому, то даря

привѣтомъ, то оледяняя презрѣніемъ. Задумчивый, мрачный, онъ рѣдко улыбался. Рѣчь его была коротка, отрывиста. Ласковое слово его отзывалось обычною угрюмостью и казалось гнѣвнымъ. Наполеонъ въ это время мечталъ о покореніи всего свѣта. Возвратившись въ 1810 году изъ путешествія въ Голландію, онъ гордо замѣтилъ: „Черезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ... Остается только Россія, но я подавлю ее". Онъ приказалъ вылить медаль съ изображеніемъ Бога и съ надписью: „Тебѣ небо, мнѣ земля".

Властолюбивый, гордый, Наполеонъ не могъ забыть обиды, которую будто бы ему нанесъ нашъ государь, отказавъ ему въ рукѣ своей сестры. Онъ не могъ примириться съ мыслію, что ему должно сноситься съ Александромъ I, какъ равному съ равнымъ. Бонапартъ началъ дѣлать нашему государю непріятности.

Императоръ Александръ I до начала нашей великой Отечественной войны два раза вступалъ въ борьбу съ Наполеономъ: одинъ разъ въ союзѣ съ Австріей, а въ другой разъ въ союзѣ съ Пруссіей, и оба раза неудачно. Послѣдняя распря окончилась Тильзитскимъ миромъ 25 іюня 1807 года. Оба императора встрѣтились на рѣкѣ Нѣманѣ недалеко отъ города Тильзита. Здѣсь между ними былъ заключенъ миръ и союзъ.

Послѣ Тильзитскаго мира и послѣ родства со старинным императорскимъ домомъ самовластіе и честолюбіе Наполеона не имѣли предѣловъ.

II.

Причины и начало Отечественной войны. Вторженіе Наполеона въ Россію. Манифестъ русскаго царя. Народъ поднялся на защиту родины.

Чтобъ привести въ исполненіе свой исполинскій замыселъ, Наполеонъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Россіей, изыскивая всевозможные предлоги для объявленія ея. Все больше и больше сказывалось охлажденіе другъ къ другу тильзитскихъ союзниковъ: ни за что ни про что Наполеонъ отнялъ землю у герцога Ольденбургскаго, дяди Александра I, затѣмъ сталъ увеличивать Варшавское герцогство, въ чемъ русскій государь увидѣлъ угрозу, направленную противъ Россіи, и потребовалъ отъ Наполеона письменнаго обязательства въ томъ, что Польша никогда не будетъ возстановлена [1]). Обѣщая это на словахъ, Наполеонъ не пожелалъ подписывать подобнаго обязательства, не переставалъ манить поляковъ мечтою о возможности возстановленія Польши, привлекалъ ихъ на свою сторону и подготовлялъ себѣ союзниковъ на самой границѣ Рос-

[1]) Польша, какъ самостоятельное государство, была уничтожена тремя раздѣлами ея между Пруссіей, Австріей и Россіей.

Князь М. Б. Барклай-де-Толли.

сіи. Точно такъ же старался онъ вредить русскому государю и въ Швеціи и въ Турціи, съ которыми Россія вела тогда войну, самъ же, между тѣмъ, не переставалъ упрекать императора Александра въ неточномъ соблюденіи тильзитскихъ условій и въ недостаточно строгомъ охраненіи континентальной системы. Дѣйствительно, система эта была чрезвычайно невыгодна для Россіи, получавшей изъ Англіи необходимыя для нея мануфактурныя произведенія и посылавшей туда свои сырые продукты; какъ безусловно вредная торговлѣ нашего отечества, она не слишкомъ строго соблюдалась императоромъ Александромъ, который въ то же время, имѣя всѣ основанія быть недовольнымъ Наполеономъ, обложилъ высокой пошлиной товары, привозимые къ намъ изъ Франціи.

Съ начала 1811 года Наполеонъ сталъ уже открыто и дѣятельно готовиться къ войнѣ, пополнять свою армію, подвозить къ нашей границѣ какъ боевые, такъ и съѣстные припасы, устраивать склады, и всѣ эти начинанія объяснять нерасположеніемъ къ нему будто бы Россіи.

Силы Наполеона оказались громадныя. Цѣлый годъ собиралъ онъ свою армію, да сверхъ того, принудилъ и всѣхъ союзниковъ прислать ему на помощь свои войска. Такимъ образомъ къ веснѣ 1812 года собралось у него до 600.000 человѣкъ, назначенныхъ для вторженія въ Россію. Кромѣ французовъ, были тутъ и австрійцы, и пруссаки, и итальянцы, и поляки, не считая небольшихъ отрядовъ, завербованныхъ въ разныхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ. При войскѣ его находилось до 1.400 пушекъ и до 180.000 строевыхъ и обозныхъ лошадей. До 6.000 повозокъ везли за войскомъ съѣстные припасы, а для переправы войска чрезъ рѣки приготовлено было нѣсколько мостовъ на лодкахъ, и припасено множество всякихъ матеріаловъ для постройки мостовъ изъ лѣса. Такъ, на Западѣ собиралась на Россію страшная туча вражеская. Какъ же русскіе приготовлялись встрѣтить эту грозу?

Въ то время не было еще у насъ ни желѣзныхъ дорогъ ни шоссе, а были простыя грунтовыя дороги. Весною отъ тающаго снѣга, а осенью отъ частыхъ дождей дороги такъ размокли и портились, что ѣзда по нимъ дѣлалась очень трудною и медленною, особенно при передвиженіи тяжелыхъ пушекъ и войскового обоза. Чтобы собрать войска къ границамъ, много надо было времени. Не было у насъ въ ту пору всеобщей воинской повинности, а между тѣмъ нельзя было оставить безъ войска и огромное пространство русской земли; вездѣ требовалась военная сила для соблюденія порядка и безопасности. Сверхъ всего этого, у насъ велась еще война съ Турціею, и тамъ, подъ командою генерала Кутузова, находилась армія, числомъ слишкомъ въ 50.000 человѣкъ. По всѣмъ этимъ причинамъ императоръ Александръ противъ огромнаго войска Наполеона успѣлъ выставить только 218.000 человѣкъ и 942 пушки. Все наше войско раздѣлено было на три части. Военный министръ Барклай-де-Толли былъ назначенъ главнокомандующимъ и принялъ на себя

начальство надъ главною арміею. Это былъ храбрый генералъ, но человѣкъ осмотрительный и осторожный. Онъ хорошо зналъ военное дѣло и умѣлъ владѣть собою: подъ непріятельскими выстрѣлами распоряжался спокойно и храбро. Онъ понялъ, что нельзя грудью солдатъ отбивать непріятельскія войска, которыя были втрое многочисленнѣе нашихъ; если они одолѣютъ и мы потеряемъ армію, то дѣло наше погибло. Вотъ поэтому-то онъ и рѣшился избѣгать встрѣчъ съ непріятелемъ и отступать до тѣхъ поръ, пока соединятся первая и вторая арміи. Второю арміею, расположенною южнѣе, командовалъ генералъ князь Багратіонъ, совсѣмъ не похожій характеромъ на Барклая. Ученикъ и любимецъ великаго Суворова, онъ привыкъ водить солдатъ впередъ и былъ противъ отступленія даже предъ такимъ сильнымъ и искуснымъ непріятелемъ, каковъ былъ Наполеонъ. Войско больше любило Багратіона, чѣмъ осторожнаго Барклая. Однако, повинуясь предписаніямъ главнокомандующаго, Багратіонъ также принужденъ былъ избѣгать французовъ, употребляя при этомъ всѣ свои усилія на то, чтобы какъ можно скорѣе соединиться съ первою арміею. Третья армія, подъ начальствомъ генерала Тормасова, была расположена еще южнѣе второй и должна была охранять нашу западную границу. Часть первой, главной арміи, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, занимала сначала Лифляндію и Курляндію, а потомъ передвинулась въ Витебскую губернію, чтобы преградить путь непріятелю въ Петербургъ. И не даромъ называли графа Витгенштейна спасителемъ Петербурга и Пскова: рядомъ славныхъ побѣдъ онъ дѣйствительно заслонилъ нашу столицу и древній нашъ городъ Псковъ отъ вторженія французовъ.

Князь П. И. Багратіонъ.

Получивъ въ началѣ апрѣля извѣстіе о приближеніи французскихъ войскъ къ западной границѣ Россіи, Александръ отправился (9 апрѣля) въ Вильну, гдѣ была главная квартира нашей первой арміи. Въ день отъѣзда

императора графъ Румянцевъ пригласилъ къ себѣ французскаго посла и передалъ ему отъ государя порученіе сообщить Наполеону, что его величество въ Вильнѣ, какъ и въ Петербургѣ, остается его вѣрнымъ союзникомъ, что онъ не желаетъ войны и сдѣлаетъ все, чтобы избѣгнуть ея, что его отъѣздъ въ Вильну вызванъ извѣстіемъ о приближеніи французскихъ войскъ и имѣетъ цѣлью воспрепятствовать генераламъ предпринять какое-либо движеніе, которое могло бы вызвать разрывъ.

Этого мало. Князь Куракинъ вручилъ Наполеону собственноручное письмо нашего государя, въ которомъ Александръ изъявлялъ согласіе на принятіе герцогомъ Ольденбургскимъ другого владѣнія и на облегченіе нашего тарифа въ пользу французской торговли, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы для избѣжанія всякихъ поводовъ къ столкновенію между Франціей и Россіей, выведены были французскія войска изъ Пруссіи и уменьшенъ гарнизонъ въ Данцигѣ.

Наполеонъ отвѣтилъ князю Куракину, что не можетъ исполнить нашихъ требованій. „Я иду въ Москву,—говорилъ онъ,—и въ одно или два сраженія все кончу. Императоръ Александръ будетъ на колѣняхъ просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россію. Меня ждутъ тамъ. Москва—сердце имперіи... Безъ Россіи континентальная система есть пустая мечта“.

Окружающіе Наполеона съ благоговѣніемъ слушали подобное его самохвальство; они были увѣрены въ непобѣдимости своего императора. Всѣ почти съ нетерпѣніемъ ждали начала военныхъ дѣйствій; всѣмъ хотѣлось отличиться, прославиться и побольше захватить добычи.

16 мая Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена и сталъ постепенно приближаться къ Нѣману. Онъ отдалъ (10 іюня) приказъ по войскамъ слѣдующаго содержанія:

„Солдаты! Вторая польская война началась! Первая кончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ, гдѣ Россія клялась вѣчно сохранять союзъ съ Франціей и враждовать съ Англіей. Она нарушила эту клятву! Она отказывается объяснить свои странныя дѣйствія, пока французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, предоставя ей въ жертву нашихъ союзниковъ. Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей. Неужели она думаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины Аустерлица? Она предлагаетъ намъ безчестіе либо войну; выборъ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ, впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи! Вторая польская война, подобно первой, прославитъ оружіе французское; но миръ, который мы заключимъ, будетъ прочнѣе и положитъ конецъ пятидесятилѣтнему вліянію Россіи на дѣла Европы“.

12 іюня 1812 года Наполеонъ безъ объявленія войны переплылъ около города Ковно рѣку Нѣманъ и вступилъ въ русскіе предѣлы.

Неизбѣжное совершилось: началась великая Отечественная война.

Вступленіе Наполеона въ Россію.

Въ Вильнѣ было все спокойно. Никто, кромѣ государя, не зналъ о приближеніи непріятеля. Виленская публика даже веселилась. 12 іюня, въ честь государя, данъ былъ балъ. Въ разгарѣ бала къ государю подошелъ генералъ-адъютантъ Балашовъ и тихонько передалъ ему извѣстіе о начавшейся переправѣ французской арміи черезъ Нѣманъ. Императоръ Александръ явилъ рѣдкій примѣръ самообладанія: онъ приказалъ Балашову хранить это извѣстіе втайнѣ и продолжалъ очаровывать всѣхъ гостей своею изысканною любезностью. Уѣхавъ съ бала во время ужина, государь большую часть ночи провелъ въ работѣ.

Передъ выѣздомъ изъ Вильны Александръ въ видѣ послѣдней миролюбивой попытки послалъ къ Наполеону Балашова съ сообщеніемъ, что онъ и теперь готовъ на миръ, если французы немедленно отойдутъ отъ границы. Однако и этотъ послѣдній шагъ на пути сохраненія мира, такъ же какъ и всѣ предыдущіе, не увѣнчался успѣхомъ. На полныя достоинства и сдержанныя рѣчи посланца

русскаго царя Наполеонъ горячился, увѣрялъ Балашова, что никогда еще Россія не начинала войны при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, что русскіе солдаты послѣ Аустерлица заранѣе увѣрены въ томъ, что французы побьютъ ихъ, и что это, дѣйствительно, неизбѣжно, потому что съ нимъ, Наполеономъ, идетъ вся Европа; Россіи же рѣшительно не на кого надѣяться.

„Мы сдѣлаемъ, что можемъ“, отвѣчалъ Балашовъ, и на вопросъ Наполеона: „По какой дорогѣ можно пройти къ Москвѣ“, прибавилъ съ гордостью: „Русскіе, какъ и французы, говорятъ, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Въ Москву тоже не мало путей: Карлъ XII шелъ туда на Полтаву“.

Императоръ Александръ I не желалъ войны. Но разъ она началась—онъ, увѣренный въ своемъ народѣ, высоко поднялъ русское знамя и твердо держалъ его во все время войны. Въ ночь на 13 іюня государь подписалъ нашимъ войскамъ приказъ, въ которомъ говорилось такъ:

„Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ объ ихъ долгѣ и храбрости. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я—съ вами! На зачинающаго—Богъ“.

Въ то же время императоръ писалъ къ фельдмаршалу Салтыкову, главнокомандующему въ Петербургѣ:

„Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“.

Затѣмъ государь вмѣстѣ съ главной арміей выступилъ изъ Вильны и отправился къ Витебску въ Дрисскій укрѣпленный лагерь.

Черезъ пять дней послѣ этого въ Вильну прибылъ уже Наполеонъ и остановился въ тѣхъ же самыхъ комнатахъ, гдѣ жилъ ранѣе нашъ государь.

Для защиты отечества отъ вторженія врага у насъ на западѣ сосредоточились двѣ арміи. Вторая армія Барклая стояла южнѣе первой Багратіона. Наполеонъ задумалъ врѣзаться между двумя войсками и разбить каждое отдѣльно. Въ этомъ промежуткѣ стоялъ только храбрый атаманъ Платовъ съ 16 казачьими полками. Французовъ было множество, а казаковъ мало. Однако они показали себя молодцами: тревожили французовъ быстрыми набѣгами и небольшими стычками.

Между тѣмъ самимъ государемъ предписано было Багратіону спѣшить на соединеніе съ Барклаемъ. Багратіонъ хотѣлъ пробраться къ Витебску чрезъ Минскъ, но непріятель успѣлъ уже занять этотъ городъ раньше его; тогда Багратіонъ повернулъ на Могилевъ. Платовъ съ казаками шелъ позади его. Съ своей стороны Барклай, шедшій на соединеніе съ Багратіономъ, встрѣтился съ французами около Витебска при селеніи Островнѣ, но не могъ одолѣть ихъ, потому что ихъ было вдвое больше, и сталъ отступать къ Смоленску, куда и Багратіонъ спѣшилъ черезъ Могилевъ.

М. Б. Барклай-де-Толли.

Князь П. И. Багратіонъ.

Графъ П. Х. Витгенштейнъ.

Ген.-отъ-кав. Н. Н. Раевскій.

Между тѣмъ война уже давала себя знать: началось опустошеніе страны. Въ ожиданіи непріятеля крестьяне уходили изъ деревень въ лѣса и слѣдовали за нашимъ войскомъ. Солому съ крышъ они уносили въ лагерь, заборы, двери, ставни разбирались на дрова, а остальные сожигали казаки. Густая высокая зелень озимаго хлѣба, уже начинавшаго колоситься, вытаптывалась при движеніи войскъ. Всякій думалъ: вытопчемъ все, по крайней мѣрѣ, французу не останется. Погода не благопріятствовала отступленію: то шелъ проливной дождь, то становилось душно и жарко. Солдаты на большихъ переходахъ скоро уставали подъ тяжестью ранцевъ и киверовъ, въ суконной толстой одеждѣ. Тогда кивера-то были большіе, тяжелые—не то что нынѣшнія шапки; солдату было гораздо труднѣе въ походѣ, чѣмъ теперь. Много было отсталыхъ; завалившись гдѣ-нибудь, чтобы отдохнуть, они попадались въ руки непріятеля. Не любо было солдатамъ это быстрое отступленіе; уныніе стало распространяться между ними, и они тихонько роптали на начальство. А начальство знало, что дѣлало.

Первыя столкновенія съ непріятелемъ уже ясно показали, какъ велики были силы его, а потому императоръ Александръ рѣшился призвать на борьбу весь свой вѣрный народъ и 6 іюля, въ Полоцкѣ, подписалъ манифестъ ко всей Россіи. Этимъ было положено начало народному ополченію.

Вотъ этотъ знаменитый, памятный манифестъ. Между прочимъ тамъ говорилось:

„Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій Синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ. Соединитесь всѣ со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“.

И лишь кликнулъ царь
Свой народъ на брань,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ
Поднялася Русь.

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ[1]).

[1]) Стих. И. Никитина.

Оставивъ армію въ ночь на 7 іюля, государь отправился въ первопрестольную. Вездѣ и всюду, куда бы онъ ни пріѣзжалъ, его встрѣчали съ восторгомъ и воодушевленіемъ, съ готовностью жертвовать всѣмъ для спасенія отечества. Несмѣтныя толпы народа, люди всѣхъ званій и состояній привѣтствовали государя при въѣздѣ его въ Смоленскъ. Смоленское дворянство тутъ же подало прошеніе о разрѣшеніи вооружиться самимъ и вооружать своихъ крестьянъ. Готовые выставить до 20 тысячъ ратниковъ ополченія, смоляне брались также снабдить ихъ продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ. Глубоко трону-

«Веди насъ, отецъ нашъ».

тый этимъ добровольнымъ вызовомъ ополчиться противъ врага отечества, государь въ Смоленскѣ же былъ обрадованъ извѣстіемъ о подписаніи султаномъ мира, заключеннаго съ турками въ Бухарестѣ. Дунайская армія, такимъ образомъ, могла теперь принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ, и Чичагову, командовавшему послѣ Кутузова этой арміей, повелѣно было итти на подкрѣпленіе Тормасова.

Точно такъ же радостно, съ неподдѣльной, восторженной любовью былъ встрѣченъ государь и въ Дорогобужѣ, и въ Вязьмѣ, и въ Можайскѣ,—словомъ, во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые ему пришлось проѣзжать на пути въ Москву.

По всего сильнѣе сказался подъемъ народнаго духа въ Москвѣ.

11 іюля въ Москвѣ былъ обнародованъ манифестъ о всенародномъ ополченіи и особое воззваніе къ первопрестольной столицѣ. Стало извѣстно, что ѣдетъ государь, и что онъ уже близокъ, въ одномъ переѣздѣ отъ нея. Древняя столица мгновенно поняла, что значитъ этотъ пріѣздъ. „И вотъ Москва,—говоритъ современникъ,—*вышла изъ себя*“: ушла вся навстрѣчу своему царю. Безъ всякаго уговора, мгновенно стали запираться всюду и торговыя заведенія, и мастерскія, и дома, и волны народа, на минуту заходя въ отпертые храмы, или только помолившись у нихъ, устремились за заставу, на Смоленскую дорогу, навстрѣчу государю. На протяженіи 15 верстъ за Москвой вся эта дорога залита была народомъ. Медленно сквозь густыя толпы двигалась коляска государя. На пути въ селахъ навстрѣчу къ нему выходило въ облаченіяхъ, съ крестами, сельское духовенство. Извѣстный поэтъ Ѳедоръ Глинка писалъ: „Церковныя облаченія, свѣчи въ рукахъ священниковъ сильно дѣйствовали на душу, волновали чувства и возбуждали множество мыслей... Тяжело становилось на сердцѣ, томилась душа и тревожился умъ... Глаза невольно поднимались къ небу, какъ бы желая въ немъ прочесть будущую судьбу отечества“. Въ полночь государь подъѣхалъ къ Москвѣ. На Поклонной горѣ его встрѣтило духовенство изъ ближней церкви: священникъ держалъ на серебряномъ блюдѣ крестъ, дьяконъ стоялъ съ зажженной свѣчой. Государь остановилъ лошадей, вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ приложился ко кресту. Въ отвѣтъ на этотъ вздохъ изъ груди смиреннаго священника вырвался энергическій возгласъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его“... Окружающій народъ, охваченный глубокимъ чувствомъ, тихо заговорилъ: „Наполеону не побѣдить насъ: для этого нужно всѣхъ насъ перебить“... Уже слышалось глубокое народное движеніе.

Съ разсвѣтомъ 12 числа народныя волны залили не только Кремль, но и прилегающія къ нему мѣстности. Въ 9 часовъ на высотѣ Краснаго крыльца появился государь и поклонился народу. Раздалось такое „ура“, которое заглушило звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ и, казалось, страшною силой своей потрясло всѣ основанія Кремля. На каждой ступени историческаго крыльца множество стоявшихъ на колѣняхъ обнимали ноги государя, цѣловали полы его одежды, обливая ее слезами. У подножія крыльца какой-то старикъ въ крестьянской одеждѣ сказалъ: „Не упывай, государь, видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ. Веди насъ, куда знаешь, отецъ нашъ родимый! Все отдадимъ тебѣ. Всѣ умремъ или побѣдимъ“.

Растроганный государь едва могъ двигаться сквозь тѣснившійся народъ. Свита пыталась раздвигать его, но государь говорилъ: „Не троньте, я и такъ пройду“. Казалось, такого единенія царя и народа никогда не видала историческая Москва и встарь. Безмолвные государь и народъ только обмѣнивались

взорами, но въ этихъ взорахъ уже была рѣшена судьба всего—судьба Москвы, судьба войны, судьба Наполеона. При входѣ въ Успенскій соборъ архіепископъ Августинъ въ глубокомъ прозрѣніи сказалъ: „Господь силъ съ тобою, царь: Онъ обратитъ бурю въ тишину и умолкнутъ волны потопныя. Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“.

Помолившись у мощей святителей московскихъ и у гробовъ своихъ державныхъ предковъ, государь отправился въ Слободскій дворецъ, гдѣ собраны были дворянство и городскія сословія.

По прочтеніи манифеста среди дворянъ заговорили: „Теперь не время разсуждать, надобно скорѣе дѣйствовать; кипитъ война необычайная. Она требуетъ мѣръ чрезвычайныхъ. Двинемся съ крестьянами сотнями тысячъ, вооружимся, чѣмъ можемъ. Дружинами своими отрѣжемъ Наполеону путь назадъ, покажемъ, что Россія возстаетъ за Россію, на свою защиту!“

Въ другомъ залѣ, гдѣ собрались купечество и другія сословія, чтеніе манифеста съ каждымъ новымъ словомъ его все больше волнуетъ присутствующихъ. Но вотъ прочтены слова: „Непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы“, и въ залѣ раздаются грозные клики гнѣва и ярости, рвутъ на себѣ волосы, бьютъ себя въ грудь, ломаютъ руки...

Прибылъ государь, и мгновенно водворилась мертвая тишина. Вотъ онъ говоритъ дворянамъ: „Вы, по примѣру предковъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Этого ожидаетъ отъ васъ отечество и государь“.

„Готовы умереть. Все, что имѣемъ, отдаемъ тебѣ“, раздалось по залу, и тотчасъ же стали говорить, сколько поскорѣе вооружить ратниковъ за счетъ дворянства; въ первое же ополченіе рѣшено было снарядить 80 тысячъ и пожертвовать 3 милліона деньгами.

Государь плакалъ, отъ волненія никто не могъ удержать слезъ. Успокоившись нѣсколько, онъ сказалъ: „Я многаго ожидалъ отъ московскаго дворянства, но оно превзошло мои ожиданія. Благодарю васъ именемъ отечества!“ Покинувъ дворянство, онъ перешелъ въ купеческую залу и здѣсь также, до глубины души, былъ потрясенъ грознымъ энтузіазмомъ и многомилліонными пожертвованіями. Съ поразительной быстротой москвичи собрали между собою 10 милліоновъ на войну.

Взволнованный и умиленный государь много и много разъ повторялъ: „Этого дня я никогда не забуду“...

Государь воочію увидалъ въ Москвѣ Русь допетровскую, во всей ея безграничной любви къ царю и отечеству, готовую на всѣ пожертвованія, на самую поголовную гибель, ради спасенія Россіи...

Между тѣмъ войска наши отступали, завлекая Наполеона въ глубь Россіи. Это больше и больше возбуждало ропотъ въ войскѣ, непривыкшемъ отступать

а также и въ самомъ народѣ. Особенно тяжело обрушивалось недовольство за это на Барклая-де-Толли, котораго не любили, какъ человѣка сухого и замкнутаго и какъ нѣмца по фамиліи, его даже совершенно напрасно заподозрѣвали въ измѣнѣ. На его привѣтствія войско отвѣчало обиднымъ и даже зловѣщимъ молчаніемъ... Рѣшено было, чтобы арміи Барклая и Багратіона соединились подъ Витебскомъ. Наполеонъ же старался всячески помѣшать этому и говорилъ, что тотъ и другой никогда больше не увидятся. Противъ, отдѣленнаго отъ первой арміи для защиты дороги въ Псковъ и Петербургъ, корпуса генерала Витгенштейна онъ отправилъ часть своего войска подъ начальствомъ маршаловъ Макдональда и Удино, которые потерпѣли пораженіе подъ Полоцкомъ и не могли двинуться по направленію къ Петербургу. Отступленіе же главныхъ нашихъ войскъ сопровождалось упорными битвами Барклая у Витебска, Багратіона подъ Могилевомъ и Оршей. Вопреки усиліямъ Наполеона наши войска 21 іюля соединились подъ Смоленскомъ, а для обезпеченія отступленія ихъ далѣе рѣшено было защищать нѣкоторое время этотъ городъ. Прежде всего генералъ Невѣровскій съ 7.000 отрядомъ подъ Краснымъ геройски отбилъ 40 атакъ Наполеонова зятя, неаполитанскаго короля Мюрата, и далъ возможность 16-тысячному корпусу Раевскаго занять Смоленскъ. Цѣлый день 4 августа, несмотря на громадныя потери, этотъ храбрецъ отбивалъ приступы 200-тысячной непріятельской арміи. На слѣдующій день его утомленныя войска смѣнилъ корпусъ генерала Дохтурова, который снова отбилъ всѣ приступы непріятеля. Въ ночь на 6 августа вся наша армія спокойно отступила по дорогѣ къ Москвѣ, а слѣдомъ за нею двинулся изъ Смоленска Дохтуровъ, оставивъ изумленному Наполеону одинъ обгорѣлыя развалины города, покрытыя массами убитыхъ...

Положеніе Барклая-де-Толли послѣ его отступленій и сдачи Смоленска было очень трудное: всѣ винили его за удачный ходъ войны. Войско роптало. Въ обществѣ даже говорили объ его измѣнѣ. Тяжело было старому боевому генералу все это видѣть и слышать. Онъ ничего не могъ сдѣлать, чтобы ободрить войско, рвавшееся въ рѣшительную битву. Онъ понималъ, что проигранное сраженіе будетъ гибелью для отечества. Поневолѣ приходилось отступать передъ непріятелемъ, который былъ многочисленнѣе и сильнѣе.

Безъ пѣсенъ, хмурые, печально шагали наши солдаты по столбовой дорогѣ. Пушки тянулись за ними въ шесть рядовъ. Жара была ужасная. Окруженное облаками черной пыли войско томилось отъ жажды и усталости. Солнце сквозь облака пыли казалось багровымъ пятномъ. Между тѣмъ приходилось отбиваться отъ непріятеля.

Вмѣстѣ съ нашимъ войскомъ отступало и населеніе деревень и городовъ, спасаясь отъ грабежа и насилій непріятельскихъ солдатъ.

Сраженіе подъ Смоленскомъ.

Одни, забравъ кое-какое имущество, уходили за войскомъ или перебирались въ дальнія мѣста; другіе скрывались въ лѣсахъ и оттуда, при всякомъ удобномъ случаѣ, вредили непріятелю. Всѣ поступали такъ, чтобы врагу не оставалось ничего. Жители города Вязьмы роздали нашимъ отрядамъ всѣ припасы, какіе у нихъ еще оставались, и потомъ подожгли городъ. По деревнямъ крестьяне спрашивали нашихъ солдатъ: „Не пора ли, служивые, зажигать избы?“ Что оставляли жители, то зажигали казаки. Верстъ 20 по сторонамъ отъ столбовой дороги, по которой отступало наше войско, виднѣлись пожары, и предъ непріятелемъ всюду становилось пусто, хоть шаромъ покати. Чтобы добыть какихъ-нибудь припасовъ, непріятельскимъ отрядамъ приходилось сворачивать далеко въ сторону; но и тамъ они немногимъ могли поживиться.

Наполеонъ начиналъ уже видѣть, что его ожидало далѣе. Онъ вознамѣрился сдѣлать императору Александру мирныя предложенія и избралъ для того раненаго и взятаго въ плѣнъ генерала Тучкова, привезеннаго въ Смоленскъ. Наполеонъ имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ и, въ концѣ-концовъ, поручилъ ему въ точности передать этотъ разговоръ государю. Затѣмъ онъ написалъ собственноручное письмо къ государю и отправилъ его въ нашу главную квартиру. Отвѣтомъ Наполеону было презрительное молчаніе.

Итакъ, какъ уже сказано выше, русская армія дошла до селенія Царево-Займища на московской дорогѣ, гдѣ найдено было удобное мѣсто для большого сраженія. Это было 17 августа. Начали строить укрѣпленія, но войска

не надѣялись уже на близкую встрѣчу съ врагами. Поколебалось довѣріе къ главнокомандующему, а разногласіе его съ княземъ Багратіономъ, начальникомъ второй арміи, достигло высшей степени. И вдругъ здѣсь чрезъ нѣсколько часовъ по вступленіи арміи въ лагерь получено было извѣстіе о Высочайшемъ повелѣніи быть князю Кутузову главнокомандующимъ надъ всѣми арміями и о скоромъ прибытіи его къ войскамъ. Радость была огромная.

Такъ кончилось главное начальство Барклая-де-Толли первыми двумя арміями. Онъ остался подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго. Заглушивъ въ себѣ оскорбленное самолюбіе, онъ продолжалъ службу свою съ прежнимъ усердіемъ.

III.

Кутузовъ—главнокомандующій. Бородино. Военный Совѣтъ въ Филяхъ.

Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ былъ природный русскій, любимецъ войска и народа. Человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія, дальновидный и, по свидѣтельству современниковъ, ловкій и хитрый, онъ рано началъ свою боевую карьеру и считался ученикомъ Румянцева и великаго Суворова. Въ царствованіе Екатерины онъ участвовалъ въ двухъ турецкихъ войнахъ, и оба раза былъ тяжело раненъ въ голову, при чемъ въ первый разъ пуля ударила его въ лѣвый високъ и вылетѣла у праваго глаза; вторая рана была въ щеку. Принявъ участіе въ штурмѣ Измаила, онъ явилъ въ этомъ дѣлѣ чудеса храбрости и воинскаго искусства, и Суворовъ въ своемъ донесеніи такъ говорилъ о своемъ младшемъ сподвижникѣ: „Кутузовъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моей правой рукой“.

Въ 1805 г., уже въ царствованіе императора Александра, Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзной русско-австрійской арміей. Вынужденный, противъ желанія, дать Наполеону сраженіе при Аустерлицѣ, онъ не могъ нести отвѣтственности за пораженіе, которое нанесъ союзной арміи Наполеонъ. Но императоръ Александръ винилъ въ этой неудачѣ стараго полководца. Нѣкоторое время Кутузовъ оставался въ тѣни и въ немилости. Наконецъ въ 1811 г. явилась необходимость назначить его главнокомандующимъ въ войнѣ съ Турціей. Уничтоживъ цѣлымъ рядомъ блестящихъ военныхъ дѣйствій 60-тысячную турецкую армію, онъ заставилъ Турцію подписать миръ въ Бухарестѣ, что какъ разъ совпало со вступленіемъ Наполеона въ наше отечество. И все чаще и чаще произносилось въ народѣ имя стараго любимаго полководца, все болѣе и болѣе укоренялось въ войскѣ и въ обществѣ убѣжденіе, что только Кутузовъ можетъ спасти Россію. Израненный въ бояхъ, въ высшей степени религіозный, Кутузовъ считался прямымъ преемникомъ Суво-

Ген.-фельд. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.

У Шевардинскаго редута.

рова, и всѣ были увѣрены въ томъ, что стоитъ ему пріѣхать въ армію,—и войска наши перейдутъ въ наступленіе, начнутъ бить французовъ. Государь внялъ общему голосу, и 8 августа Кутузову было объявлено, что онъ назначается главнокомандующимъ надъ всѣми арміями. Вѣсть объ этомъ назначеніи была встрѣчена въ народѣ и въ войскѣ съ невыразимымъ восторгомъ. Самъ Кутузовъ глубоко былъ растроганъ оказаннымъ ему довѣріемъ. Наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга въ армію онъ горячо и со слезами молился въ Новомъ Казанскомъ соборѣ. Тысячная толпа народа плакала вмѣстѣ съ Кутузовымъ, когда, окропленный святой водой, возложивъ на себя поднесенный ему образъ Казанской Божьей Матери, онъ проговорилъ: „Молитесь за меня, меня посылаютъ на великое дѣло“.

Кутузовъ отправился въ армію 11 августа. Весь путь слѣдованія его къ войскамъ былъ сплошнымъ торжествомъ, омраченнымъ только полученнымъ на первой же станціи извѣстіемъ о занятіи Смоленска французами. „Ключъ къ Москвѣ взятъ“, съ горечью промолвилъ Кутузовъ и спѣшно продолжалъ путь туда, гдѣ его нетерпѣливо ждали, и гдѣ съ нимъ немъ его связывались надежды на побѣды и одолѣніе врага. И гдѣ бы онъ ни проѣзжалъ, вездѣ встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью, съ иконами, всѣ напутствовали его благословеніями и словами: „Поспѣшай, отецъ нашъ, избавь насъ отъ супостата“.

17 августа новый главнокомандующій прибылъ въ армію. Поздоровавшись съ выставленнымъ для его встрѣчи въ Царевѣ-Займищѣ карауломъ, онъ какъ бы про себя сказалъ: „Ну, можно ли отступать съ такими молодцами?!“ Эти слова полководца съ быстротой молніи разнеслись по войскамъ. Сразу поднялся духъ солдатъ, недовольныхъ долгими отступленіями. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“! оживленно и радостно говорили въ войскахъ.

Пріѣхавъ въ лагерь, при Царевѣ-Займищѣ, свѣтлѣйшій вышелъ изъ кареты и сѣлъ на коня. На немъ былъ мундирный сюртукъ безъ эполетъ, бѣлая фуражка съ краснымъ околышемъ, безъ козырька; черезъ плечо—шарфъ, черезъ другое—ремень съ нагайкою. Завидѣло его войско и восторженно грянуло ура. Осмотрѣлъ онъ Царево-Займище. „Это мѣсто,—сказалъ онъ,—для сраженія не годится; надо отойти еще подальше“. Пошла наша армія дальше по московской дорогѣ и дошла до селенія Бородина. Тутъ она остановилась тамъ, гдѣ текутъ около Бородинскаго поля двѣ рѣчки и два ручья: Колоча, Война, Огникъ и Стонецъ.

Бородинская битва—величайшее по своему значенію событіе Отечественной войны—стала развертываться съ 23 августа. Бородинская позиція представлялась одной изъ самыхъ удобныхъ для насъ на пути отъ Смоленска до Москвы.

Занятая Кутузовымъ позиція тянулась 8 верстъ по прямой линіи. На правомъ флангѣ, который былъ особенно доступенъ для нападенія и былъ важенъ тѣмъ, что въ $2^1/_2$ верстахъ отъ него проходила московская дорога, Кутузовъ приказалъ построить редутъ; на крайнемъ лѣвомъ флангѣ былъ тоже построенъ редутъ — знаменитый впослѣдствіи Шевардинскій; у села Семеновскаго тоже были возведены укрѣпленія, названныя потомъ Багратіоновыми флешами; передовой пунктъ, у деревни Горокъ, гдѣ расположился самъ Кутузовъ, тоже былъ укрѣпленъ.

Орелъ, орелъ! —Кутузовъ, увидѣвъ орла, снялъ фуражку.

23 августа Кутузовъ объѣзжалъ войска. Когда онъ подъѣхалъ къ корпусу Багговута, изъ-за рощи вылетѣлъ орелъ. „Онъ поднимался все выше и выше,—разсказывалъ очевидецъ,—наконецъ, величаво поплылъ надъ нами и какъ бы остановился

Наполеонъ I на Шевардинскихъ высотахъ во время битвы 26 августа.

надъ главнокомандующимъ. Багговутъ, его первый замѣтившій, снялъ фуражку и закричалъ: „Орелъ! орелъ!“ Кутузовъ, увидя орла, снялъ также фуражку свою, воскликнувъ: „Побѣда, побѣда россійскому воинству! Самъ Богъ ее намъ предвѣщаетъ!“

На зарѣ 24 августа было пасмурно, затѣмъ пошелъ мелкій холодный дождь, туманной завѣсой повисшій надъ расположеніемъ обѣихъ армій. Утромъ Наполеонъ долго и внимательно обозрѣвалъ расположеніе русскихъ войскъ въ подзорную трубу и все говорилъ про себя: „Большая будетъ битва... Много народа... много-много смертей“. Затѣмъ повернулся къ свитѣ и сказалъ: „Побѣда будетъ наша“. 24 августа разыгралось вступленіе къ Бородинской битвѣ. Наполеонъ напалъ на нашъ лѣвый флангъ, гдѣ былъ построенъ нами Шевардинскій редутъ. Послѣ упорнаго боя, когда Шевардинскій редутъ три раза переходилъ изъ рукъ въ руки, онъ остался къ ночи за французами.

25 августа Кутузовъ объѣзжалъ войска, говорилъ съ ними, старался подкрѣпить, воодушевить солдатъ. „Вамъ придется защищать землю родную, послужить вѣрой и правдой, до послѣдней капли крови,—говорилъ солдатамъ старый вождь.—Каждый полкъ пойдетъ въ дѣло. Васъ будутъ смѣнять, какъ

часовыхъ, черезъ каждые два часа. Надѣюсь на васъ. Богъ вамъ на помощь! Отслужите молебенъ». Молебны служили во всѣхъ полкахъ; вмѣсто налоевъ полковые образы стояли на барабанахъ, жарко теплились огоньки свѣчей, жарки были молитвы бойцовъ, готовившихся испить смертную чашу. Передъ вечеромъ по всему расположенію арміи понесли крестнымъ ходомъ образъ Смоленской Божіей Матери и вездѣ служили молебны, окропляя святой водой укрѣпленія и воиновъ. Кутузовъ первый набожно преклонился и молился передъ смоленской святыней.

Ночь передъ боемъ была холодная; густой туманъ, смѣшанный съ дымомъ горѣвшихъ деревень, низко стлался по землѣ. На нашихъ бивакахъ ярко горѣли огни костровъ, но не было слышно ни музыки ни пѣсенъ; солдаты отказывались отъ винной порціи, надѣвали чистыя рубахи, чистили амуницію и оружіе, готовясь къ смертной битвѣ, какъ къ послѣднему параду.

Было еще темно, когда французская армія въ четыре часа утра, 26 августа, одѣтая въ полную парадную форму, стала становиться въ ружье. Въ началѣ 6-го часа Наполеонъ выѣхалъ къ Шевардину, гдѣ стояла его гвардія. Свѣтало. Костры догорали въ слабомъ свѣтѣ утра. Было пасмурно, туманно и холодно. Вдругъ поднялся вѣтеръ и нѣсколько разсѣялъ облака. Показалось солнце. „Вотъ солнце Аустерлица!“ воскликнулъ Наполеонъ. Гвардія отвѣчала ему радостнымъ: „Да здравствуетъ императоръ!“

Князь Кутузовъ, окруженный штабомъ, встрѣчаетъ икону Смоленской Божіей Матери (25 августа).

Поднявшееся надъ горизонтомъ солнце освѣтило и русскія позиціи. Мы тоже были готовы. Отъ ручья Стонца и до лѣса стояла сплошная стѣна русскихъ войскъ; войско, держа ружье у ноги, стояло спокойно и выжидало. Ровно въ 6 часовъ раздался густой одинокій пушечный выстрѣлъ съ гвардейской французской батареи, пронесся и замеръ среди общей тишины. Прошло нѣсколько минутъ. Раздался второй, третій выстрѣлъ, заколебался воздухъ. Русскія батареи подхватили, и все слилось въ общій ревъ. Начался Бородинскій бой.

Наполеонъ передъ битвой. (Съ французской гравюры).

Кутузовъ еще до разсвѣта былъ въ центрѣ расположенія своей арміи и ждалъ движенія французовъ. Французы сразу повели нападеніе на Багратіоновы флеши и на Бородино. Первое нападеніе на Багратіона было отбито имъ, но Бородино было сразу занято французами. Центръ боя завязался тогда у флешей Багратіона. Укрѣпленія Багратіона переходили изъ рукъ въ руки: то французы займутъ ихъ, то наши собравшись съ силами, вытѣснятъ французовъ. Около 10 часовъ утра былъ смертельно раненъ Багратіонъ. Утомленіе нашихъ войскъ, численный перевѣсъ французовъ, огромныя потери,—все это помогло, наконецъ, французамъ занять Багратіоновы флеши. Наши отошли нѣ-

А. П. Тормасовъ.

Генералъ-лейтенантъ Багговутъ.

А. П. Ермоловъ.

Ген.-отъ-инфант. Д. С. Дохтуровъ.

сколько назадъ, но тутъ остановились и остановили французовъ. Французы усилили свои нападенія, вотъ-вотъ намъ грозилъ обходъ лѣваго фланга, но французы были уже не въ состояніи сдѣлать послѣдняго усилія, и это дало намъ возможность передохнуть и оправиться. Маршалы Наполеона просили у него подкрѣпленій. Но Наполеонъ отказалъ, говоря, что ему все еще неясно общее положеніе дѣла.

Послѣ полудня Наполеонъ рѣшилъ всѣми силами ударить въ центръ нашей арміи. Въ три часа дня французы послѣ жестокаго боя овладѣли центральной нашей батареей. Но это были и всѣ ихъ успѣхи. Къ пяти часамъ вечера заходившее солнце освѣтило страшную картину: «На полѣ Бородинскомъ, усѣянномъ трупами, политомъ кровью, не было уже ни французской ни русской арміи; тутъ и тамъ другъ противъ друга стояли кучки людей, издали казавшіяся каждому изъ противниковъ войсками, но организованнаго войска уже не было ни у насъ ни у французовъ. Съ разсвѣта не бывши, измученные страшнымъ напряженіемъ нервовъ, почти десять часовъ безъ перерыва не выходя изъ боя, ни французы не могли возобновить нападенія ни мы перейти въ наступленіе. Наши войска стояли плотными кучами позади занятыхъ французами укрѣпленій, и наши орудія не переставали отвѣчать на огонь французскихъ пушекъ. Участь боя могли рѣшить только свѣжія войска, но у Кутузова оставалось всего 6 батальоновъ пѣхоты, не бывшихъ еще въ огнѣ, тогда какъ у Наполеона была еще не тронута вся гвардія, отборное его войско. Маршалы просили у Наполеона повелѣнія двинуть гвардію впередъ, но Наполеонъ молчалъ. Онъ видѣлъ, что, несмотря на взятіе послѣ усилій цѣлаго дня боя флешей и центральной батареи, до рѣшительнаго успѣха еще очень далеко. Опытъ войны ясно говорилъ ему, что если послѣ усилій цѣлаго дня нападающій не одержалъ рѣшительнаго успѣха, то это значитъ, что при малѣйшей случайности достигнутый успѣхъ можетъ превратиться въ рѣшительное пораженіе, и Наполеонъ отказалъ маршаламъ въ ихъ просьбѣ двинуть гвардію». Къ ночи и мы и французы стояли твердо на своихъ мѣстахъ. Кутузовъ объявилъ наступленіе на слѣдующій день. Но, поговоривъ съ Дохтуровымъ, героемъ дня, замѣнившимъ Багратіона послѣ Коновницына, приказалъ отступать къ Москвѣ. Болѣе половины русской арміи легло костьми, надо было сохранить для будущаго оставшуюся половину.

Отступленіе русскихъ французы сочли за свою побѣду. Но это была странная побѣда: врагъ уничтоженъ не былъ и, потерявъ половину своихъ силъ, стоялъ въ концѣ боя такъ же грозно, какъ и въ началѣ. Это дѣйствовало подавляюще на французовъ. Нравственная сила ихъ войска была истощена. Мы же, устоявъ противъ Наполеона въ кровопролитнѣйшемъ бою, почувствовали, что можемъ бороться съ нимъ и побѣдить его. Побѣда нравственная была за нами. Для французовъ Бородино сошло за побѣду лишь потому, что мы отсту-

пили, но, отступая, „русскіе,—какъ говоритъ французскій историкъ,—увлекали французовъ къ пропасти. Кутузовъ своимъ отступленіемъ сохранялъ свою армію, Наполеонъ, подвигаясь впередъ, губилъ свою. Мы шли на свои подкрѣпленія и къ пополненію запасовъ. Наполеону нечего было разсчитывать на подкрѣпленіе; онъ думалъ въ Москвѣ предписать намъ миръ, но Москва сгорѣла, и въ ея пожарѣ погибла удача Наполеона.

Нерѣшительное съ внѣшней стороны сраженіе и Наполеонъ и Кутузовъ считали каждый своею побѣдою. Первый послалъ извѣщеніе въ Парижъ императрицѣ Маріи-Луизѣ, что онъ одержалъ побѣду надъ русскими войсками

Бородинское сраженіе.

подъ Москвою, а Кутузовъ поздравлялъ русскія войска съ побѣдой и думалъ на утро возобновить сраженіе. Такой же характеръ имѣло и его донесеніе императору Александру.

На Бородинскихъ поляхъ мы потеряли выбывшими изъ строя 44.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 22 генерала (Тучковы, Горчаковъ, Вороновъ, Бахметьевъ и др.) и 2.000 офицеровъ. Не меньше были и потери непріятеля: у него однихъ генераловъ выбыло изъ строя 49, почему французы называли Бородинское дѣло сраженіемъ генераловъ. У насъ послѣ битвы осталось 52.000 человѣкъ, а у Наполеона—95.000.

«Изъ всѣхъ моихъ сраженій, — говорилъ на островѣ св. Елены Наполеонъ,—самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Французы показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми».

„Не даромъ помнитъ вся Россія про день Бородина", сказалъ нашъ родной поэтъ.

Кутузовъ приказалъ готовиться назавтра къ нападенію. Всѣ были этому рады: всѣмъ вѣрилось, что стоитъ еще разъ всѣми силами навалиться на врага -и онъ будетъ уничтоженъ. Но вечеромъ донесли Кутузову, что войско наше сильно разстроилось, хотя и готово на новый бой. «Надобно итти по московской дорогѣ,—сказалъ онъ,—если непріятель и займетъ Москву, то онъ въ ней расплывется, какъ губка, и я буду свободенъ дѣйствовать, какъ захочу». 26 августа, въ шесть часовъ утра, князь Кутузовъ началъ отступать за городъ Можайскъ, ближе къ Москвѣ.

Заслуги, оказанныя княземъ Кутузовымъ на полѣ битвы, не остались безъ должной награды: императоръ Александръ возвелъ его въ достоинство генералъ-фельдмаршала.

Хотя мы и отступили, но послѣ Бородинскаго дѣла положеніе Наполеона стало хуже нашего. Онъ былъ на чужой сторонѣ, поубавились у него войска, и пополнить ихъ было нечѣмъ; а мы были дома: одинхъ не стало—другіе нашлись.

Вѣсть объ отступленіи была принята нашими невесело. Утромъ Наполеонъ, осмотрѣвъ поле сраженія и видя, что наши ушли, приказалъ своему войску итти впередъ.

Наши шли уныло, утѣшая себя надеждой, что подъ Москвой будетъ опять сраженіе. По пути, особенно ночью, вездѣ видны были пожары: крестьяне зажигали свои деревни, скирды хлѣба и стоги сѣна. 1 сентября войско подошло къ Москвѣ.

На Поклонной горѣ, въ 6 верстахъ отъ Москвы, Кутузовъ остановился, сѣлъ на лавку, на краю дороги и созвалъ генераловъ. Изъ Москвы пріѣхалъ главный ея начальникъ, графъ Ростопчинъ. Фельдмаршалъ пригласилъ всѣхъ ѣхать за собою въ близлежащую деревню Фили. Тамъ, въ просторной, лучшей избѣ мужичка Андрея Севастьянова, въ два часа собрался военный совѣтъ. Фельдмаршалъ князь Кутузовъ сѣлъ въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, покряхтывалъ да помалчивалъ. Вокругъ крестьянскаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумага, собралось много генераловъ. Подъ самыми образами, на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ, съ высокимъ лбомъ и лысой головой Барклай-де-Толли. Изъ главныхъ начальниковъ были тутъ: Дохтуровъ, Раевскій, Коновницынъ, Ермоловъ, Беннигсенъ, Толь и другіе. Когда всѣ собрались, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и приблизился къ столу, но на столько, что его лицо не было

Военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ 1 сент. 1812 г.

освѣщено поданными на столъ свѣчами. Онъ заговорилъ: «Спасеніе Россіи— въ арміи. Что выгоднѣе: принять ли сраженіе, при чемъ можно потерять и армію и Москву, или отдать Москву безъ сраженія?"

Начались толки; мнѣнія раздѣлились. Одни говорили, что надо дать сраженіе, другіе что это невозможно. Долго толковали генералы. Кутузовъ все молчалъ. Наконецъ онъ далъ знакъ, и всѣ замолчали. Медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу. „Господа, — сказалъ онъ, — я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ не согласны со мной, но я властью, данною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, приказываю отступленіе".

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ, думалъ тяжелую думу. Находившійся при немъ болѣе 20 лѣтъ адъютантъ, стараясь разсѣять его, заводилъ съ нимъ рѣчь, но слова его оставались безъ отвѣта. „Гдѣ же мы остановимся?» наконецъ спросилъ онъ. Тогда фельдмаршалъ подошелъ къ столу, ударилъ объ него кулакомъ и сказалъ: «Ужъ доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что будутъ они лошадиное мясо жрать". Послѣ того всю ночь тосковалъ старый полководецъ и не разъ плакалъ.

IV.

Занятіе Москвы Наполеономъ. Пожаръ Москвы. Оставленіе французами Москвы.

Въ Москву стали привозить раненыхъ съ Бородинскаго поля. Ручаясь своими сѣдыми волосами, Кутузовъ писалъ московскому генералъ-губернатору графу Ростопчину, что онъ не отдастъ Москвы врагамъ безъ боя. Но осторожный Ростопчинъ все-таки приказалъ спѣшно вывозить святыни и государственныя драгоцѣнности. Для этого окрестные крестьяне снарядили 52.000 подводъ, отказываясь брать за это плату. Многія осторожныя семьи также покидали Москву. Но генералъ-губернаторъ все еще продолжалъ увѣрять населеніе столицы, что будетъ новая битва подъ Москвою. И вдругъ поздпею почью 1 сентября графъ Ростопчинъ узналъ, что войска получили приказаніе итти чрезъ Москву на рязанскую дорогу, а начальникъ нашего арьергарда, графъ Милорадовичъ,—договориться съ начальникомъ авангарда Мюратомъ, чтобы французы отнюдь не вступали въ Москву до выхода изъ нея всѣхъ русскихъ войскъ. Мюратъ согласился на это, такъ какъ Милорадовичъ грозилъ не оставить въ Москвѣ камня на камнѣ.

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ.

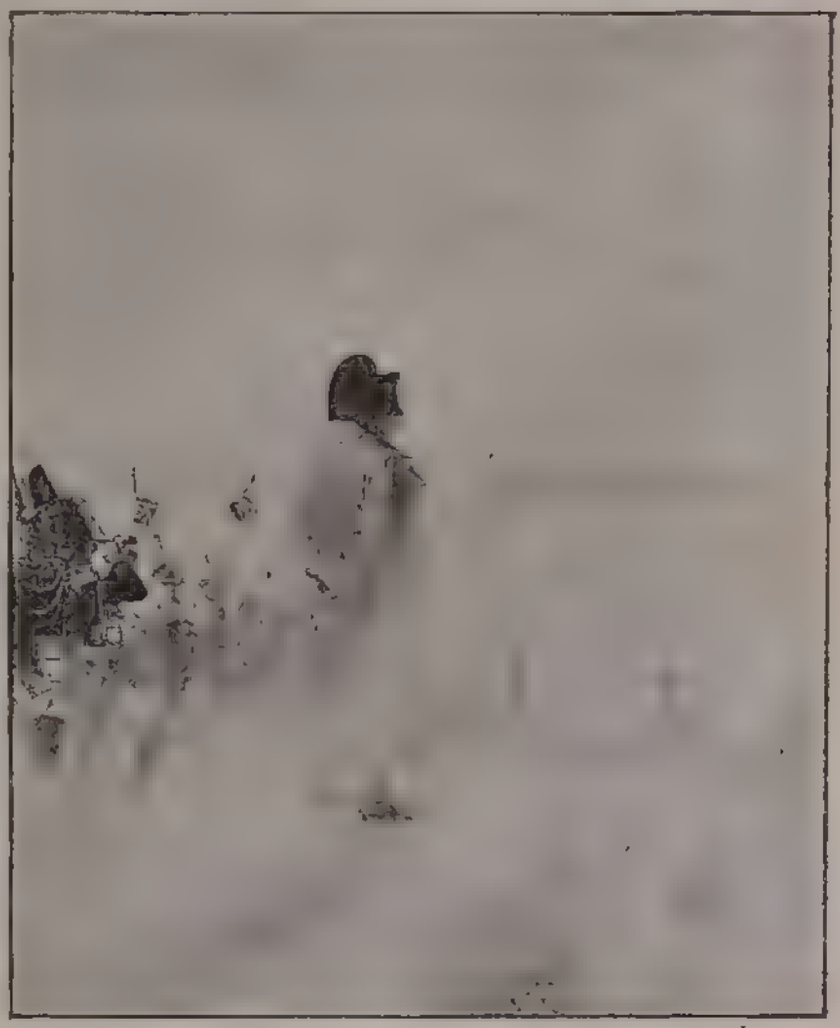
Когда Милорадовичъ подъѣхалъ къ Кремлю, изъ него выходилъ кремлевскій мѣстный гарнизонъ. Его выступленіе звучало какимъ-то раздирающимъ душу диссонансомъ: онъ шелъ съ распущеннымъ знаменемъ и музыкой. Горячій Милорадовичъ подскакалъ къ начальнику отряда и сталъ браниться за то, что это сдѣлано такъ некстати. „Если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно,—отвѣчалъ начальствовавшій генералъ,—то выходитъ съ музыкой и распущенными знаменами: такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго“.—„Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что-либо о сдачѣ Москвы?“ -вскричалъ пылкій Милорадовичъ.—Прикажите замолчать вашей музыкѣ“. И та замолкла.

Войска проходили къ Рязанской заставѣ. Барклай-де-Толли, 18 часовъ не сходя съ лошади, слѣдилъ за ихъ выходомъ у Яузскаго моста. Кутузовъ, по-

нурнвъ голову, долго сидѣлъ за заставой на скамейкѣ, ожидая отвѣта отъ Милорадовича. Получивъ донесеніе о заключенной съ Мюратомъ конвенціи, перекрестился на Москву и грустный поѣхалъ дальше.

Мрачно, съ тяжелыми думами проходили войска чрезъ Москву. Купцы, стоя у открытыхъ лавокъ, предлагали имъ безплатно брать все, что имъ нужно: «не доставайся де врагамъ наше добро... Москва быстро пустѣла...

2 сентября вся армія Наполеона пододвинулась къ Москвѣ. Въ 2 часа дня на бѣлой арабской лошади, въ сопровожденіи свиты, самъ императоръ прибылъ на Поклонную гору. Увидавъ Москву, Наполеонъ воскликнулъ: „Такъ вотъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ!.. Теперь война кончена. Да и пора ужъ“. Сойдя съ коня, онъ сталъ разсматривать дивную панораму Москвы въ зрительную трубку. И всѣ генералы любовались прекраснымъ городомъ.



Наполеонъ на Поклонной горѣ.

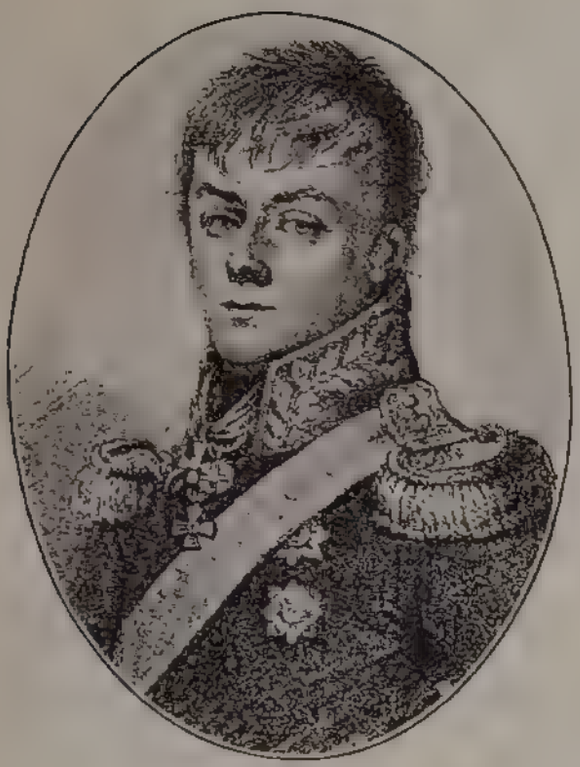
Пушечный выстрѣлъ подалъ сигналъ къ вступленію въ городъ непріятельской арміи. Кавалерія рысью, а пѣхота бѣглымъ маршемъ въ три ближайшія заставы стала входить въ Москву.

Наполеонъ сѣлъ опять на коня и поскакалъ къ Дорогомиловской заставѣ, ожидая, что здѣсь, по примѣру Вѣны, Берлина и другихъ столицъ Запада, встрѣтитъ его депутація изъ властей и знатнѣйшихъ лицъ столицы, съ ключами отъ Кремля на почетномъ блюдѣ. Прискакавшіе изъ города офицеры доложили, что онъ пустъ, оставленъ населеніемъ. Москва опять вышла изъ себя, опять опустѣла, опять ушла, но не такъ, какъ при недавней встрѣчѣ русскаго царя. „Это невѣроятно,—сказалъ Наполеонъ.—Нужно удостовѣриться въ этомъ. Ступайте и приведите ко мнѣ бояръ“. Онъ первно зашагалъ у заставы. Скоро привели къ нему группу застрявшихъ въ Москвѣ иностранцевъ, подтвердившихъ непріятную новость. И мрачный побѣдитель заночевалъ въ Дорогомиловской слободѣ, на одномъ постояломъ дворѣ.

Вступленіе французской арміи въ Москву.

Первымъ вступилъ въ Кремль чрезъ Троицкія ворота отрядъ генерала Себастіани. Здѣсь стояла группа народа, вооруженная старинными ружьями, взятыми изъ арсенала. Изъ этой группы раздалось нѣсколько безнадежныхъ выстрѣловъ. Французы дали въ стоявшихъ два залпа, кавалерія начала рубить ихъ саблями. Оказалось, что кто-то изъ москвичей, принявъ Себастіани за Наполеона, сдѣлалъ свою отчаянную попытку. Пролилась первая русская кровь въ Москвѣ, и она почти въ ту же минуту, какъ будто по сигналу, залѣла заревомъ пожаровъ, которые вначалѣ показались непріятелю простою случайностью.

На другой день по пустынымъ улицамъ мрачно въѣхалъ чрезъ Боровицкія ворота въ Кремль Наполеонъ. Только войдя во дворецъ, онъ почувствовалъ себя лучше. «Такъ вотъ эти гордыя стѣны,—сказалъ онъ.—Наконецъ-то я въ Москвѣ, въ ея Кремлѣ, въ древнемъ дворцѣ русскихъ царей». Обращаясь къ окружающимъ, онъ продолжалъ: „Русскіе еще сами не знаютъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе занятіе Москвы. Посмотримъ, что они будутъ дѣ-



П. П. Коновницынъ.

Графъ А. И. Остерманъ-Толстой.

Ген.-майоръ Кульневъ.

Графъ С. С. Уваровъ.

лать... Вѣдь мы зазимуемъ среди враждебнаго намъ народа. Впрочемъ, до этого не дойдетъ: императоръ Александръ не доведетъ меня до этого и подпишетъ миръ".

Но какъ глубоко ошибался Наполеонъ въ русскомъ царѣ.

3 сентября Наполеонъ вернулся въ Москву и поселился въ Кремлѣ. Наконецъ-то достигъ онъ желанной цѣли. Онъ не вѣрилъ, что Москва пуста въ полномъ смыслѣ этого слова. Наполеонъ полагалъ, что если бы даже, противъ всякаго ожиданія, императоръ Александръ и не попроситъ теперь самъ мира, то зимнія квартиры для его арміи будутъ во всякомъ случаѣ обезпечены и онъ спокойно проэимуетъ въ Москвѣ, запасутся провіантомъ и весной возобновятъ военныя дѣйствія.

Скоро ему пришлось убѣдиться, что онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ: фуража никакого въ Москвѣ не оказалось. И кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ города вспыхнули пожары. Оставшіеся въ городѣ жители, частью по собственному побужденію, частью, какъ говорили, по приказанію выѣхавшаго изъ Москвы Ростопчина, подожгли дома и имущество, и въ нѣсколько дней выгорѣла лучшая часть Москвы.

Наполеонъ за Кремлевской стѣной.

Настали тяжелыя времена. Переломъ войны близился, силы противниковъ таяли; наши же силы увеличивались. Вѣсть о занятіи Москвы и объ ея пожарахъ распространилась по всей Россіи. Вѣсть эта потрясла болью сердца русскія. Фуражировать французамъ въ окрестностяхъ Москвы становилось все болѣе и болѣе опасно: крестьяне безпощадно расправлялись съ непріятелями, если они приходили за фуражомъ небольшими отрядами. Если же являлось ихъ много, то крестьяне уходили отъ нихъ въ лѣса, сжигая за собой все свое добро; такъ что врагу нечѣмъ было поживиться.

Высшаго напряженія пожаръ Москвы достигъ въ ночь на 4 сентября. Сильный вѣтеръ разносилъ

Пожаръ Москвы 3 сентября 1812 г.

огонь по всѣмъ направленіямъ города. Запылало Замоскворѣчье, горѣли Ильинка и Тверская; цѣлые столбы дыма и пламени со всѣхъ сторонъ подступали къ Кремлю, гдѣ въ роскошныхъ палатахъ русскихъ царей, не подозрѣвая еще ничего о надвигавшемся на него грозной пламенной тучѣ, мирно спалъ въ эту страшную ночь Наполеонъ.

Но зато какъ страшно было его пробужденіе. Небывалое грозное зрѣлище, представившееся глазамъ подошедшаго утромъ къ окну императора, наполнило душу его смущеніемъ и тревогой. Онъ вдругъ созналъ весь ужасъ своего положенія: его сломила эта страшная рѣшимость враговъ; онъ понялъ, что **русскіе сами жгутъ свою великолѣпную столицу.**

„Какое ужасное зрѣлище!“ – рѣзко и отрывисто воскликнулъ онъ. – „Это сами они поджигаютъ. Сколько прекрасныхъ зданій. Что за люди... Что скиѳы...“

Пожаръ свирѣпствовалъ все больше и больше, угрожая уже и Кремлю, гдѣ легко могли взорваться патронные ящики артиллеріи. Но императоръ медлилъ оставить Кремль: ему казалось постыднымъ бѣжать изъ дворца русскихъ царей, которымъ онъ только что завладѣлъ. Однако, уступая просьбамъ при-

ближенныхъ, когда уже повсюду раздавались возгласы: „Кремль горитъ, Кремль горитъ" рѣшился онъ, наконецъ, оставить его и переѣхать въ загородный Петровскій дворецъ. Но не такъ-то легко было добраться туда. Пѣшкомъ, окруженные цѣлымъ моремъ пламени, вышли изъ Кремля Наполеонъ и графъ Сегюръ со свитой и гвардіей. Кое-какъ добрались они до Москвы-рѣки. Дальше итти оказалось еще труднѣе. „Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Сегюръ,—и если бъ не случайное обстоятельство, выведшее императора Наполеона, мы неминуемо окончили бы здѣсь нашу, исполненную треволненій, жизнь». Французскіе солдаты, познакомившіеся уже съ мѣстностью и случайно встрѣтившіе императора и его свиту, вывели изъ по пожарищу къ Дорогомиловскому мосту. Сохранилось преданіе, что Наполеона нарочно завелъ въ огненный тупикъ одинъ русскій купецъ, рѣшившійся принести себя въ жертву, чтобъ погубить въ огнѣ императора. Наполеонъ провелъ 4 дня въ Петровскомъ дворцѣ. Онъ метался, не зналъ что дѣлать: онъ твердо рѣшилъ итти къ Петербургу. Но всѣ его боевые товарищи уже устали и втайнѣ мечтали о мирѣ.

Не получая никакихъ извѣстій о русской арміи и не зная, гдѣ она, Наполеонъ уступилъ настоянію своихъ генераловъ и первый написалъ письмо о мирѣ императору Александру. Но русскій государь даже не отвѣтилъ ему на это письмо.

Получивъ извѣстіе о сдачѣ Москвы, государь просидѣлъ неподвижно въ теченіе цѣлой ночи у своего письменнаго стола передъ картою Россіи. Ничто не въ состояніи было вывести его изъ безчувственнаго состоянія. Въ эту страшную ночь онъ много выстрадалъ: его юношеское лицо было неузнаваемо, даже волосы посѣдѣли.

Но когда полковникъ Мишо привезъ государю донесеніе Кутузова о занятіи врагами Москвы, онъ сказалъ слѣдующія достопамятныя слова:

„Возвратитесь въ армію, скажите нашимъ храбрецамъ и объявляйте всѣмъ моимъ вѣрнымъ подданнымъ, гдѣ вы проѣзжать будете, что если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей имперіи. Она представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ враги мои думаютъ. Но если Божественнымъ Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отращу себѣ бороду и скорѣе буду питаться черствымъ хлѣбомъ въ Сибири, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы которыхъ умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или Наполеонъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ".

Если Кутузовъ, войско и народъ пожертвовали Москвой, то царь для спасенія Россіи готовился пожертвовать собой и престоломъ своихъ предковъ.

Письмо Наполеона къ государю, въ которомъ онъ отклонялъ отъ себя отвѣтственность за сожженіе столицы, было оставлено безъ отвѣта...

Несчастная пылающая Москва между тѣмъ была средоточіемъ позорныхъ, неслыханныхъ злодѣйствъ. Посреди свирѣпствующаго огня день и ночь шелъ разбой, грабежъ, душегубство и поруганіе московскихъ святынь. Солдаты непріятельской арміи врывались въ церкви и монастыри, грабили драгоцѣнную утварь и облаченія, допрашивали и истязали монаховъ, церковнослужителей, требуя отъ нихъ указаній, гдѣ спрятаны сокровища. Особенно пострадала при

Въ Успенскомъ соборѣ.

этомъ братія Донского монастыря, куда сразу вломилось до 200 французовъ и, бросившись въ настоятельскія и братскія кельи, стали требовать у монаховъ золота и серебра, били ихъ, рубили саблями, проламывали имъ головы. Непріятели, вообще, точно умышленно ругались надъ святынями русскаго народа, устраивали конюшни въ храмахъ, лошадей покрывали ризами, выбрасывали иконы, стрѣляли въ нихъ въ цѣль или раскалывали на дрова, спали въ алтаряхъ, ѣли на престолахъ, а въ нѣкоторыхъ монастыряхъ устроили даже бойни для скота.

Въ Чудовомъ монастырѣ. Канцелярія маршала Даву.

Не избѣгли поруганія и кремлевскіе соборы съ ихъ гробницами свв. угодниковъ, надъ мощами которыхъ тоже неистовствовали озвѣрѣвшіе враги. Въ алтарѣ Архангельскаго собора, напримѣръ, была устроена кухня для Наполеона, когда тотъ вернулся въ Кремль изъ Петровскаго дворца.

Съ неменьшей алчностью, мучимые голодомъ, бросались непріятели также и на продовольственные запасы, когда они находили ихъ, и отнимали у жителей послѣдній иногда кусокъ хлѣба, навьючивали этихъ несчастныхъ мѣшками съ картофелемъ, капустой, мукой,—словомъ, всѣмъ пограбленнымъ добромъ, и заставляли ихъ нести за собой эти тяжести съ мѣста на мѣсто по мѣрѣ того какъ дома, въ которыхъ они располагались, дѣлались жертвой пламени.

Съ 5 сентября пожары начали затихать и къ 10 сент. совсѣмъ прекратились. Наполеонъ вернулся въ Кремлевскій дворецъ. Между тѣмъ войско требовало продовольствія, а кормить его было нечѣмъ, потому что провіанта не подвозили, да и ждать его было неоткуда: только однимъ грабежомъ и пробавлялись. Наполеонъ былъ увѣренъ, что нашъ царь согласится заключить съ нимъ миръ; а покамѣсть потѣшалъ онъ всячески своихъ солдатъ, чтобы не очень роптали. Театръ велѣлъ имъ устроить; играли въ немъ французскіе актеры, которые жили въ Москвѣ. Да головья баснями не накормишь: надо было достать хлѣба. Вотъ и приказалъ Наполеонъ объявить по окрестнымъ селамъ, откуда не всѣ еще крестьяне выбрались, что если они будутъ доставлять съѣстные припасы въ Москву, то получатъ хорошую плату. Многіе за грѣхъ считали на деньги покорыстоваться и снабжать непріятеля хлѣбомъ-солью, а нашлись и такіе, которые польстились на эти обѣщанія, привезли хлѣба и точно—получили за него деньги. Что же оказалось? Бонапартъ надѣлалъ фальшивыхъ русскихъ ассигнацій да ими и расплачивался.

Наполеонъ старался также ублажать русскихъ, оставшихся въ Москвѣ, чтобъ еще больше не озлобить ихъ противъ себя. Вздумалъ онъ порядки всякіе въ городѣ вводить и приказалъ духовенству совершать въ уцѣлѣвшихъ церквахъ богослуженіе. Изъ многихъ церквей была вся утварь вывезена, а нѣкоторыя были ограблены и осквернены. Однакоже въ нѣсколькихъ церквахъ сохранилась кое-какая утварь и въ нихъ стали совершать службу. Въ Замоскворѣчьѣ, у Петра и Павла, въ первый разъ отслужили молебенъ съ водосвятіемъ. Тѣ, которые поблизости жили, услыхавъ, какъ загудѣлъ колоколъ, не помнили себя отъ радости, и всѣ, кто въ силахъ былъ, побрели въ церковь. Когда отворились царскія двери и вышелъ изъ алтаря священникъ съ крестомъ и Евангеліемъ, весь народъ упалъ ницъ. А когда во время водосвятія запѣли на клиросѣ: „Спаси, Господи, люди Твоя", всѣ стали на колѣна и повторили хоромъ молитву, а потомъ ужъ и словъ молитвы не слышно было за плачемъ и рыданіями. Когда запѣли: „Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притечемъ", матери подымали на рукахъ грудныхъ младенцевъ къ иконѣ и громко взывали: „Пресвятая Дѣва, спаси невинныхъ чадъ". Голосъ оборвался отъ слезъ у діакона, когда онъ на ектеніи упомянулъ о царствующемъ градѣ.

Наполеонъ жилъ полнымъ хозяиномъ въ Москвѣ. Назначилъ онъ губернатора, полицмейстера и другихъ полицейскихъ чиновниковъ — все изъ фран-

Наполеонъ среди развалинъ Москвы.

цузовъ. Объѣзжалъ иногда верхомъ городъ, чтобы посмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Когда французы только еще вступали въ Москву, начальникъ Воспитательнаго Дома, генералъ Тутолминъ, отправился къ одному изъ французскихъ генераловъ и объяснилъ ему, что, молъ, «у меня въ заведеніи нѣсколько тысячъ дѣтей, потому что не успѣли ихъ вывезти, да и некуда было ихъ дѣть, такъ не дадите ли мнѣ охранную стражу?» Ему дали французскій караулъ.

Французамъ плохо приходилось въ разоренной Москвѣ. Всѣ съѣстные припасы, какіе еще оставались въ городѣ, они поѣли; продовольствія ниоткуда не привозили — пришлось имъ голодать. Вотъ и стали они разсылать партіи солдатъ грабить подмосковныя деревни. Крестьяне этихъ деревень, заслыша французовъ, забирали все свое имущество и удалялись съ нимъ въ лѣсъ.

Случалось французамъ выходить изъ города для грабежа малыми партіями. Завидя ихъ, крестьяне выходили противъ нихъ съ вилами и топорами — и не было тогда пощады врагамъ: многихъ изъ нихъ убивали, а остальныхъ преслѣдовали до самыхъ воротъ Москвы. Раздраженные такимъ сопротивленіемъ, французы рѣшились устрашить народъ жестокостью. Посланный ими на добычу отрядъ изъ тысячи человѣкъ захватилъ въ ближайшихъ отъ города деревняхъ человѣкъ до двадцати крестьянъ и привелъ ихъ въ городъ. На другой день плѣнники были отданы подъ военный судъ, который приговорилъ ихъ къ смерти. Приговоръ былъ переведенъ на русскій языкъ и прочтенъ крестьянамъ. Офицеры, которымъ было поручено исполненіе этого приговора, ожидали, что крестьяне для спасенія своей жизни будутъ просить о помилованіи, унижаться и плакать. Но вышло не такъ. Зная, что они невиновны въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ ихъ обвиняли, крестьяне со спокойною совѣстью простились другъ съ другомъ, отправились на мѣсто казни и тамъ, поставленные рядомъ, были разстрѣливаемы поодиночкѣ. Оставшіеся смотрѣли на умерщвленіе братьевъ своихъ безъ всякаго ужаса. Каждый изъ нихъ, видя, что дошла до него очередь, крестился и говорилъ: «Помилуй меня, Господи. Прощайте, люди", и падалъ къ ногамъ своихъ палачей, не испустивъ ни жалобы ни вздоха.

Время шло между тѣмъ, и съ каждымъ днемъ французамъ становилось труднѣе и труднѣе. Однимъ грабежомъ долго жить нельзя, а другихъ средствъ кормиться у нихъ не было. Да и обносились они порядкомъ; особенно поистаскались у нихъ сапоги, въ Москвѣ же весь сапожный матеріалъ или сгорѣлъ или былъ вывезенъ. Положеніе французской арміи сдѣлалось безнадежнымъ еще и потому, что, удаленная за нѣсколько тысячъ верстъ отъ отечества, она могла лишиться возможности сообщеній съ нимъ и не должна была разсчитывать ни на какія подкрѣпленія.

Отступленіе французской арміи. Выходъ французовъ изъ Москвы.

Наполеонъ видѣлъ все это очень ясно, а потому уже съ первыхъ чиселъ октября началъ дѣлать приготовленія къ отступленію и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ одного изъ своихъ генераловъ сначала къ Кутузову, а потомъ въ Петербургъ къ самому государю, съ предложеніемъ о мирѣ. Онъ крѣпко надѣялся, что государь приметъ предложеніе и радъ будетъ окончить войну со своимъ непобѣдимымъ противникомъ. Въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, онъ не могъ рѣшиться оставить Москву. Но отвѣтъ не приходилъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе о сраженіи при Тарутинѣ, въ которомъ русскіе взяли верхъ, а французы отступили. Это убѣдило, наконецъ, Наполеона въ томъ, что русскіе, несмотря на попытку его примириться, не думаютъ о мирѣ, а, напротивъ, усиливаются и хотятъ продолжать войну. Онъ почувствовалъ, что не должно было терять ни одной минуты, чтобы выйти изъ гибельнаго положенія, въ которое поставлена была его армія, и рѣшился уйти изъ Москвы. Рано утромъ 7 октября выѣхалъ Наполеонъ изъ Москвы черезъ Калужскую заставу и за нимъ

потянулось его войско. Силы его были тогда еще довольно велики. Всего непріятельскаго войска выступило изъ Москвы до 105.000 человѣкъ. На протяженіи болѣе 30 верстъ шли непріятели, и вмѣстѣ съ ними тянулись слишкомъ 10.000 разнаго рода повозокъ. Тутъ были больные и раненые, съѣстные припасы и всякое добро, награбленное въ Москвѣ. Нѣсколько дней послѣ отъѣзда Наполеона въ Москвѣ оставался еще одинъ отрядъ его войска. Начальнику этого отряда приказано было, покидая городъ, зажечь Кремлевскій дворецъ, взорвать Кремль и истребить всѣ уцѣлѣвшія еще казенныя строенія, кромѣ Воспитательнаго Дома, гдѣ оставалось много раненыхъ французовъ. Этимъ Наполеонъ хотѣлъ отомстить императору Александру за свои неудачи, за то молчаніе, которымъ государь отвѣчалъ на предложеніе его помириться.

11 октября, послѣ полудня, двинулся изъ Москвы послѣдній французскій отрядъ, а ночью надъ Кремлемъ показалось зарево и послышался страшный грохотъ. Это взорвало первый подкопъ подъ Кремлемъ. Затѣмъ послышались еще четыре взрыва. Къ счастью, второпяхъ французы успѣли взорвать только пять подкоповъ, а потому уцѣлѣли въ Кремлѣ храмы и только обрушилась пристройка къ колокольнѣ Ивана Великаго.

На другой день отрядъ нашего войска вступилъ въ опустѣвшую и погорѣвшую Москву. Вечеромъ начальникъ тверского ополченія занялъ Кремль. Тамъ еще догорали и другія зданія. Въ одной огромной грудѣ лежали: кирпичи, камни, балки, колокола и кресты. На колокольнѣ Ивана Великаго не было креста: его приказалъ снять и увезъ съ собою Наполеонъ. Въ соборахъ стекла и рамы были выбиты взрывомъ, а внутри была грязь, образа были ободраны и разбросаны на полу. Вокругъ Успенскаго собора стояли горны, въ которыхъ непріятели плавили награбленное золото и серебро. На царскомъ мѣстѣ въ соборѣ было записано мѣломъ: 325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота Нѣкоторыя кремлевскія башни и часть стѣнъ лежали въ развалинахъ.

Въ такомъ положеніи находилась Москва по выходѣ изъ нея непріятеля.

Когда Кутузову донесли, что Наполеонъ оставилъ Москву, онъ заплакалъ и, обратясь къ образу Спасителя, сказалъ: „Боже, Создателю мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей; съ этой минуты Россія спасена".

V.

Партизаны. Народная война. Наши побѣды.

Что же дѣлала въ это время и гдѣ была русская армія?

Главнокомандующій нашъ, отдавая Москву врагамъ, двинулся, какъ мы знаемъ, со своими войсками по рязанской дорогѣ лишь для того, чтобы показать Наполеону видъ, что они уходятъ на востокъ, но черезъ два перехода

отвелъ ихъ на калужскую дорогу, чтобъ отрѣзать Наполеону пути на Тулу, гдѣ находился оружейный заводъ, и въ хлѣбородныя южныя губерніи, которыя могли доставить продовольствіе для его арміи.

Остановившись 20 сентября лагеремъ у села Тарутина, на рѣкѣ Нарѣ, въ 80 верстахъ отъ Москвы, Кутузовъ сказалъ: «Теперь ни шагу назадъ». Но, желая какъ можно долѣе задержать Наполеона въ Москвѣ тщетнымъ ожиданіемъ мира, главнокомандующій распускалъ слухи, будто русское войско разстроено до крайности, чего на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не было; напротивъ того, къ нему отовсюду подходили подкрѣпленія: съ Дона, ополчившагося поголовно, пришли 26 казачьихъ полковъ, прибывали отовсюду новобранцы, быстро обучавшіеся и комплектовавшіе убыль въ полкахъ. Съ разныхъ сторонъ подходили обозы съ продовольствіемъ, отчего войска наши не чувствовали ни въ чемъ ни малѣйшей нужды. Въ это же время быстро развилась партизанская народная война. Летучія и неожиданныя нападенія храбрыхъ отрядовъ много наносили непріятелямъ вреда, отбивая у нихъ ихъ провіантскіе обозы и истребляя непріятеля по частямъ. Предводители партизанскихъ отрядовъ входили въ сношенія съ Кутузовымъ и получали отъ него небольшія подкрѣпленія изъ арміи. Изъ нихъ особенно выдѣлялись: Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ, Кудашевъ и много крестьянъ, особенно крестьянинъ Курпинъ.

Отважный молодой дворянинъ Фигнеръ, спрятавъ гдѣ-нибудь въ лѣсу своихъ удальцовъ, переодѣтый во французскій мундиръ, являлся то въ Москвѣ, то въ другихъ мѣстахъ въ самыхъ стоянкахъ непріятелей. Въ одномъ мѣстѣ онъ дѣлалъ на французскомъ языкѣ выговоръ непріятельскимъ разъѣздамъ за оплошность, говоря, что поблизости показался отрядъ казаковъ; въ другомъ мѣстѣ говорилъ, что такую-то деревню занимаютъ русскіе и что за провіантомъ нужно итти совсѣмъ въ другую сторону; а, вызнавъ слабую сторону непріятелей, внезапно нападалъ на нихъ и истреблялъ ихъ; отнималъ у нихъ оружіе и даже пушки и уводилъ немало плѣнныхъ. Французы назначили большую цѣну за его отважную голову. Подобнымъ образомъ дѣйствовалъ и Денисъ Давыдовъ, храбрый гусарскій офицеръ и даровитый поэтъ. Достопамятенъ и геройствомъ Энгельгардта, смоленскаго помѣщика, полковника въ отставкѣ. Онъ со своими крестьянами немало истреблялъ непріятелей. Вѣсти объ этомъ дошли до французовъ, занимавшихъ въ то время Смоленскъ; они схватили его и присудили къ разстрѣлянію, но предъ исполненіемъ приговора стали уговаривать его поступить на французскую службу. Съ негодованіемъ отвергъ измѣну отечеству доблестный Энгельгардтъ и, сорвавъ съ глазъ своихъ повязку, закричалъ солдатамъ: «Стрѣляйте». Когда же они, думая поколебать его мужество, сперва ранили его въ ногу и возобновили свои уговоры, онъ оставался непреклоннымъ и смѣло отвѣчалъ новымъ отказомъ. Сдѣланъ былъ залпъ, но упавшій мученикъ еще дышалъ, и одинъ солдатъ, снова зарядивъ ружье, до-

Смерть партизана Энгельгардта.

былъ его выстрѣломъ въ голову. Въ честь этого героя поставленъ памятникъ близъ крѣпостныхъ воротъ Смоленска, гдѣ онъ легъ костьми своими. То же черезъ нѣкоторое время повторилось и съ партизаномъ Шубинымъ.

Не отставали отъ помѣщиковъ и крестьяне. Тѣ и другіе не оправдали упомянутыхъ выше надеждъ Наполеона на ихъ измѣну. Во многихъ селахъ они возставали противъ враговъ поголовно. Спрятавъ свои семейства и пожитки въ лѣсахъ, они составляли дружины, выбирая для нихъ предводителей изъ отставныхъ солдатъ. Въ селеніяхъ у околицъ ставили караулы, а на колокольняхъ—дозорныхъ, которые при появленіи непріятелей били въ набатъ. Крестьяне сбѣгались изъ сосѣднихъ деревень, вооруженные топорами и косами, и истребляли вражескій отрядъ, а если онъ былъ очень силенъ, уходили отъ него. Въ дѣлахъ партизановъ принимали участіе крестьянскія женщины и даже дѣвушки.

Крестьянинъ Московской губерніи, Вохнинской волости, Герасимъ Куринъ, предводительствовалъ партизанскимъ отрядомъ своего округа въ нѣсколько тысячъ крестьянъ, которые истребили много непріятелей, а порой давали имъ своего рода битвы. Нерѣдко, впрочемъ, они устраивали имъ западни и засады. Такъ, однажды французы послали въ село Павлово значительный отрядъ для сбора провіанта. Часть его подъ начальствомъ французскаго полковника вступила въ село и потребовала съѣстныхъ припасовъ. Куринъ заманилъ ихъ въ одинъ дворъ, завалилъ ворота и, окруживъ со всѣхъ сторонъ, истребилъ всѣхъ до

одного; а другой отрядъ, остановившійся недалеко отъ села, сдѣлался жертвою другихъ партизановъ Курина.

Столкновеніе же арміи Наполеона съ регулярными русскими войсками произошло ранѣе его отъѣзда изъ Москвы, именно 6 октября. Прежде другихъ выступили отсюда отряды маршала Мюрата и расположились на югъ отъ столицы на рѣкѣ Чернишнѣ на сѣверъ отъ Тарутина. Наши войска, подъ начальствомъ Бенингсена, атаковали здѣсь и разбили 20-тысячный корпусъ французовъ. Это было первое пораженіе французовъ; оно убѣдило окончательно Наполеона, что больше сидѣть въ Москвѣ нельзя. Его планъ заключался въ томъ, чтобы, двинувшись на югъ, напасть на Кутузова, принудить его отойти подальше, а самому по Смоленской дорогѣ спокойно отступить на западъ. Но такого рода отступленіе уже было невозможнымъ. Самъ императоръ Александръ составилъ планъ окончательнаго уничтоженія непріятельской арміи. Онъ далъ приказаніе Кутузову дѣйствовать на тылъ ея, а адмиралу Чичагову, находившемуся на Волыни съ воротившимися изъ турецкаго похода войсками, двинуться черезъ Минскъ на рѣку Березину и, помѣшавъ переправѣ чрезъ нее, преградить непріятелю дальнѣйшее отступленіе; съ Чичаговымъ долженъ былъ соединиться Витгенштейнъ, дѣйствовавшій противъ французовъ на среднемъ теченіи Западной Двины.

Къ 11 октября передовыя войска Наполеона по калужской дорогѣ дошли до Малоярославца и, занявъ этотъ городъ, готовились къ дальнѣйшему выступленію на югъ. Но такое движеніе не могло уже осуществиться. На слѣдующій день, рано утромъ, сюда подошли передовыя колонны Кутузова подъ начальствомъ Дохтурова, за которыми невдалекѣ слѣдовалъ самъ главнокомандующій съ главными силами. Дохтуровъ немедленно атаковалъ городъ и выбилъ изъ него непріятеля. Получивъ подкрѣпленія, французы снова заняли Ярославецъ. Но тутъ завязался ожесточеннѣйшій бой, продолжавшійся весь день. Русскіе и французы бились

Партизаны въ засадѣ

въ рукопашную въ тѣсныхъ улицахъ горѣвшаго города, который восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Къ вечеру городъ остался у непріятеля, но потери обѣихъ сторонъ были одинаково весьма значительны.

Ужасный видъ представлялъ Малоярославецъ. Пожаръ, начавшійся съ полудня, оставилъ по себѣ одни остѣды домовъ; груды тѣлъ сдѣлали улицы непроходимыми.

По мнѣнію многихъ, битва при Малоярославцѣ была важнѣе Бородинской, потому что теперь Наполеону былъ отрѣзанъ путь на богатѣйшія наши губерніи; а русскіе сохранили свои позиціи и обладаніе калужской дорогой. Наполеонъ представлялъ себѣ, что ему удастся взять Малоярославецъ безъ боя, и только послѣ неудачи понялъ онъ всю бѣду, которой подвергалась его армія. Съ этого времени онъ думалъ только о Парижѣ, точно такъ же, какъ выѣзжая изъ Парижа, думалъ только о Москвѣ.

Дѣло выяснилось: путь къ Калугѣ былъ загороженъ французамъ, но такъ какъ обѣ стороны, послѣ сраженія, остались почевать на прежнихъ своихъ мѣстахъ, то ожидалась новая, ожесточенная битва. Кутузовъ писалъ государю:

Битва у Малоярославца.

Въ Городнѣ. — Пробиваться или отступать.

„Я полагаю, должно быть генеральному сраженію, безъ коего ни подъ какимъ видомъ непріятеля на Калугу не пущу". Но въ этомъ онъ ошибся: генеральнаго сраженія не произошло, да его и не нужно было для успѣха нашего оружія. Наполеонъ, какъ разсказываютъ, возвратившись въ свою главную квартиру послѣ битвы, велѣлъ позвать своихъ генераловъ въ избу, которую ему отвели; онъ хотѣлъ съ ними посовѣтоваться о томъ, что дѣлать. Пришли они и видятъ: сидитъ онъ у стола, голову опустилъ на руки и молчитъ. Они стоятъ около него и все ждутъ, что же онъ придумываетъ. Постояли, постояли, да такъ и ушли — слова отъ него не добились. Оставался онъ съ арміей цѣлыя сутки на одномъ мѣстѣ, потомъ выѣхалъ въ поле, велѣлъ огонь разложить, сѣлъ у костра и опять задумался. Вдругъ, неожиданно для всѣхъ, онъ отдалъ по арміи приказъ: переходить на смоленскую дорогу. Другого исхода не было. Дрогнули сердца его солдатъ, когда они услыхали этотъ приказъ: они знали, что ожидаетъ ихъ на смоленской дорогѣ. Самъ Наполеонъ ѣхалъ посреди своихъ унылыхъ воиновъ, задумчивый, разсчитывая, какъ бы поскорѣе добраться по разоренному пути до Смоленска. Лишь только перешелъ Наполеонъ въ смо-

ленскую дорогу, князь Кутузовъ подѣлилъ свою армію на три части: одна гнала непріятеля съ тыла, другая справа, третья слѣва, такъ что некуда было податься несчастнымъ, негдѣ было отдохнуть или добыть себѣ провіанта. Въ эту пору дороги уже испортились отъ дождей, а французскія лошади совсѣмъ изнурились безъ корма: ни пушекъ ни обоза не вмочь имъ стало вывозить, а какъ только онѣ увязнутъ въ грязи, тотчасъ наши партизаны все захватятъ.

Плѣнныхъ тоже не сотнями, а тысячами мы забирали. И самъ Кутузовъ и другіе начальники уговаривали солдатъ, чтобы они по-христіански обращались съ плѣнными. Въ особенности былъ къ нимъ милосердъ генералъ Милорадовичъ: деньгами, запасами всѣхъ ихъ одѣлялъ. Они, бѣдняки, его знали и какъ пройдетъ онъ, бывало, мимо нихъ, такъ и прокричатъ ему по-своему: ура.

Французское войско еще въ Москвѣ отвыкло отъ повиновенія, но пока оно думало, что идетъ впередъ, пролагая себѣ путь съ награбленной добычею, чрезъ богатыя, неопустошенныя мѣстности, — порядокъ въ немъ еще кое-какъ соблюдался. Послѣ же поворота на опустошенную смоленскую дорогу солдаты окончательно упали духомъ и походили болѣе на бѣгущую толпу хищниковъ, чѣмъ на воинство. Мелкій и холодный дождь, начавшійся съ 14 октября, такъ испортилъ дороги, что лошади падали отъ изнеможенія. Солдаты шли съ опущенными глазами, какъ бы отъ стыда и униженія. Холода еще не начинались; 15 октября былъ только легкій морозецъ. У города Вязьмы русскіе нагнали французовъ и произошло сраженіе, въ которомъ мы взяли 4.000 плѣнныхъ, 11 пушекъ и обозъ. Послѣ того вдругъ сильно заморозило и поднялась снѣжная вьюга.

Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ о своемъ ночлегѣ у Вязьмы послѣ сраженія: „Огонекъ и наша палатка въ отдаленіи отъ прочихъ стали привлекать къ себѣ вниманіе изнуренныхъ, шатавшихся вездѣ непріятелей. Сперва пришелъ къ намъ длинный, тощій нѣмецъ. Лицо его было такъ же черно, какъ и одежда, голова окутана лохмотьями, а ноги обернуты мѣшкомъ. Первое его слово было: „Сжальтесь, дайте хлѣба!“ Онъ сѣлъ подлѣ огня, и тутъ изнуренное лицо его выразило необыкновенное удовольствіе, особенно, когда дали обмоченный въ горячую воду сухарь. Онъ проклиналъ Наполеона. Пришелъ затѣмъ такой же оборванный и изнуренный французъ и тоже просилъ ѣсть. Мы сами нуждались въ пищѣ, однако надъ нимъ сжалились и накормили его, чѣмъ Богъ послалъ“.

До Вязьмы Наполеонъ ѣхалъ постоянно верхомъ, но тутъ онъ не выдержалъ: въ первый разъ послѣ Москвы сѣлъ въ карету и одѣлся въ польское платье — соболью шубу, покрытую зеленымъ бархатомъ и украшенную золотыми шнурами, мѣховую шапку и сапоги. Оборванные и мерзлые солдаты глядѣли на него со злобой. Уже не слышно было восторженныхъ криковъ при его появленіи, какъ бывало прежде.

При переходѣ черезъ рѣчку Колочу достаточно было бы двухъ бревенъ, столькихъ же козелъ и нѣсколькихъ досокъ, чтобы устроить переправу; но безпорядокъ и безпечность были таковы, что Наполеонъ долженъ былъ остановиться. Потопили нѣсколько пушекъ, которыя хотѣли перевезти въ бродъ. Проходили мимо Бородинскаго поля, покрытаго трупами, обглоданными собаками. Видъ его произвелъ на французовъ ужасное впечатлѣніе.

На пути отъ Вязьмы до Смоленска войско Наполеона быстро уменьшалось. Хотя морозы были не больше 10 градусовъ, но этотъ холодъ былъ невыносимъ для плохо одѣтыхъ французовъ. Конница гибла. Подъ пушки стали брать лошадей изъ обозовъ, а самые обозы — бросать на дорогѣ, вмѣстѣ съ награбленною въ Москвѣ добычею. Проведя день безъ пищи, прозябшіе и усталые непріятели располагались на ночлегъ вокругъ огня, на мерзлой землѣ, въ снѣгу. На утро многіе изъ нихъ умирали и товарищи спѣшили снять съ нихъ обувь и одежду.

Бѣгство французовъ.

До какой степени изнеможенія дошло въ это время непріятельское войско, можно видѣть изъ слѣдующаго, разсказаннаго однимъ изъ современниковъ, случая, который можетъ показаться неправдоподобнымъ. Староста одной деревни Сычевскаго уѣзда повелъ партію плѣнныхъ французовъ въ городъ. Во время его отсутствія крестьяне привели еще нѣсколько плѣнныхъ, которыхъ они захватили, и отдали ихъ въ вѣдѣніе жены старосты - Василисы. Старостиха собрала крестьянъ, сѣла верхомъ на лошадь, взяла въ руки косу и повела плѣнныхъ, куда было приказано. Всѣ плѣнные шли, такимъ образомъ, подъ командою Василисы до самаго города въ совершенномъ повиновеніи и страхѣ, чтобы не лишиться жизни.

При переходѣ французовъ черезъ Днѣпръ у Соловьевой переправы была ужасная давка на мосту; дорога къ нему на нѣсколько верстъ была покрыта брошенными экипажами и зарядными ящиками. При переходѣ были почти безпорядокъ. Тутъ французы потеряли 20 пушекъ и 1.000 человѣкъ одними плѣнными. Дальнѣйшее отступленіе было самое бѣдственное. Едва кто изъ солдатъ падалъ отъ изнеможенія, другіе бросались раздѣвать его, чтобы при-

крыть самихъ себя его одеждою, и отнимали у него провіантъ, ускоряя этимъ его смерть. Обирали и живыхъ—не только мертвыхъ.

Наши войска глазамъ своимъ не вѣрили, видя тѣ бѣдствія, которыя испытывали непріятели. „Отъ Вязьмы къ Дорогобужу, — говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, — мы шли большою смоленскою дорогою и съ ужасомъ видѣли на ней безпрерывное кладбище, или какъ бы дѣйствіе опустошительной чумы: на каждой верстѣ лежало по нѣскольку десятковъ лошадей и труповъ погибшихъ французовъ.

Итакъ, вся главная армія Наполеона, уменьшенная, послѣ многихъ бѣдъ, болѣе чѣмъ на половину, голодная и въ лохмотьяхъ, дотащилась, наконецъ, до Смоленска, гдѣ надѣялась найти отдыхъ и продовольствіе, а Наполеонъ писалъ во Францію и объявлялъ по всей Европѣ, что, идя на Смоленскъ, онъ приближается къ Петербургу, что армія его расположится на зимнихъ квартирахъ за Днѣпромъ и Двиною и съ начатіемъ весны пойдетъ на Петербургъ.

Безпорядокъ при вступленіи въ Смоленскъ былъ таковъ, что французы, вмѣсто изобилія, нашли въ немъ только голодъ. Одной только гвардіи былъ розданъ провіантъ; солдаты и офицеры прочихъ частей бросились грабить магазины и погреба. Толпы пьяныхъ буйствовали по улицамъ, и сильный отнималъ у слабаго. Та часть арміи, которая вступила въ Смоленскъ послѣднею, не нашла болѣе ни одного сухаря: все уже было расхищено!

Между генералами произошла ссора по этому случаю, а самъ Наполеонъ ничего не хотѣлъ знать: ему было не до того! Онъ въ Смоленскѣ получилъ извѣстіе о томъ, что разбита та часть его арміи, которая оставалась на рѣкѣ Двинѣ, и что одинъ изъ его лучшихъ генераловъ взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ со всѣхъ сторонъ стали приходить страшныя вѣсти: Кутузовъ подходитъ къ Смоленску, впереди грозило появиться войско, подъ начальствомъ Чичагова, которое возвратилось изъ Турціи, а справа, отъ Витебска, подъ начальствомъ Витгенштейна, также двигались наши полки, которые съ самаго начала войны защищали дорогу на Петербургъ, а теперь тѣснили отступавшіе передъ ними непріятельскіе отряды.

Наполеону оставалось одно: уходить какъ можно скорѣе во-свояси, чтобъ не быть окруженнымъ и не попасть въ плѣнъ.

Такъ онъ и рѣшилъ. Черезъ три дня, когда все его войско собралось въ Смоленскѣ, онъ выступилъ отгуда со своею гвардіею, приказавъ итти за собою и остальнымъ отрядамъ.

Черезъ нѣсколько часовъ пришелъ на развалины города князь Кутузовъ со своею арміею. Какъ ни настрадались наши воины, какъ ни горько было имъ видѣть на родной землѣ смерть и опустошеніе, а смотрѣли они бодро, потому что Господь благословилъ наше правое дѣло. Въ Смоленскѣ былъ отдыхъ

женъ благодарственный молебенъ и поставлена икона Божіей Матери, которую вывезли изъ несчастнаго города еще 6 августа.

Въ то время, какъ послѣдніе полки Наполеона выступали изъ Смоленска, самъ онъ находился въ 47 верстахъ оттуда, въ городѣ Красномъ. Сюда же подошелъ Кутузовъ съ лѣвой стороны и сталъ въ пяти верстахъ отъ города. Такимъ образомъ непріятельскимъ полкамъ, которые были на пути отъ Смоленска къ Красному, грозила опасность быть отрѣзанными нашимъ войскомъ отъ своихъ главныхъ силъ. Утромъ 5 ноября самъ Наполеонъ вывелъ свои войска навстрѣчу Кутузову. Бились три дня. Кончилось тѣмъ, что только

Крестьяне сопровождаютъ плѣнныхъ французовъ.

часть французовъ успѣла пробраться къ Красному, а остальные принуждены были сдаться въ плѣнъ.

Сраженіе подъ Краснымъ въ концѣ разстроило войска Наполеона. Однихъ плѣнныхъ наши взяли здѣсь болѣе 6.000 человѣкъ да 112 пушекъ, обозы, множество знаменъ и даже часть канцеляріи самого Наполеона. Отсюда Бонапартъ направился къ городу Оршѣ, а потомъ къ рѣкѣ Березинѣ.

Получивъ донесеніе о рѣшительной побѣдѣ надъ непріятелемъ, Кутузовъ, окруженный своею свитою, подъѣхалъ на конѣ къ лагерю гвардейскаго семеновскаго полка, который особенно отличился. За ними семь конногвардейскихъ солдатъ везли отбитыя французскія знамена, на верху которыхъ красовались

одноглавые орлы. «Здравствуйте, молодцы-семеновцы! — громко сказалъ Кутузовъ. — Поздравляю васъ съ новой побѣдой, вотъ и гостинцы къ вамъ везу! — и указалъ на французскія знамена. —Эй, кирасиры! нагните орлы пониже, пусть кланяются молодцамъ! Матвѣй Ивановичъ Платовъ доноситъ мнѣ, что взято сто двѣнадцать пушекъ и... сколько, бишь, генераловъ?» обратился онъ къ стоявшему близко генералу. «Пятнадцать», поспѣшилъ отвѣтить генералъ. «Слышите, друзья, пятнадцать! продолжалъ свѣтлѣйшій.—Ну, если бы у насъ взяли столько же, сколько бы осталось? Пушки можно сосчитать на мѣстѣ, да и то не вѣрится, а въ Питерѣ и подавно не повѣрятъ». Очевидцы свидѣтельствуютъ, какой восторгъ произвела въ войскахъ эта рѣчь престарѣлаго фельдмаршала.

VI.

Послѣдній маршъ. Переправа черезъ Березину. Гибель Наполеоновыхъ войскъ.

Безостановочно и быстро шелъ Наполеонъ изъ Орши къ берегамъ Березины, всѣ свои надежды возлагая на то, что ему удастся у Борисова переправиться черезъ рѣку и тамъ вступить въ связь съ корпусами австрійскимъ (Шварценберга) и саксонскимъ (Ренье), которые до этого времени стояли тамъ въ виду движенія нашей Дунайской арміи. По плану же нашихъ военныхъ дѣйствій, Наполеонъ у Березины долженъ былъ быть окруженъ со всѣхъ сторонъ нашими войсками: съ юга Дунайской арміей адмирала Чичагова, съ сѣвера — корпусами Витгенштейна, защищавшаго дорогу на Петербургъ и въ октябрѣ одержавшаго славную побѣду надъ непріятелемъ у Полоцка, съ тыла и съ лѣваго фланга — главными силами фельдмаршала Кутузова. Казалось, что при такомъ положеніи дѣлъ Наполеонъ долженъ былъ неминуемо погибнуть со всѣмъ своимъ войскомъ или, положивъ оружіе, сдаться въ плѣнъ... Вышло, однако, иначе.

У Бобра навстрѣчу великой арміи стали подходить войска маршаловъ Виктора и Удино, дѣйствовавшихъ противъ Витгенштейна и теперь спѣшившихъ къ главной арміи Наполеона, чтобы обезопасить ея отступленіе черезъ Березину. Войска эти, находившіяся въ сравнительно хорошемъ еще состояніи, обутыя, одѣтыя и сытыя, съ горестнымъ изумленіемъ смотрѣли на «увѣнчанныхъ славой», какъ они ожидали, героевъ Москвы. Толпой привидѣній, покрытыхъ рубищемъ, женскими салопами, церковными ризами, полузамерзшіе, закопѣлые и обросшіе бородами, шли они имъ навстрѣчу вмѣсто стройныхъ рядовъ побѣдоносныхъ полковъ,—шли безъ всякаго порядка, безъ оружія, безъ стыда, думая каждый только о себѣ и заботясь только о своемъ личномъ спасеніи. Глазамъ своимъ не вѣрили войска Виктора и Удино; до сихъ поръ они

еще ничего не знали, или по крайней мѣрѣ, знали очень мало о несчастьяхъ, постигшихъ великую армію, и теперь со слезами на глазахъ всматривались въ эту безпорядочно бредущую толпу, отыскивая въ ней хоть какіе-нибудь слѣды недавно еще такого блестящаго, побѣдоноснаго войска.

Не прошло, однако, и нѣсколькихъ дней, какъ начали также таять корпуса Виктора и Удино: язва, до мозга костей проѣвшая великую армію, сообщилась и имъ, ряды ихъ начали быстро рѣдѣть, появилась масса отсталыхъ и мародеровъ, а чувство самосохраненія вытѣснило всякое понятіе о долгѣ и воинской чести.

Наполеонъ у Березины.

На пути къ Борисову, 10 ноября, Наполеонъ получилъ страшное для него извѣстіе о томъ, что Борисовъ занятъ адмираломъ Чичаговымъ. Пораженному этимъ сообщеніемъ императору пришлось употребить всю свою хитрость и энергію, чтобы спасти отъ гибели себя и остатки своихъ войскъ. Узнавъ о занятіи Борисова, — кстати сказать, предпринятаго адмираломъ Чичаговымъ, вопреки отданному ему приказанію только лишь задерживать непріятеля у рѣки и мѣшать его переправѣ, пока не подойдутъ корпуса Витгенштейна, Ермолова, Милорадовича и казаки Платова, Наполеонъ тотчасъ же отдалъ приказъ Удино во что бы то ни стало атаковать русскихъ въ Борисовѣ, овладѣть

городомъ снова и подготовить переправу тамъ, гдѣ окажется удобнымъ. Удино блестяще исполнилъ возложенное на него порученіе, овладѣлъ вслѣдствіе оплошности Чичагова (Чичаговъ въ теченіе двухъ дней не принималъ мѣръ для полученія свѣдѣній о движеніи непріятеля и даже непростительно разрознилъ свои силы) Борисовымъ и отбросилъ русскихъ, едва успѣвшихъ сжечь за собой мостъ, на правую сторону Березины. Затѣмъ, найдя удобный бродъ для переправы черезъ глубокую, трудно вообще проходимую рѣку Березину, онъ увѣдомилъ о томъ Наполеона, который тотчасъ же по полученіи этого, наконецъ, радостнаго извѣстія направился къ Борисову.

Чтобъ обмануть Чичагова, Удино велѣлъ, однако, дѣлать всѣ приготовленія къ постройкѣ мостовъ въ совершенно другомъ мѣстѣ, отправилъ къ мнимому пункту переправы цѣлый батальонъ пѣхоты, за которымъ бросились и всѣ безоружные, и, кромѣ того, черезъ евреевъ распространилъ ложные слухи о намѣреніяхъ французской арміи отступать южнѣе на Минскъ. Чичаговъ поддался на эту военную хитрость и отвелъ свои главныя силы верстъ на 20 къ югу отъ Борисова. Это дало возможность непріятелю безпрепятственно наводить мосты на избранномъ имъ мѣстѣ, у деревни Студянки. Ободренные присутствіемъ самого императора, — Наполеонъ прибылъ къ мѣсту, назначенному для переправы, 14 ноября утромъ, — саперы и понтоперы [1]) французской арміи работали съ неописуемымъ самоотверженіемъ, стоя по грудь въ ледяной водѣ, среди несущихся на нихъ, напиравшихъ со всѣхъ сторонъ льдинъ, работали и днемъ и ночью въ холодномъ, непроницаемомъ туманѣ, окутавшемъ прибрежные лѣса и болота.

Не могъ, конечно, помѣшать этимъ работамъ маленькій отрядъ Корнилова, стоявшій на правомъ берегу Березины и осужденный на бездѣйствіе вслѣдствіе ухода на югъ Чичагова. 14 и 15 ноября совершилась переправа французскихъ войскъ; первыми переправились все еще свѣжій и сравнительно блестящій корпусъ Удино, артиллерія и молодая гвардія. Наполеонъ со старой гвардіей переѣхалъ мостъ въ полдень 15 ноября. Затѣмъ, оставивъ для прикрытія на лѣвомъ берегу войска Виктора, онъ распорядился пустить къ мостамъ толпы безоружныхъ, женщинъ и дѣтей. Началась невообразимая свалка, каждый хотѣлъ поспѣть первымъ къ переправѣ, и потому и люди, и лошади, и повозки, все смѣшалось въ дикомъ, хаотическомъ безпорядкѣ, и только одиночные люди могли пробраться къ мостамъ, да и то съ огромной опасностью для жизни. Только ночь прекратила эту ужасную сумятицу. Утромъ же 16 къ мѣсту переправы уже спѣшили съ разныхъ сторонъ войска Чичагова и Витгенштейна, и начались два сраженія по ту и другую сторону мостовъ. Побѣды въ этихъ бояхъ не было ни для кого изъ противниковъ, но цѣли, которыя они преслѣ-

[1]) Понтонеры — наводчики плавучихъ мостовъ.

Переправа французской арміи черезъ Березину въ 1812 г.

довали, были достигнуты обоими: русскіе на берегахъ Березины довершили намѣченное ими разгромленіе великой арміи; Наполеону же удалось выполнить, хотя и съ огромными потерями, задуманную имъ переправу и двинуться затѣмъ по дорогѣ въ Вильну.

Такимъ образомъ, благодаря генію императора и мужеству его вѣрныхъ воиновъ — остатковъ грозной когда-то арміи,а также благодаря оплошности адмирала Чичагова, неопытнаго въ военно-сухопутномъ дѣлѣ и пропустившаго непріятеля, избѣжалъ плѣна величайшій полководецъ своего времени, и окончательное завершеніе войны было отодвинуто еще на нѣсколько недѣль.

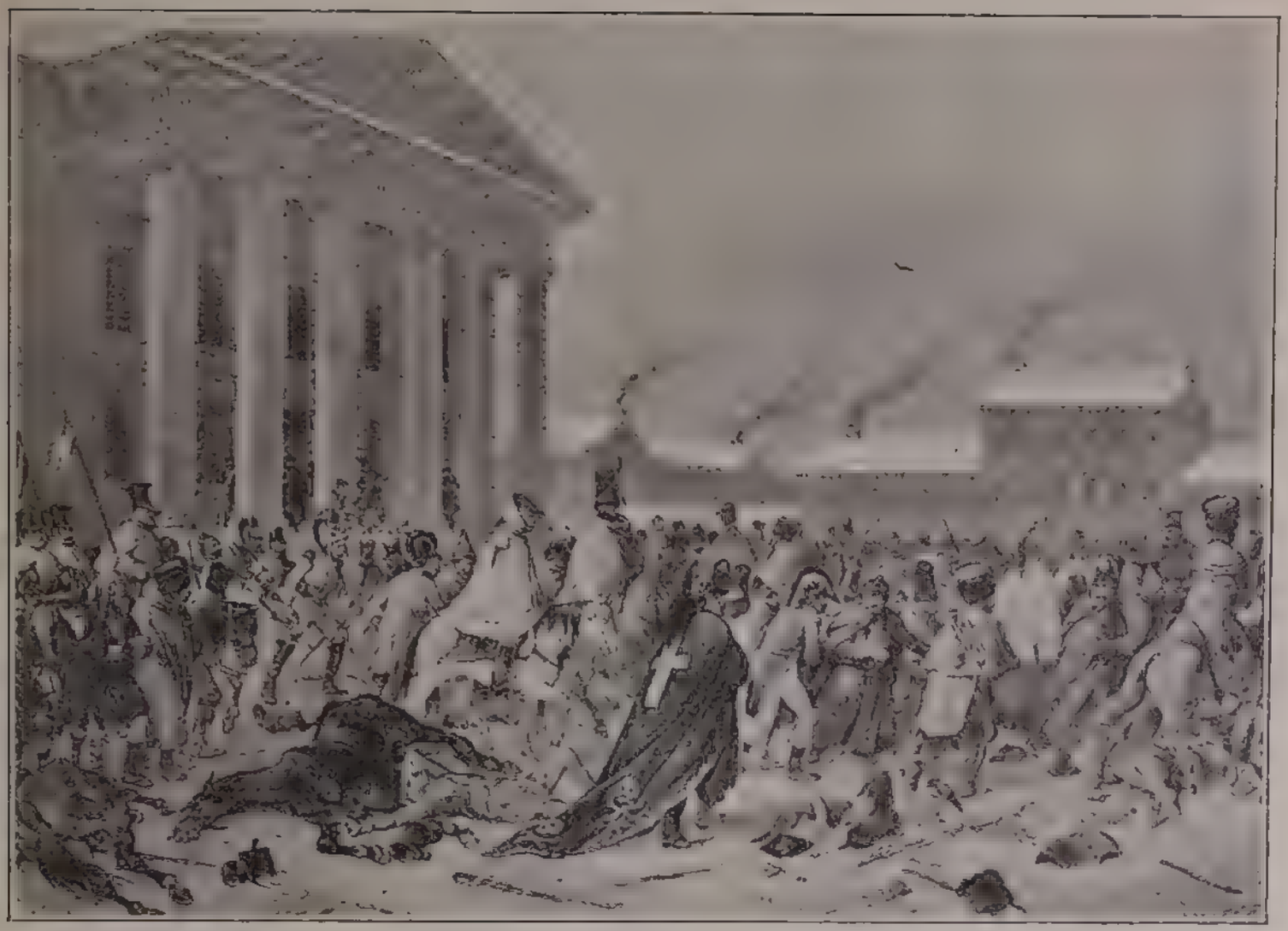
Изъ 30 тысячъ сражавшихся у Студянки французскихъ войскъ осталось только около 9 тысячъ. Перейдя Березину, непріятель, преслѣдуемый по пятамъ нашими, подошедшими тѣмъ временемъ, войсками, побѣжалъ черезъ Молодечно къ Вильнѣ. Положеніе бѣгущихъ день ото дня становилось невыносимѣе. Преслѣдованіе ихъ казаками производилось безостановочно, неотступно и доводило ихъ до полнаго отчаянія. Къ тому же дѣлали свое дѣло и морозы, доходившіе уже теперь нерѣдко до 30 градусовъ. Стиснувъ зубы, въ безнадежномъ молчаніи, французы шли и бѣжали по снѣжнымъ опустошеннымъ дорогамъ. Окутавъ головы, лица и плечи мѣшками, рогожами, они обвертывали себя сѣномъ, соломой, всѣмъ, что попадалось подъ руку, ноги обвязывали попонами, старыми шляпами, ранцами; того, кому удавалось добыть себѣ лошадиную шкуру, почитали счастливцемъ. Многіе лишились слуха, языка, ума.

Въ такомъ ужасномъ состояніи достигла армія мѣстечка Молодечно. Отсюда Наполеонъ впервые оповѣстилъ Францію о постигшихъ его неудачахъ, объясняя ихъ морозами и падежомъ лошадей. Этотъ, такъ сказать, первый ударъ похоронnаго колокола долженъ былъ приготовить Европу къ извѣстію о несмѣтныхъ потеряхъ Наполеона и объ отъѣздѣ его изъ Россіи, къ которому онъ началъ тайно готовиться въ Молодечнѣ. Потерпѣвъ еще одно пораженіе при мѣстечкѣ Сморгонь, императоръ, поручивъ жалкіе остатки своей арміи неаполитанскому королю Мюрату, сѣлъ вмѣстѣ съ бывшимъ посланникомъ въ Петербургѣ Коленкуромъ въ крытый возокъ и, проѣхавъ подъ чужимъ именемъ предмѣстьями Вильны, помчался въ Парижъ набирать новое войско. На зарѣ 26 ноября, въ день праздника св. Георгія Побѣдоносца, побѣдитель Европы бѣглецомъ вырвался изъ нашихъ границъ.

Бѣгство Наполеона изъ Россіи было послѣднимъ ударомъ для его арміи. Тысячи проклятій понеслись вслѣдъ вѣроломному предводителю, на произволъ судьбы бросившему погубленныя имъ же войска.

«Онъ бѣжитъ, какъ бѣжалъ изъ Египта[1]!—кричали солдаты.—Онъ оставляетъ насъ на жертву». И, слѣдуя его примѣру, они всѣ, отъ старшаго до

[1] Въ Египтѣ Наполеонъ также бросилъ свою армію на произволъ судьбы, поспѣшилъ во Францію, куда его манили происшедшія тамъ важныя перемѣны.



Отступленіе французской арміи черезъ Вильну въ 1812 г.

младшаго, стали еще больше думать только о своемъ личномъ спасеніи, бросая оружіе и обозы, стараясь даже по возможности сдаваться въ плѣнъ русскимъ.

28 ноября русскіе вошли въ занятую французами Вильну. Непріятель попробовалъ оказать сопротивленіе, но, узнавъ о движеніи казаковъ графа Платова на ковенскую дорогу, т.-е. туда, куда лежалъ ихъ путь отступленія, поспѣшилъ оставить городъ.

Быстрое занятіе Вильны русскими сохранило ее отъ разоренія и пожаровъ. Въ городѣ, единственно уцѣлѣвшемъ на всемъ протяженіи отъ Москвы, оказались большіе склады провіанта и обмундированія, что было очень кстати для нашихъ войскъ, тоже изнуренныхъ тяжелымъ походомъ и въ послѣднее время немало страдавшихъ отъ голода и отъ холода.

Между тѣмъ Мюратъ, которому Наполеонъ поручилъ свою великую армію, вмѣстѣ съ вице-королемъ Евгеніемъ, герцогомъ Дану и другими маршалами,

спѣшилъ въ Ковно и къ Нѣману. За нимъ слѣдовала гвардія и остатки безоружныхъ, но еще не сдавшихся въ плѣнъ отрядовъ. Наша кавалерія и казаки скоро, однако, настигли ихъ и недалеко отъ Ковно, у Панарской горы, отбили послѣдній непріятельскій обозъ, въ которомъ находилась и казна непріятеля, частью тутъ же разграбленная самими французами. Между прочимъ, въ наши руки попалась карета Наполеона, гдѣ были найдены многія важныя бумаги и доска для изготовленія фальшивыхъ русскихъ ассигнацій 100-рублеваго достоинства, которыми Наполеонъ въ двѣнадцатомъ году положительно наводнилъ Россію.

30 ноября, въ день, когда Кутузовъ въѣзжалъ въ свою «добрую Вильну»[1]), Мюратъ прибылъ въ Ковно. Оставалась послѣдняя надежда, собравъ подъ защитой ковенскихъ укрѣпленій хоть какія-либо части разстроенныхъ войскъ, вывезти изъ города часть запасовъ. Но едва достигли Ковно бѣжавшія отъ Платова гвардія и безоружныя толпы, какъ все это тотчасъ же бросилось грабить магазины, выкатывать бочки съ водкой, и, напиваясь до безчувствія, буйствовать и безчинствовать. Отъ бивачныхъ огней начались пожары, и Мюрату ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ поскорѣе вывести войска изъ пылавшаго города. «Нельзя удержаться въ Ковно, -доносилъ Наполеону одинъ изъ его генераловъ, Бертье,—потому что армія болѣе не существуетъ».

Въ Ковно для вывоза и сожженія казенныхъ запасовъ остался только Ней со своимъ арьергардомъ, т.-е. съ горстью людей, наполовину замерзшихъ, но все еще державшихся и сохранявшихъ оружіе. Черезъ день, однако, у Ковно уже показались казаки. Еще одна послѣдняя слабая попытка къ сопротивленію, -и непріятель побѣжалъ черезъ Нѣманъ къ Тильзиту и Вильковишкамъ. Раненый Ней, оставшійся безъ войска, спасся бѣгствомъ и лѣсомъ добрался до Вильковишекъ.

Графъ Платовъ вступилъ въ Ковно 3 декабря и тотчасъ же, собравъ войско на площадь, велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и пушечной пальбой. По окончаніи молебна могучее «ура» государю и князю Смоленскому огласило воздухъ.

Преслѣдованіе врага отъ Малоярославца до Ковно, съ небывалымъ мужествомъ блистательно проведено донскимъ войскомъ съ его знаменитымъ «вихремъ-атаманомъ» Платовымъ во главѣ. Не одинъ тяжелый, подчасъ даже смертельный ударъ былъ нанесенъ имъ врагу, и одно уже имя «гетмана», какъ называли Платова французы, было для нихъ настоящей грозой. Но, кромѣ боевыхъ дѣлъ и заслугъ графа Платова, замѣчателенъ еще одинъ его подвигъ. Приказомъ своимъ казакамъ Платовъ предписалъ, чтобы все отбитое отъ непріятеля церковное имущество, утварь, сосуды, оклады съ иконъ и пр. были доставлены ему. Донцы добросовѣстно исполнили волю своего любимаго атамана и

---

[1]) Кутузовъ два раза былъ губернаторомъ въ Вильнѣ и очень любилъ ее.

Графъ М. А. Милорадовичъ.

Ген.-лейт. Д. П. Невѣровскій.

Графъ Л. Л. Бенингсенъ.

Ген.-лейт. П. С. Дороховъ.

доставили ему около 40 пудовъ чистаго серебра, не считая попадавшагося въ немъ золота. Серебро это въ слиткахъ Платовъ отправилъ къ князю Кутузову для Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ съ надписью: «Отъ усерднаго приношенія войска донского».

Серебро долго хранилось въ ризницѣ Александро-Невской лавры, и, наконецъ, въ 1834 году высочайше повелѣно было сдѣлать изъ него иконостасъ, понынѣ существующій въ Казанскомъ соборѣ; подъ мѣстными иконами начертана надпись, предложенная Платовымъ.

По переходѣ черезъ русскую границу Мюратъ, маршалы и всѣ жалкіе остатки наполеоновской великой арміи разсѣялись по восточной Пруссіи.

«Исполнились слова вашего императорскаго величества, доносилъ государю Кутузовъ изъ Вильны: усѣяна дорога костями непріятельскими. Да вознесетъ всякій россіянинъ благодарственныя молитвы къ Всевышнему, а я почитаю себя счастливѣйшимъ изъ подданныхъ, бывъ избранъ благодѣтельной судьбой исполнителемъ воли вашего императорскаго величества».

Получивъ донесеніе Кутузова о занятіи Вильны, государь лично отправился въ армію. 11 декабря князь Кутузовъ, въ полной генеральской формѣ, которой не видали на немъ во все время похода, стоялъ, окруженный толпой генераловъ, на порогѣ своего замка и, съ рапортомъ въ рукахъ, ждалъ прибытія государя. Въ исходѣ пятаго часа улицы города огласились восторженными кликами: показалась тройка запыхавшихся лошадей, запряженныхъ въ открытыя дорожныя сани. Занесенный снѣгомъ и инеемъ, государь вышелъ изъ саней. При звукахъ торжественнаго марша Кутузовъ преклонился передъ нимъ и подалъ ему строевой рапортъ. Государь обнялъ престарѣлаго фельдмаршала и рука-объ-руку прошелъ съ нимъ во внутренніе покои замка. Около часа длилась бесѣда наединѣ монарха съ вождемъ-побѣдителемъ. Но государь пожелалъ и публично выразить свою благодарность фельдмаршалу: лишь только Кутузовъ вышелъ изъ кабинета, гофмаршалъ графъ Толстой поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ высшую воинскую награду—знаки ордена св. Георгія 1-й степени.

На слѣдующее утро, въ день рожденія императора, въ замкѣ послѣ обѣдни собрались всѣ генералы и въ ихъ лицѣ государь благодарилъ всю армію. «Господа,—сказалъ онъ между прочимъ, вы спасли не одну Россію,—вы спасли Европу!»

Въ тотъ же день былъ подписанъ манифестъ, возвѣщавшій о дарованіи полнаго прощенія полякамъ и литовцамъ, которые, будучи подданными Русской имперіи, поддались на льстивыя обѣщанія Наполеона и запятнали себя нарушеніемъ присяги.

Послѣ торжественнаго обѣда у фельдмаршала,—обѣда, во время котораго палили изъ наполеоновскихъ пушекъ французскимъ порохомъ, государь, чтобъ доставить удовольствіе старому вождю, принялъ приглашеніе на устроенный

имъ балъ, отличавшійся неслыханной пышностью и торжественностью. При входѣ императора въ бальную залу къ ногамъ его, по знаку Кутузова, были подвергнуты знамена, отнятыя у непріятеля.

Не одна Вильна торжествовала побѣду: во всѣхъ пограничныхъ городахъ и мѣстечкахъ, куда по пятамъ французовъ вступали русскіе, шло непрерывное веселье и ликованье.

Изъ 600 тысячъ непріятелей, введенныхъ Наполеономъ въ Россію, только десятая часть вернулась на родину. Остальные погибли въ сраженіяхъ, умерли

Въѣздъ Александра I въ Парижъ.

отъ ранъ, болѣзней, голода, стужи; множество взяты въ плѣнъ съ бою или сдались добровольно, измученные безкормицей и морозами. Плѣнныхъ въ Россіи осталось до 200 тысячъ человѣкъ; кромѣ того, у непріятеля отбито до 100 знаменъ и штандаровъ, болѣе 1000 пушекъ, захвачено громадное количество денегъ, артиллерійскихъ снарядовъ, обозовъ и пр. Таковы были несмѣтные трофеи Отечественной войны, часть которыхъ, какъ, напримѣръ, орудія, была отвезена въ Москву, въ Кремль, знамена же и штандарты поставлены въ Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ.

Къ концу 1812 года въ Россіи не оставалось ни одного вооруженнаго непріятеля.

25 декабря императоръ Александръ издалъ два манифеста, однимъ извѣщая Россію о благополучномъ окончаніи Отечественной войны, другимъ выражая намѣреніе соорудить въ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя, «въ ознаменованіе благодарности къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели», а также въ напоминаніе потомству о великомъ народномъ самоотверженіи и геройствѣ русскаго воинства, не щадившаго жизни для спасенія родины. Такимъ образомъ, не умаляя заслугъ и славы своего храбраго войска и мужественныхъ, искусныхъ вождей его, императоръ въ то же время въ дарованныхъ ему побѣдахъ видѣлъ прежде всего руку Божественнаго Провидѣнія, и не себѣ, а Господу Богу приписывалъ счастливое завершеніе даннаго имъ обѣта: не опускать меча въ ножны, доколѣ хоть одинъ вооруженный непріятель будетъ находиться на землѣ Русской.

Начиная съ 25 декабря 1812 года, православная Церковь ежегодно въ день Рождества Христова празднуетъ избавленіе Россіи «отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ». А сто лѣтъ назадъ торжество Россіи вмѣстѣ съ ней славила въ эти дни и вся вооруженная противъ нея же Европа, благословляя побѣды великодушнаго императора Александра и видя въ нихъ какъ бы зорю общей свободы, мира и благоденствія. Дѣйствительно, Отечественная война, изъ которой Россія вышла съ окрѣпшими, обновленными, ей самой дотолѣ невѣдомыми силами, имѣла еще и то огромное значеніе, что, начавъ собой истинный періодъ величія нашего отечества, она облегчила и подготовила спасеніе всей Европы, увѣровавшей, наконецъ, въ возможность побѣдить дотолѣ несокрушимаго, «стопобѣднаго», какъ его называли, Наполеона.

И, воодушевленный прекрасной мечтой оградить несчастное человѣчество и низвергнуть ненавистное всѣмъ народамъ Европы иго Наполеона, видя, что для всеобщаго прочнаго мира ему самому вмѣстѣ съ его доблестной арміей необходимо предстать передъ этой Европой, императоръ Александръ 1 января 1813 года перешелъ съ нашими главными силами границу и направился въ Германію. Начиналась война за освобожденіе Европы, закончившаяся въ 1814 году вступленіемъ нашихъ войскъ въ Парижъ и сверженіемъ Наполеона.

Не довелось дожить до этого полнаго торжества Императора Александра его первому и главнѣйшему сподвижнику въ Отечественной войнѣ фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому. Перейдя съ русскими войсками границу, онъ умеръ 16 апрѣля 1813 года въ нѣмецкомъ городкѣ Бунцлау. На мѣстѣ его кончины прусскій король поставилъ памятникъ и начерталъ на немъ: «До сихъ поръ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя войска, и здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ дѣламъ его. Онъ спасъ отечество свое и отверзъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна память героя!»

* * *

Въ памятный день столѣтняго юбилея войны 1812 года, мы должны съ благодарностью вспомнить славные подвиги родныхъ героевъ. Ихъ свѣтлые, благородные образы встаютъ передъ нами во всей красѣ своего величія. Въ тяжелую годину страшнаго бѣдствія всѣ: отъ царя до послѣдняго солдата, до скромнаго ополченца—всѣ поднялись на защиту родины отъ грознаго завоевателя. Они отдавали свое имущество и жизнь.

Да будетъ память ихъ благословенна вовѣки! Пусть эти великіе подвиги любви къ престолу, родинѣ и святой вѣрѣ отцовъ послужатъ и намъ, потомкамъ, примѣромъ для подражанія и народной гордости своимъ великимъ прошлымъ.

Медаль 1812 г.

Императоръ Александръ I.

Стихотворенія, посвященныя императору Александру I.

Кто царь сей—межъ царей? Чья блещетъ такъ порфира?
По бронѣ Александръ, по взору Аполлонъ;
Летятъ за нимъ орлы, какъ на побѣду міра!
Такъ! вѣрно побѣдитъ, но благостію—онъ.

Державинъ.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь?
Вселенная! падн предъ нимъ: онъ твой спаситель;
Россія! имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Вяземскій.

Потомство россіянъ! завидуй торжеству:
Монархъ ихъ возвратилъ народамъ чуждымъ правы,
Европѣ миръ, царямъ достоинство державы
И храмы Божеству.

Дмитріевъ

Императору Александру I.

Оставь на время твой великолѣпный тронъ—
Хвалой невѣрною тронъ царскій окруженъ,
Сокрой свой царскій блескъ, втѣснись безъ украшенья
Одинъ въ толпу и тамъ внимай благословенья.
Въ чертогѣ, въ хижинѣ—вездѣ одинъ языкъ:
На праздникахъ семей—украшенный твой ликъ,
Ликующихъ родныхъ родной благотворитель,
Стоитъ на пиршескомъ столѣ веселья зритель,
И чаша первая и первый гимнъ тебѣ;
Цвѣтущій юноша благодаритъ судьбѣ,
Что въ твой прекрасный вѣкъ онъ къ жизни приступаетъ,
И славой для него грядущее пылаетъ;
Старикъ свой взоръ на гробъ боится устремить
И смерть поспѣшную онъ молитъ погодить,
Чтобъ жизни лучшій цвѣтъ расцвѣлъ передъ могилой;
И воинъ въ тишинѣ, своею гордый силой,
Пенатамъ [1]) посвятивъ изрубленный свой щитъ,
Друзьямъ о битвахъ тѣхъ съ весельемъ говоритъ,
Въ которыхъ зрѣлъ тебя всегда въ кипящей сѣчѣ,
Всегда подъ свистомъ стрѣль, вездѣ побѣдъ предтечей;
На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О, дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя—не льстецъ,
Когда хвала—восторгъ, гласъ лиры—гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,—
Все-все слилось въ одно святое слово: царь.
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и нищета подъ кровлею забвенья
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ твой отдаетъ,
И онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ лietъ
Нѣмымъ присутствіемъ въ обителп страданья!
Пусть облечетъ во власть святой обрядъ вѣнчанья,
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за царя на жертву жизнь принесть—

---

[1]) Пенаты — домашніе боги у древнихъ римлянъ, души умершихъ предковъ, покровительствовавшіе семьѣ.

Отъ подданныхъ царю колѣнопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца—уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.
О, царь, не скипертомъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
Но тропа красота—великая душа.
Безмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на твой народъ, простертый предъ тобою,
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцомъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой,
По манію царя на все, на все готовый—
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ твой приноситъ царскій тронъ;
Предстатель за царей народъ у Провидѣнья.
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья!
Повѣрь народу, царь, имъ будешь счастливъ ты.
Поставившій тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной—
Ужель на краткій мигъ онъ намъ тебя явилъ?
О, нѣтъ! онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ: хранить въ тебѣ всѣ блага, намъ священны—
И не обманетъ насъ отъ вѣка неизмѣнный.
Прими жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру
Столь древле славную отцовъ твоихъ порфиру [1]),
За вѣру въ страшный часъ къ народу твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему
Здѣсь, окружая твой престолъ, Благословенный [2]),

---

[1]) Порфира -верхняя торжественная одежда государей, широкій и длинный плащъ багрянаго шелка, подбитый горностаемъ.

[2]) Россія и съ нею вся Европа благословила подвиги русскаго императора и увѣковѣчила за нимъ въ исторіи имя Александра Благословеннаго, который не себѣ, а Провидѣнію приписывалъ побѣду въ неслыханной борьбѣ съ Наполеономъ. На медали, выбитой въ честь войны 1812 г., по его повелѣнію, изображено съ одной стороны Всевидящее око, а съ другой начертано: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему“.

Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ твоей священной;
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за царя.

В. Жуковскій.

На возвращеніе императора Александра I изъ Парижа въ 1815 году.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ:
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!.. Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще впереди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости вѣнчанный исполинъ [1])
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ и, брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ... и смерти громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... [2]) и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ перпатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ и клятву далъ святую—
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!
«Къ мечамъ!» раздался кликъ, и вихремъ понеслись;

---

[1]) Наполеонъ.

[2]) Послѣ занятія Парижа Александромъ I Наполеонъ отрекся отъ престола и уѣхалъ на островъ Эльбу, который ему былъ отданъ въ пожизненное владѣніе. Съ Эльбы Наполеонъ снятъ вернулся во Францію и, процарствовавъ „Сто дней", вторично отрекся отъ престола и былъ заключенъ на островѣ Св. Елены.

Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились.
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку.
Сразились; воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ, безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о, кульмскіе [1]) герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный палъ?..
Кто смѣлый, кто въ громахъ на Сѣверѣ возсталъ?..
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!..
И нынѣ ты къ сынамъ, о, царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!

---

[1]) Французскій генералъ Вандамъ съ цѣлымъ корпусомъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими и пруссаками при Кульмѣ, въ Богеміи, въ 1813 году.

Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о, русскій царь! оставь же шлемъ стальной
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ [1]) священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!..
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ—и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

А. Пушкинъ.

Пѣсня русскому царю отъ его воиновъ.

Гряди, нашъ царь [2]), твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ [3]).
Гряди, гряди къ сграни своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей!
Къ его стопамъ мечи кровавы,
Къ его стопамъ и шлемъ и щитъ;
Его главу да знамя славы
При кликахъ славы осѣнитъ;
Ему вѣнцы готовьте въ дань,
Рѣшившему святую брань.
Нашъ царь, въ отчизну съ поля чести
Твою мы славу принесли;
Вотъ громъ твоей, свершитель, мести;
Вотъ знамена еще въ пыли,

[1]) Янусъ—у древнихъ римлянъ богъ первоначально солнца, впослѣдствіи—всякаго начинанія.
[2]) Александръ.
[3]) Наполеонъ.

Вотъ нашей вѣрности алтарь,
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: честь и царь!
Младый наслѣдникъ полвселенны!
Межъ насъ впервой ты мечъ пріялъ;
Нашъ царь, ко брани ополченный,
Ты путь намъ къ славѣ указалъ;
Нашъ вождь! ты былъ предтечей намъ
Вездѣ во срѣтенье врагамъ.
Скажи жъ, о, вождь, гдѣ измѣнилась
Твоя дружина предъ тобой?
Погибель насъ пожрать стремилась—
Ее отбилъ нашъ твердый строй.
Намъ взоръ царя, какъ Божій лучъ,
Свѣтилъ на мглѣ громовыхъ тучъ.
Ко мщенью ты воззвалъ народы;
Ты спасъ владычество царямъ;
Ты знамена святой свободы
Покорнымъ даровалъ врагамъ,—
И твой покрылъ вселенну щитъ,
И брань окованна молчитъ.

Отъ Нѣмана до океана
Твоихъ трофеевъ славный рядъ;
И гдѣ парилъ орелъ тирана,
Тамъ днесь твои орлы парятъ;
И громъ, безмолвный въ ихъ когтяхъ,
На брань и бунтъ наводитъ страхъ.
Но кто на Русь твою возстанетъ?
Противныхъ нѣтъ полкамъ твоимъ;
Твой страшный гнѣвъ съ престола грянетъ,
И сѣверъ грянетъ вслѣдъ за нимъ;
И казни вѣстникъ, грозный страхъ,
Враговъ умчитъ, какъ дымъ и прахъ.
Гряди, нашъ царь, твоя дружина
Благословляетъ твой возвратъ;
Вселенной рѣшена судьбина,
И ниспровергнутъ супостатъ.
Гряди, гряди къ странѣ своей,
Нашъ царь, нашъ славный вождь царей!

Жуковскій.

Два великана.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою—
Ахнулъ дерзкій и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Лермонтовъ.

Стихотворенія, посвященныя событіямъ и героямъ 1812 года.

„Простри, Господь, надъ нами Ты десницу“.

(Народная молитва 1812 г.).

Простри, Господь, надъ нами Ты десницу!
Отъ злого супостата защити.
Отъ вражья наступленья!
Отъ злого разоренья
Молимъ Тебя, помилуй и спаси!
Оружью россовъ дай, Господь, побѣду!
Да на святую Русь
Десницу Ты простри!
Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы
И покоряйтеся,
Яко съ нами Богъ!
Коль Ты намъ за грѣхи шлешь наказанье,
Не дай погибнуть намъ безъ покаянья!
Господи, помилуй и спаси!

Сказаніе о 1812 годѣ.

(Бѣгство Наполеона изъ Москвы).

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя метели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,—
Егеря и гренадеры.
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, вразбродъ взбираясь
На подъемъ оледянѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты [1]);
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей и колымаги [2]),
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...

[1]) Станокъ на колесахъ, на коемъ лежитъ артиллерійское орудіе.
[2]) Колымага—тяжелый, неуютный экипажъ.

Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея [1]), привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ,
Въ пошевняхъ [2]) на жалкихъ кля-
чахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно,
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...
Гдѣ жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. Надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..
И поникъ онъ и въ дремотѣ
Видитъ, какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода—
Въ Тюльери [3]) стоитъ онъ гнѣв-
ный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ [4]),
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, императоръ—
«Князь, вы видите!—воскликнулъ.—
Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:
Императоръ вашъ—на что же!
Онъ надѣется на что же?»
—«Государь!—въ отвѣтъ посланникъ.—
Взять въ расчетъ вы позабыли,
Что за русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!»
Онъ тогда расхохотался,
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ Петров-
скій [5])
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. И днемъ и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незри-
мыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... «Такъ вотъ что
значитъ—
Весь народъ!..»
И безнадежно
Въ даль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

А. Майковъ.

---

[1]) Наполеонъ.
[2]) Пошевни—широкія сани, обшитыя лубкомъ.
[3]) Во дворцѣ французскихъ королей въ Парижѣ.
[4]) Русскій посланникъ князь Куракинъ.
[5]) Царскій Петровскій дворецъ въ Москвѣ.

Переходъ черезъ Нѣманъ [1]).

Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны [2]), работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ далеко раздается: «Vivat!»
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ—
Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ—
За Нѣманомъ туча встаетъ...

И думаетъ онъ: «Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!»
И мнится ему въ то же время,—сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...

И душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
«Сомнетъ знамена твои русскій народъ!»
«Впередъ!—говорятъ ему слава и геній—
Впередъ, императоръ! Впередъ!

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ и молча глядитъ,
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки,
И стонутъ мосты отъ копытъ.

Я. Полонскій.

---

[1]) 12 іюня 1812 г. Наполеонъ во главѣ 600(0) отборнаго войска перешелъ черезъ Нѣманъ въ русскіе предѣлы.

[2]) Понтоны легкія разборныя лодки, служащія въ войскахъ для быстрой постановки мостовъ.

Пѣсня.

(На отъѣздъ въ армію князя Голенищева-Кутузова въ августѣ 1812 года).

Что за пыль столбомъ подымается,
Мать сыра земля содрогается,
Кони быстрые вихремъ въ путь летятъ,
Сотни мигомъ верстъ проскакать хотятъ!
Знать, заслышали кони быстрые,
Въ путь кого они и зачѣмъ несутъ:
Что несутъ они славна витязя,
Страшныхъ русскихъ силъ вождя славнаго
И святой Руси сына вѣрнаго,
Мужа разума — князь Кутузова,
Что по манію царя Бѣлаго
Ѣдетъ въ бой вести войско храброе
Противъ хищнаго врага лютаго.
Ой, вы гой есте, добры молодцы,
Вы, солдатушки православные,
Поднимите вы руки,
И, сомкнувъ въ ряды груди мощныя,
Помолитесь Богу Крѣпкому,
И Пречистой Его Матери,
И по слову вождя мудраго
Гряньте съ вѣрою и съ надеждою
На злодѣя кровожаднаго,—
Васъ побѣда,—даръ Всесильнаго,
Увѣнчаетъ славой вѣчною,
И не только Русь родимая,
Вся воскликнетъ поднебесная:
Исполать вамъ, добры молодцы!

Кутузову.

(Военная пѣсня).

О Кутузовъ! Истребитель
Человѣчества враговъ!
Хвала, хвала тебѣ, герой!
Попранъ, растерзанъ галлъ тобой.
Слава вѣчно не затмится,
Не увянетъ твой вѣнокъ:
Гулъ чрезъ вѣки такъ промчится,
Какъ чрезъ горы чистый токъ.
Хвала, герой, тебѣ хвала!
Ты отечества спаситель,
Богатырь ты всѣхъ вѣковъ!
Россію длань твоя спасла.
Тѣнь священная! прострися
Къ намъ изъ облачныхъ долинъ,
Кликомъ нашимъ взвеселися:
Память мы твою блажимъ.
Изъ вѣка въ вѣкъ тебѣ хвала!
Россію длань твоя спасла.

Бородино.

(Варіантъ).

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали
Молитвы родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову подпявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:

Артиллеріи ген.-майоръ г-фъ Кутайсовъ.

Ген.-адъют. г-фъ Орловъ-Денисовъ.

А. И. Чернышевъ.

Ген.-лейт. Н. А. Тучковъ I-й.

«Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!»
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:
«Ребята, не Москва ль за нами!
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И мы погибнуть обѣщали
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, ледянѣю весь,
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули;
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пуля смерти понеслася
Изъ моего ружья.

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ, и болѣ
Ужъ я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
На пушки конница легала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5.

Живые съ мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали —
Противникъ отступилъ.
Но день достался памъ дороже!
Въ душѣ сказалъ: «Помилуй Боже!»
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко-крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь,
Мои товарищи, вы пали,
Но этимъ не могли помочь.
Однакоже въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ потухнутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

(М. Лермонтовъ.)

Генералу Раевскому.

Великодушный русскій воинъ,
Всеобщихъ ты похвалъ достоинъ!
Себя и юныхъ двухъ сыновъ
Приносишь все царю и Богу;
Дѣла твои сильнѣй всѣхъ словъ.
Ведя на бой россійскихъ львовъ,

Вѣщалъ: «Сыновъ не пожалѣемъ;
Готовъ я съ ними вмѣстѣ лечь,
Чтобъ злобу лишь враговъ пресѣчь!..
Мы, россы, умирать умѣемъ» [1]).
Орлы взвилися на враговъ,
На Бога твердо уповаютъ,
Полки враговъ не исчисляютъ,
За вѣру льютъ родную кровь.
Врагъ отраженъ, и снова
На россовъ злость его сурова
Къ стѣнамъ Смоленска привлекла,
Стотысячна толпа пришла.
Малъ русскихъ соимъ, но вѣра съ ними!

Опять съ полками сталъ своими
Раевскій, вѣры сынъ герой...
Идетъ кровавый бой!
Всѣ россы вихрями несутся,
До положенья главъ дерутся,
Ихъ тщетно къ отдыху зовутъ;
«Всѣмъ дайте умереть намъ тутъ!»
Такъ русски воины вѣщаютъ,
Разятъ врага, не отступаютъ:
Не страшенъ россамъ къ смерти путь.
И мы, о воины! за вами
Изъ градовъ русскихъ всѣ пойдемъ,
За насъ вы боретесь съ врагами,
И мы, мы съ васъ примѣръ возьмемъ:
Или Россіи избавленье,
Иль смерть врагу и пораженье
Мы вмѣстѣ съ вами принесемъ
Иль съ вѣрой—вѣрными умремъ!

(Изъ собраній стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году, ч. II, 1814 года).

Бородинское поле.

Умолкшіе холмы, долъ, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу.
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь гомерическій [2]), Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ! я лечу — веди меня, я твой. —
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,

[1]) Никогда русское сердце не забудетъ словъ героя Раевскаго, который съ двумя своими юными сынами, ставъ впереди русскихъ воиновъ, вѣщалъ: „Впередъ, ребята! за вѣру и за отечество! я и дѣти мои, коихъ приношу въ жертву, откроемъ вамъ путь!“

[2]) Вождь — подобный тѣмъ знаменитымъ героямъ, которые прославлены древнимъ греческимъ поэтомъ Гомеромъ.

Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ [1]) дымомъ!
Но гдѣ вы?.. Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

Денисъ Давыдовъ [2]).

Надпись на полѣ Бородинскомъ.

Стой, россъ! Ты подошелъ къ полямъ Бородина!
Здѣсь грозные лежатъ полки надменна галла;
Они бросали громъ — вселенна трепетала, —
Но здѣсь ихъ встрѣтила гранитная стѣна!
Не ратниковъ число, не рядъ огромныхъ башенъ,
Ихъ встрѣтила любовь къ отечеству, къ царю.
О, россъ, въ ней мощь твоя; ты ею силенъ, страшенъ,
Ты ею засвѣтилъ спокойствія зарю.
Она пылала, здѣсь и гласъ ея священный
Носился межъ рядовъ: «О, россъ, Самъ Богъ — твой щитъ!
Умри, умри, иль будь спасителемъ вселенной!
Будь вѣренъ мнѣ: тебя никто не побѣдитъ».
И русскія сердца рвались съ кровавой клятвой
Иль сбить врага, иль всѣмъ костьми въ поляхъ сихъ лечь.
Здѣсь утомилась смерть сголь новой, тучной жатвой!
Здѣсь бились русскіе, здѣсь ихъ носился мечъ!
Ревѣли громы здѣсь — и долъ и холмъ стонали!
Затмился солнца свѣтъ, земля тряслась, и дымъ
Нагналъ на россовъ мракъ, но въ нихъ сердца пылали!
Сквозь дымъ, сквозь мракъ врага указывали имъ,
Но вѣра ихъ свѣточъ и вѣрность — вождь надежный,
Веди безстрашныхъ въ бой — и россъ врага сломилъ,
И врагъ, погибели страшася неизбѣжной,
Содрогся и съ стыдомъ съ полей сихъ отступилъ.
Здѣсь робко на поля иноплеменникъ взглянетъ,
И мимо сихъ холмовъ со страхомъ поспѣшитъ;
Но россъ здѣсь мощь свою и славу вспомянетъ,

---

[1]) Перунъ — главное божество русскихъ славянъ, богъ грома и молніи.

[2]) Денисъ Давыдовъ былъ знаменитый русскій партизанъ и поэтъ; 24 августа 1812 г. имъ былъ устроенъ первый партизанскій отрядъ.

И скажетъ съ гордостью: «Кто русскихъ покоритъ?!»
Сюда придетъ старикъ и внучатъ за собою
Съ благоговѣніемъ, какъ къ храму, приведетъ.
«О, дѣти, слушайте,—и повѣстью простою
Въ ихъ юныя сердца жаръ доблестный прольетъ:—
Я помню, приходилъ врагъ съ силой исполинской,
И жегъ и грабилъ все; здѣсь русскихъ встрѣтилъ онъ;
Я помню славный день, день битвы бородинской!
Здѣсь дрогнулъ въ первый разъ злодѣй Наполеонъ!
Здѣсь онъ почувствовалъ, что̀ можетъ горсть героевъ
Противъ несчетныхъ ордъ, со всѣхъ скопленныхъ странъ.
Сей безпримѣрный бой изъ всѣхъ извѣстныхъ боевъ
Явилъ, что̀ можетъ духъ великихъ россіянъ!
Здѣсь бился Божій мечъ, князь русскій Михаилъ.
Я помню, какъ онъ шелъ, украшенъ сѣдинами,
Какъ онъ предъ битвою съ полками говорилъ.
Онъ страшенъ былъ, когда сражался со врагами.
Тогда на мѣстѣ семъ парилъ надъ нимъ орелъ;
Въ часъ сѣчи роковой надъ старцемъ опустился;
Вождь обнажилъ чело и духомъ ополчился.
Ура! воскликнулъ россъ, ударилъ, загремѣлъ!..
Тогда на мѣстѣ семъ и русскихъ много пало.
О, дѣти, кланяйтесь! Они легли за насъ;
Паденьемъ славнымъ ихъ отечество возстало.
Во вѣкъ священнымъ ихъ да будетъ прахъ для насъ.
Россійскій Марѳонъ [1])—село Бородино!
Ты славою славянъ въ безсмертьи заблистаешь;
Твоимъ святымъ холмамъ отнынѣ суждено
Вѣщать: «о, смертный, стой: безсмертныхъ попираешь!

Ник. Иванчинъ-Писаревъ.

Воробьевы горы.

Не горятъ златыми льдами,
Ни пурпурными снѣгами,
Средь небесной синевы,
Ихъ вѣнчанныя главы,
Съ ребръ не хлещутъ водопады;
Бездны, воя и шумя,
Не страшатъ пришельца взгляды,
Ни пугли. аго коня;
Но люблю я эти горы
Въ простотѣ веселой ихъ,

[1]) Мѣстность на восточномъ берегу Аттики; замѣч. побѣдой, одержанной аѳинянами надъ персами въ 490 году до Р. Х.

Ихъ обрывы, ихъ уборы
Перелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я въ полдень жаркій
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвыя текли.
Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,
И блисталъ, какъ бы съ престола,
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной,
Градъ святой перводержавный,
Вѣковой—Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдные,
Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И, въ торжественномъ покоѣ,
Между ними, въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь, въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.
Съ этихъ горъ святой вершины
Страшный міру исполинъ [1])
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
«Вотъ,—онъ мнилъ,— вѣнецъ желанный,
Плодъ трофеевъ и утратъ!
Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ льдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ.
И пустынные народы
Предо мной копье склонятъ,
И до-полюсныя воды
У моихъ восплещутъ пятъ!
Мнѣ ль ты царство устрояла,
Вѣнценосная жена?
Для меня ль ты насаждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство руссовъ—мнѣ дано!
И заблещетъ днесь оно
Въ европейской діадемѣ,
Какъ азійское зерно».
Такъ онъ мнилъ, вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой;
А межъ тѣмъ угрюмъ и страшенъ
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя.

А. Майковъ.

Въѣздъ въ Москву.

Но вотъ ужъ близко... Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы ..
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ.
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

[1]) Наполеонъ.

Вотъ окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ! Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля.
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою!..

Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ.

А. Пушкинъ.

Поклонная гора.

Тамъ, на покатой горѣ, зеленѣли когда-то три дуба.
Хищный орелъ залетѣлъ и, усѣвшись подъ тѣми дубами,
Взглядомъ кровавымъ въ добычу впился и готовилъ ужъ когти.
Былъ бы пиръ, да спалило грозою могучія крылья,
Перья вѣтеръ разнесъ и засыпало зимнимъ ихъ снѣгомъ.
Тамъ, за Москвой, на Поклонной горѣ, зеленѣли тѣ дубы.
Не орлу съ той горы, а пришельцу, вождю легіоновъ,
Наша предстала Москва съ золотыми своими верхами;
И, простершись во всю широту, ожидала безмолвно
Жертва смиренная, жертва святая,—да судъ совершится.
А по полямъ шли полки, громовыя катились орудья;
Двадцать народовъ тѣснились вокругъ съ знаменами Европы;
Двигалось все, и неслось и жадно вторгалось; но страшно
Было итти имъ вдоль улицъ безлюдныхъ, безмолвныхъ и слушать
Въ той тишинѣ только топотъ копытъ безподковныхъ ихъ коней.
Здѣсь, изъ-подъ этихъ дубовъ, онъ смотрѣлъ, выжидая посольства [1]).
Нашихъ сенаторовъ ждалъ и бояръ,—и сердился и кликалъ;
Только они не пришли и торжественной не было встрѣчи!
Правда, Москву въ ту же ночь освѣтили и мы—да пожаромъ.
Сильный съ тѣхъ поръ подъ землей, а природа все вновь зеленѣетъ.

---

1) 2 сентября русскія войска выходили изъ Москвы, а французы вступали въ нее. Пріѣхавъ на Поклонную гору, Наполеонъ смотрѣлъ отсюда на Москву. „Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ славный городъ!.. Теперь война кончена", говорилъ онъ своимъ окружающимъ. Сойдя съ коня у Дорогомиловской заставы, Наполеонъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сановниковъ и начальниковъ Москвы, но никто къ нему не являлся. „Видно, эти варвары не знаютъ,—сказалъ съ серіемъ Наполеонъ, -какъ слѣдуетъ и принято сдавать города!" и велѣлъ позвать къ нему бояръ. Посланные привели только нѣсколькихъ иностранцевъ ремесленниковъ, которые объявили Наполеону, что Москва совсѣмъ пуста.

О, какъ любилъ я смотрѣть въ тишинѣ на эти три дуба!
Въ тихомъ вечернемъ сіяньи они такъ мирно стояли.
Онъ же, подъ тѣнію ихъ озиравшій, какъ демонъ, святыню,
Не видалъ онъ своей головой, что звѣзда его гаснетъ.
Мрачно сошелъ онъ съ горы,—не сошелъ онъ съ утеса Елены!

Дмитріевъ.

Занятіе Москвы Наполеономъ.

(Военная пѣсня).

Ночь темна была и не мѣсячна,
Рать скучна была и не радостна;
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумались, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались.
Не люта змѣя, кровожадная,
Грудь сосала ихъ богатырскую,
То тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца молодецкія.
Не отцовъ родныхъ оплакивали
И не женъ молодыхъ и не дѣтушекъ,
Какъ оплакивали родимую—
Мать родимую, мать кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартіемъ.
Тутъ какъ вдругъ они встрепенулися,
Словно вихрь-орлы, взоръ окинули
Во всѣ стороны и воскликнули
Всѣ въ одинъ голосъ, какъ въ злату трубу:
«Молодцы-братцы, удалы друзья,
Неизмѣнныя чада русскія!
Что дадимъ, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную:
Чтобъ не видѣть намъ ни домовъ своихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Ни самой души красной дѣвицы,
Не побивъ силы Бонапартовой,
Не отмстивъ врагу за родну Москву.
Отсѣчемъ ему мы возвратный путь,
И мы примемся по-старинному,
По-старинному, по-суворовски,
Закричимъ «ура!» и пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражія,
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ;
Кто пятокъ убьетъ, кто десяточекъ,
А лютой боецъ до пятнадцати.
Не дадимъ, друзья, люта промаху,
Постараемся всѣ, ребятушки,
Чтобы самъ злодѣй на штыкѣ погибъ,
Чтобъ вся рать его здѣсь костьми легла,
Ни одна бъ душа иновѣрная
Не пришла назадъ въ свою сторону,
А народы всѣ матерой земли
Чтобъ повѣдали, каково итти
Со оружіемъ во святую Русь».

Великая панихида.

1812 годъ.

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой-Москвою,
По долamъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пуль и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!..
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ недоставало,
Воску вдоволь не хватало:
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую—
Матушку-Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье!..

Щербина.

Москва.

Но грянулъ громъ! Смѣльчакъ вѣнчанный,
Игравшій царствами какъ въ мячъ,
Французовъ кесарь первозванный,
Еще не знавшій неудачъ,
Задумалъ съ Русью побороться,
Задумалъ Русь онъ покорить,
Не зналъ, какой цѣной придется
Ему ту смѣлость искупить.
Собравъ солдатъ разноплеменныхъ,
Его отвагой покоренныхъ,
Онъ съ ними ринулся на насъ
Въ свой роковой и грозный часъ.
Онъ на тебя свой путь направилъ;
Привыкъ въ столицы онъ вступать;
Вѣдь, сколько царствъ ужъ онъ заставилъ
Его условія принять.
Но не забылъ свою обитель
Небесный ангелъ нашъ хранитель:
Путемъ завѣдомымъ повелъ
Онъ Русь къ спасенью. Врагъ пришелъ.
Въ самоувѣренности властной,
Считая Русь себѣ подвластной,
Онъ въ Кремль священный твой вошелъ,
Вошелъ—и стихъ... Въ твоей святынѣ
Рушитель Божьей благостыни
Впервые дрогнулъ за свой тронъ,
Почуявъ нравственный уронъ.
Его дружина боевая,
Отъ безначалія растая,
Въ орду безпутныхъ обратилась
И вспять во страхѣ устремилась,
Когда рой смѣлыхъ удальцовъ

Тебя сжигалъ со всѣхъ концовъ.
Ты опустѣла—и въ огнѣ
Напомнила о старинѣ.
Все воспрянуло вновь! Загорѣлась любовь
Въ сердцѣ русскихъ людей, загорѣлася съ ней
И отвага въ груди. Въ часъ нежданной бѣды
Встали всѣ, какъ одинъ, и побѣдной волной
Разметали врага по отчизнѣ родной!

Ты сгорѣла до тла, жертву вновь принесла,
Но ты русское царство собою спасла
И исполнила вновь подвигъ царственный свой,—
Твой пожаръ жегъ сердца по Руси всей родной!
Но съ смиреньемъ успѣхъ не къ себѣ отнесла,
И Спасителю храмъ близъ Кремля вознесла [1]).

Навроцкій.

Ты помнишь ли?

(Солдатская пѣсня про 1812 –1814 годы).

1.

«Ты помнишь ли, товарищъ неизмѣнный,—
Такъ капитанъ солдату говорилъ,—
Ты помнишь ли, какъ громъ грозы военной
Святую Русь внезапно возмутилъ?
Ты помнишь ли, какъ мы подъ знаменами
Отечества сражались со врагомъ?
Какъ врагъ бѣжалъ несмѣтными толпами,—
Скажи, солдатъ, ты помнишь ли о томъ?

2.

«Ты помнишь ли походъ тотъ незабвенный,
Когда мы шли побѣды дань стяжать?
Когда повелъ нашъ царь Благословенный
Расторгнуть плѣнъ и миръ народамъ дать?..
Ты помнишь ли, какъ нашъ орелъ двуглавый,
На высотахъ Монмартра бросивъ громъ,
Далъ міру миръ, во имя русской славы,—
Скажи, солдатъ, ты помнишь ли о томъ?

3.

«Ты помнишь ли, когда Парижъ надменный
Намъ отворилъ завѣтныя врата
И отдалъ лавръ колѣнопреклоненный, –
И ждалъ отъ насъ съ покорностью суда?
Ты помнишь ли, какъ русскія знамена
Явились въ немъ съ побѣднымъ торжествомъ,
И міръ сложилъ ярмо Наполеона,—
Скажи, солдатъ, ты помнишь ли о томъ?»

[1]) На берегу Москвы рѣки, близъ Кремля, красуется величественный храмъ Христа Спасителя, построенный въ память избавленія нашего отечества отъ нашествія Наполеона въ 1812 году.

О народной оборонѣ.

Неужто забыть намъ двѣнадцатый годъ?
Неужели нами забыты
Тѣ дни испытаній и тяжкихъ невзгодъ,
Когда поголовно всталъ русскій народъ
Во имя народной защиты?

Порогъ нашъ былъ попранъ, къ намъ грозной войной
Двунадесять вторглось языка,
И въ самое сердце Россіи родной,
Пророча ей гибель, привелъ ихъ съ собой
Плѣненной Европы владыка.

Въ то время не въ писанномъ правѣ войны, —
Въ народѣ спасенья искали;
И были всѣ силы земли призваны;
И въ лѣтопись кровью Россіи сыны
Дѣянья тѣхъ дней записали.

Во гнѣвѣ возстали за честь очага
И старый и малый [1]) не даромъ;
И бабы съ ухватами шли на врага...
Свѣтло озарились родные снѣга
Москвы незабвеннымъ пожаромъ.

Доселѣ мы въ пѣсняхъ народныхъ поемъ,
На память великой той были,
Какъ мы, не стѣсняясь во гнѣвѣ своемъ,
Десятками тысячъ французовъ живьемъ
Въ родные сугробы зарыли.

И лава за лавой, по зову царя,
Стремились на брань ополченья,
Любовью къ отчизнѣ и местью горя.
И грозно свѣтила пожаровъ заря
На дерзкихъ враговъ отступленье.

Извѣдалъ тогда ужаснувшійся врагъ,
Узнали Европы народы,
Какъ грозенъ возстанія русскаго стягъ,
Подъятый въ могучихъ народа рукахъ
Во имя народной свободы!

Народною дланью Русь спасена!
Мы вѣрить привыкли сызмала,
Что тѣмъ-то была и права и славна
Родной обороны святая война,
Что духомъ народнымъ дышала...

Хитрово.

---

[1]) Въ народной оборонѣ принимали участіе помѣщики, священники, крестьяне и даже женщины; здѣсь особенно прославились старостиха Василиса, крестьянинъ Герасимъ Куринъ, майоръ Емельяновъ, гусаръ Самусь, помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ, священникъ Іоаннъ Скабѣевъ, дѣвица-кавалеристъ Дурова, сражавшаяся въ рядахъ регулярныхъ войскъ.

Партизанъ.

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ,
Вдали Кутузова курень [1])
Одинъ, какъ звѣздочка, сверкаетъ.
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ,
И надъ пылающей Москвою
Багрово зарево лежитъ
Необозримой полосою.
И мчится тайною тропой
Воспрянувшій съ долины битвы
Наѣздниковъ веселый рой
На отдаленныя ловитвы.
Какъ стаи алчущихъ волковъ,
Они долинами витаютъ,
То внемлютъ шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжаютъ.
Начальникъ въ буркѣ на плечахъ,
Въ косматой шапкѣ кабардинской,
Горитъ въ передовыхъ рядахъ
Особой храбростью воинской.
Сынъ бѣлокаменной Москвы,
Но рано брошенный въ тревоги,
Онъ жаждетъ сѣчи и молвы,
А тамъ что будетъ—вольны боги.
Давно незнаемъ имъ покой,
Привѣтъ родни, взоръ дѣвы нѣжной,
Его любовь—кровавый бой,
Родня—донцы, другъ—конь надежный.
Онъ чрезъ стремнины, чрезъ холмы
Отважно всадника проноситъ,
Онъ чутко шевелитъ ушми,
То фыркаетъ, то удилъ проситъ.

Д. Давыдовъ.

Давыдову.

Жизни баловень счастливый,
Два вѣнка ты заслужилъ:
Знать, Суворовъ справедливо [2])
Грудь тебѣ перекрестилъ.
Не ошибся онъ въ дитяти:
Выросъ ты и полетѣлъ,
Полонъ всякой благодати,
Подъ знамена русской рати,
Гордъ и радостенъ и смѣлъ.
Грудь твоя горитъ звѣздами:
Ты геройски добылъ ихъ
Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
Въ ратоборствахъ роковыхъ.
Жизни бурно-величавой
Полюбилъ ты шумъ и трудъ:
Ты ходилъ съ войной кровавой
На Дунай, на Бугъ и Прутъ.
Но тогда лишь начиналась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалекѣ и къ намъ примчалась
Разрушительно-грозна.
Чу, труба продребезжала!
Русь, тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ.
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,

---

[1]) Курень въ бывшемъ малороссійскомъ войскѣ нѣсколько селеній, управлявшихся однимъ „куреннымъ“ атаманомъ. Въ данномъ случаѣ—лагерь.

[2]) Суворовъ, пріѣхавъ однажды въ имѣніе родителей Давыдова, благословилъ понравившагося ему мальчика.

Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей.
Пламя въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ.
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, впередъ!
Громче буря истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ [1]) костеръ.
Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ пріемъ!
Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву. За дѣломъ шли!..
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?
Много въ этотъ годъ кровавый,
Въ эту смертную борьбу,
У враговъ ты отнялъ славы,
Ты, боецъ чернокудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ на лбу.
Удальцовъ твоихъ налетомъ
Ты ихъ честь, примѣръ и вождь—
По лѣсамъ и по болотамъ,
Днемъ и ночью, въ вихрь и дождь,
Сквозь огни и дымъ пожара,
Мчалъ врагамъ, съ твоей толпой,
Вездѣсущъ, какъ Божья кара,
Страхъ нежданнаго удара
И нещадный дикій бой.

Н. Языковъ.

Донъ.

Здравствуй, батько Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Многи дѣти издалека
Дону славу принесли!
Чай прослышалъ ты, родимый,
Какъ гуляли казаки:
Какъ Платовъ непобѣдимый
Въ бой водилъ твои полки;
Какъ за нимъ они летали,
Словно грозный ураганъ;
Какъ душили и трепали
Шайки тощихъ басурманъ;
Какъ землякъ, морозъ холодный,
Вдругъ на нехристя напалъ;
Какъ изъ Руси онъ голодный
Безъ оглядки удиралъ;
Какъ чрезъ Вислу, Рейнъ и Рону
И до Сены береговъ
Мы на славу батькѣ Дону
Гнали дерзостныхъ враговъ;
Какъ за честь твою стояли,
Не жалѣючи себя,
Какъ въ Парижѣ пировали,
Вспоминаючи тебя.
Разыграйся жъ, Донъ широкій,
Царь рѣкамъ родной земли!
Много дѣти издалека
Дону славы принесли.

Розенгеймъ.

---

[1]) Фениксъ—по египетскимъ вѣрованіямъ, птица, сгоравшая при приближеніи смерти и снова возрождавшаяся изъ своего пепла; образъ вѣчнаго обновленія.

Гробница кн. М. И. Кутузова-Смоленскаго.
(Въ С.-Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ).

Къ тѣни полководца.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...

Пушкинъ.

На французскія революціонныя знамена въ Казанскомъ соборѣ.

Произнеси въ семъ храмѣ, нечести-
Что—божество?.. [вый,
Здѣсь данъ тебѣ отвѣтъ краснорѣчи-
вый:
Вотъ Богъ, вотъ судъ Его, вотъ вѣры
торжество.
Титановъ новыхъ легіоны
Безбожіе столпивъ подъ знамена свои,
Войною грянуло на алтари, на троны,
На все святое на земли.
Уже торжествовало!
И крестъ, и скипетръ попрало въ
прахъ,
И кровію царя на гордыхъ знаменахъ
Хулу на Бога начертало.
И кликъ ужасный «Бога нѣтъ»
Уже, какъ ада ревъ, смутилъ весь
Божій свѣтъ...
И гдѣ титановъ легіоны,
Гдѣ богоборныя, кровавыя знамена,—
Во храмѣ Вышняго Царя,
Какъ бы дрожащія передъ его святы-
ней,
Поникнули у прага алтаря
Съ уничиженною безбожія гордыней.

Гнѣдичъ.

25 декабря 1812 года [1]).

Россія, дивная держава!
И церковь родины святой!
Васъ озарила Божья слава
Въ годину скорби роковой:
Какъ двадцати народовъ силу
Съ собой привелъ къ намъ гордый
галлъ
И ужъ позорную могилу
Въ отчизнѣ самой намъ копалъ,—
Народъ нашъ, свыше вдохновенный,
Гордыни стеръ надменный рогъ
И, отъ враговъ освобожденный,
Воскликнулъ дружно: «Съ нами
Богъ!»
Полвѣка болѣе ужъ нынѣ,
Какъ въ день Христова Рождества
Творитъ Россія той годинѣ
Святую память торжества,
Съ пророкомъ вмѣстѣ воскли-
цая:
«Языки, знайте – съ нами Богъ!
Совѣтъ вашъ дерзкій разоряя,
Онъ благодатно намъ помогъ;
Мы страха вашего отнынѣ
Не убоимся, съ нами миръ!
Онъ вашей незнакомъ гордынѣ—
Не знаетъ мира злобный міръ!»

Бутовскій.

---

[1]) 25 декабря 1812 г. въ день Рождества Христова русская Церковь праздновала и досель празднуетъ особымъ торжественнымъ богослуженіемъ „воспоминаніе избавленія Церкве и державы Россійскія отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ“.

Басни И. А. Крылова, написанныя по поводу событій 1812 года.

Ворона и курица [1]).

Когда Смоленскій князь [2]),
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ [3]) сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ,
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собрался
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу,
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
«А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?
Ей съ возу курица кричитъ. —
Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ».
— «Мнѣ что до этого за дѣло?—
Вѣщунья ей въ отвѣтъ. — Я здѣсь останусь смѣло;
Вотъ, ваши сестры—какъ хотятъ:
А вѣдь воронъ ни жарятъ ни варятъ;
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ-быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ иль косточкой иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона, подлинно, осталась;
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ;
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься,
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься,—
Попался, какъ ворона, въ супъ!

---

[1]) Въ этой баснѣ рисуются бѣдствія французовъ въ Москвѣ отъ голода. Подъ вороной, погнавшейся за лакомымъ кускомъ, разумѣется Наполеонъ, обманувшійся въ своихъ расчетахъ.

[2]) Кутузовъ, получившій послѣ сраженія подъ Краснымъ титулъ „князя Смоленскаго".

[3]) Французамъ. Вандалы—древній германскій народъ, отличавшійся грубостью нравовъ.

Волкъ на псарнѣ [1]).

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня,—кричатъ,—огня!» Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ
не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ;
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я»... — «Послушай-ка, сосѣдъ,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:—
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю,
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

---

[1]) Въ этой баснѣ изображается стѣсненное положеніе Наполеона послѣ занятія Москвы и его попытки вступить въ переговоры съ Кутузовымъ, представленнымъ въ образѣ стараго ловчаго. Разсказываютъ, что Кутузовъ прочиталъ эту басню собравшимся вокругъ него послѣ сраженія при Красномъ офицерамъ и при словахъ: „а я, пріятель, сѣдъ"... снялъ фуражку, потрясая своею сѣдою головою и тѣмъ какъ бы намекая на свое сходство съ ловчимъ.

Обозъ [1]).

Съ горшками шелъ обозъ,
И падобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень.
Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь припять...
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору,
А то и подъ гору и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Глядитко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулась лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ,
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй—и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!
Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ,
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

---

[1]) Эта басня, въ которой въ образѣ добраго коня, вынесшаго на своемъ крестцѣ тяжелый возъ, и изображенъ Кутузовъ, является лучшимъ оправданіемъ дѣйствій Кутузова, который, несмотря ни на общіе упреки въ медлительности и бездѣйствіи ни на порывы своихъ сподвижниковъ, не измѣнилъ своего плана войны: стараться ослабить французовъ, уклоняясь отъ рѣшительной битвы.

Щука и котъ [1]).

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣи и вздорнѣй,—
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

—

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ,
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту—
Мышей въ амбарѣ половить!
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?—
Сталъ щукѣ Васька говорить.—
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится».
— «И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль,—мышей!
Мы лавливали и ершей».
— «Такъ въ добрый часъ пойдемъ!»
Пошли, засѣли.
Затѣшился, наѣлся котъ
И кумушку провѣдать онъ идетъ,
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумъ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть и за мышами не ходить!..

Чижъ и ежъ.

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не за что: такъ, какъ-то пѣлось!
Вотъ въ блескѣ и во славѣ всей
Фебъ [2]) лучезарный изъ морей
Поднялся;

---

[1]) Поводомъ къ сочиненію этой басни послужили неудачныя военныя дѣйствія адмирала Чичагова противъ Наполеона въ 1812 г. Адмиралъ Чичаговъ былъ моряком и взялся помѣшать Наполеону перейти черезъ Березину, что ему и не удалось.

[2]) Богъ солнца у древнихъ грековъ, а здѣсь подразумѣвается Александръ I, вернувшійся изъ Парижа.

Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой чижъ замолкъ. «Ты что жъ,—
Спросилъ его съ насмѣшкой ежъ,—
Пріятель, не поешь?»
— «Затѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ,—
Сквозь слезъ чижъ бѣдный отвѣчалъ,—
А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю».
—
Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бъ Александра пѣлъ [1]).

Стихотворенія, посвященныя Наполеону.

Наполеонъ.

Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
Ты землю желѣзной стопой попиралъ,
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!
Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ равный соперникъ,
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.
Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ...
Скажите, не утро ль съ востока встастъ?
Не новая ль жатва надъ праломъ растетъ?
Скажите!.. Міръ жадно и трепетно ждетъ
Властительной мысли и слова.

Хомяковъ.

---

[1]) Баснописецъ говоритъ о себѣ, что если бъ онъ обладалъ талантомъ знаменитаго греческаго поэта Пиндара, слагателя хвалебныхъ пѣсенъ, то воспѣлъ бы подвиги императора Александра Благословеннаго. Въ этой баснѣ Крыловъ далъ отвѣтъ, почему онъ остается безмолвнымъ среди громкихъ гимновъ, которые раздавались изъ устъ тогдашнихъ русскихъ поэтовъ въ честь возвращавшагося изъ Парижа Александра I.

Императоръ Наполеонъ I.

Наполеону.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ грозной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.
О, ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго-долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ своею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!

Наполеонъ.

Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной
Отважно въ бой вступилъ и изнемогъ въ борьбѣ:
Не одолѣлъ ея твой геній самовластный!..
Бой невозможный, трудъ напрасный:
Ты всю ее посилъ въ самомъ себѣ!..
Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ—орлы парили...
Въ его груди—змѣи вились...
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ,
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости расчетъ!
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему...
Онъ былъ земной, не Божій пламень!
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ.
И ты стоялъ—передъ тобой Россія!
И вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:
«Да сбудутся ея судьбы!» [1])
И не напрасно было заклинанье:
Судьба откликнулась на голосъ твой.
Но новою загадкою въ изгнаньи
Ты возразилъ на отзывъ роковой...
Года прошли, и вотъ изъ ссылки тѣсной
На родину вернувшійся мертвецъ,
На берегахъ рѣки, тебѣ любезной,
Тревожный духъ, почилъ ты, наконецъ...
Но чутокъ сонъ и, по ночамъ тоскуя,
Порою вставъ, ты смотришь на востокъ
И вдругъ, смутясь, бѣжишь, какъ бы почуя
Передразсвѣтный вѣтерокъ.

Тютчевъ.

---

[1]) При переходѣ черезъ Нѣманъ Наполеонъ сказалъ своимъ войскамъ: „Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей“.

Шумѣлъ, горѣлъ пожаръ московскій [1]).

(Народная пѣсня).

1.

Шумѣлъ, горѣлъ пожаръ московскій,
Дымъ разстилался по рѣкѣ;
На высотахъ стѣны кремлевской
Стоялъ онъ въ сѣромъ сюртукѣ.

2.

И призадумался великій,
Скрестивши руки на груди:
Онъ видитъ огненное море,
Онъ видитъ гибель впереди.

3.

И, погрузившись онъ въ мечтанья,
Свой взоръ на пламя устремилъ
И тихимъ голосомъ страданья
Онъ самъ себѣ проговорилъ:

4.

«О! гости, созванные мною,
Погибли вы среди снѣговъ;
Въ поляхъ истлѣютъ ваши кости
Безъ погребенья и гробовъ!

5.

«Зачѣмъ я шелъ къ тебѣ, Россія?
Европу всю держалъ въ рукахъ,
Теперь съ поникшей головою
Стою на крѣпостныхъ стѣнахъ!»

6.

Судьба играетъ человѣкомъ;
Она измѣнчива всегда;
То вознесетъ его высоко,
То въ бездну броситъ безъ слѣда!..

Воздушный корабль.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ,
Но скалы и тайныя мели
И бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ [2]) зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ:
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

---

[1]) Пѣсня эта сложилась въ Москвѣ въ концѣ 1812 года московскими ополченцами.

[2]) Наполеонъ I.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.
Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.
И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.
И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ
И снова онъ громко зоветъ.
Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только себѣ.
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ [1]),
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ.
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Лермонтовъ.

Ночной смотръ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ
И ходитъ онъ взадъ и впередъ
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачь изъ могилы
И скачетъ онъ взадъ и впередъ
И громко трубитъ онъ тревогу;
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры,

---

[1]) Наполеонъ II, сынъ Наполеона I и принцессы австрійской Маріи-Луизы, въ царствованіе отца называвшійся римскимъ королемъ, выросъ при дворѣ своего дѣда, австрійскаго императора, отъ котораго получилъ титулъ герцога Рейхштадтскаго. Онъ умеръ на 21 году своей жизни. По декрету французскаго императора Наполеона III ему было присвоено имя Наполеона II.

И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ [1]);
На немъ сверхъ мундира сюртукъ,
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой,
На старомъ конѣ боевомъ,
Онъ медленно ѣдетъ по фронту,
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ,
Становится онъ передъ нею:
И съ музыкой мимо него
Проходятъ полки за полками.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И «Франція» тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ «Святая Елена».
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

Жуковскій.

Гренадеры.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели
И оба душой пріуныли,
Дойдя до нѣмецкой земли.
Придется имъ слышать и видѣть
Въ позорѣ родную страну:
Ихъ храброе войско разбито
И самъ императоръ [2]) въ плѣну!
Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: «Братъ!
Болитъ мое скорбное сердце,
И старыя раны горятъ».
Другой отвѣчаетъ: «Товарищъ!
И мнѣ умереть бы пора,
Но дома жена, малолѣтки—
У нихъ ни кола ни двора.
Да что мнѣ! просить Христа ради
Пущу и дѣтей и жену;
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!
Исполни жъ завѣтъ мой: коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію—тамъ схорони!
Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое
И саблей меня опояшешь
И въ руки мнѣ вложишь ружье.
И смирно и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу.
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ и трубу:
То онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!

Михайловъ.

---

[1]) Наполеонъ I.
[2]) Наполеонъ I.

Разсказы изъ событій Отечественной войны.

Встрѣча государя Александра I въ Москвѣ.

(Отрывокъ изъ романа „Война и миръ“ Л. Толстого).

Не только на площади, но на откосахъ, на крышахъ—вездѣ былъ народъ. Только что Петя (Ростовъ) очутился на площади, онъ явственно услыхалъ наполнявшіе весь Кремль звуки колоколовъ и радостнаго народнаго говора.

Одно время на площади было просторнѣе, но вдругъ всѣ головы открылись, все бросилось куда-то впередъ. Петю сдавили такъ, что онъ не могъ дышать, и все закричало: «Ура! ура! ура!» Петя поднимался на цыпочки, толкался, щипался, но ничего не могъ видѣть, кромѣ народа вокругъ себя.

На всѣхъ лицахъ было одно общее выраженіе умиленія и восторга. Одна купчиха, стоявшая подлѣ Пети, рыдала, и слезы текли у нея изъ глазъ.

«Отецъ, ангелъ, батюшка!» приговаривала она, отирая пальцами слезы.

«Ура!» кричали со всѣхъ сторонъ.

Съ минуту толпа простояла на одномъ мѣстѣ, но потомъ опять бросилась впередъ.

Петя, самъ себя не помня, стиснулъ зубы и, выкатя глаза, бросился впередъ, работая локтями и крича «ура», какъ будто онъ готовъ былъ и себя и всѣхъ убить въ эту минуту; но съ боковъ его лѣзли точно такія же лица съ такими же криками «ура».

«Такъ вотъ что такое государь», думалъ Петя и все такъ же отчаянно пробивался впередъ. Изъ-за спинъ передникъ ему мелькнуло пустое пространство съ устланнымъ краснымъ сукномъ ходомъ; но въ это время толпа заколебалась назадъ. Государь проходилъ изъ дворца въ Успенскій соборъ, и Петя неожиданно получилъ въ бокъ такой ударъ по ребрамъ, и такъ былъ придавленъ,

что вдругъ въ глазахъ его все помутилось, и онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, какое-то духовное лицо, съ пучкомъ сѣдѣвшихъ волосъ назади, въ потертой синей рясѣ, вѣроятно, дьячокъ, одной рукой держалъ его подъ мышку, другою охранялъ отъ напиравшей толпы.

— Барчонка задавили,—говорилъ дьячокъ.—Что жъ такъ... легче... задавили, задавили ..

Государь прошелъ въ Успенскій соборъ. Толпа опять разровнялась, и дьячокъ вывелъ Петю, блѣднаго и не плачущаго, къ царь-пушкѣ. Нѣсколько лицъ пожалѣли Петю. Тѣ, которые стояли ближе, услуживали ему, разстегивали его сюртучокъ, усаживали на возвышеніе пушки и укоряли тѣхъ, кто раздавилъ его.

— Этакъ до смерти раздавить можно! Что жъ это! Вишь, сердечный, какъ скатерть бѣлый сталъ!—говорили голоса.

Петя скоро опомнился, краска вернулась ему въ лицо. Боль прошла, и за эту временную непріятность онъ получилъ мѣсто на пушкѣ, съ которой онъ надѣялся увидѣть долженствующаго пройти назадъ государя. Только ему увидѣть бы его, и онъ считалъ бы себя счастливымъ.

Во время службы въ Успенскомъ соборѣ—соединеннаго молебствія по случаю пріѣзда государя и благодарственнаго молебствія за заключеніе мира съ турками, толпа распространилась, послышались обыкновенные разговоры. Но всѣ они теперь не занимали Петю; онъ сидѣлъ на своемъ возвышеніи - пушкѣ, все такъ же волнуясь при мысли о государѣ и о своей любви къ нему. Совпаденіе чувствъ боли и страха, когда его сдавили, съ чувствомъ восторга еще болѣе усилило въ немъ сознаніе важности этой минуты.

Вдругъ съ набережной послышались пушечные выстрѣлы (это стрѣляли въ ознаменованіе мира съ турками), и толпа стремительно бросилась къ набережной. Петя тоже хотѣлъ бѣжать туда, но дьячокъ, взявшій подъ свое покровительство барчонка, не пустилъ его. Еще продолжались выстрѣлы, когда изъ Успенскаго собора выбѣжали офицеры, генералы, камергеры, потомъ уже не такъ поспѣшно вышли еще другіе, опять снялись шапки съ головъ, и тѣ, которые убѣжали смотрѣть пушки, бѣжали назадъ. Наконецъ вышли еще четверо мужчинъ въ мундирахъ и лентахъ изъ дверей собора. «Ура! ура! ура!» опять закричала толпа.

— Который, который?—плачущимъ голосомъ спрашивалъ вокругъ себя Петя, но никто не отвѣчалъ ему, всѣ были слишкомъ увлечены, и Петя, выбравъ одного изъ этихъ четырехъ лицъ, которыхъ онъ изъ-за слезъ, выступившихъ ему отъ радости на глаза, не могъ ясно разглядѣть, сосредоточилъ на немъ весь свой восторгъ, хотя это былъ не государь, закричалъ «ура» неистовымъ голосомъ и рѣшилъ, что завтра же, чего бы это ему ни стоило, онъ будетъ военнымъ.

Молебенъ на Бородинскомъ полѣ.

(Изъ романа „Война и миръ“ Л. Толстого).

Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе. Безъ шапокъ бѣжали навстрѣчу идущимъ солдатамъ и ополченцы.

— Матушку несутъ! Заступницу!.. Иверскую!..

— Смоленскую Матушку, поправилъ другой.

Ополченцы и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали навстрѣчу церковному шествію. За баталіономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичокъ въ клобукѣ съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ, въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебенъ. Жаркіе лучи били отвѣсно сверху; слабый свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка, на очищенномъ мѣстѣ, стояли чиновные люди. Какъ только уставшіе дьячки начинали пѣть: «Спаси отъ бѣдъ рабы Твоя, Богородице», и священникъ и дьяконъ подхватывали: «яко всѣ по Бозѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству», на всѣхъ лицахъ вспыхивало выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, и чаще опускались головы, встряхивались волосы, и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которой передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позицію. Онъ подошелъ къ молебну.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытой бѣлой головой и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своею нырящею, раскачивающеюся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ были Бенингсенъ и свита. Несмотря на присутствіе

главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣни, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ онъ всталъ, приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры, а за ними, давя другъ друга, тотчасъ, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами полѣзли солдаты и ополченцы.

Военный совѣтъ въ деревнѣ «Фили».

(Изъ романа „Война и миръ“ Л. Толстого).

Въ просторной лучшей избѣ мужика Андрея Севостьянова, въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахару, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ, входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобъ видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народу, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голою головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотившись на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и

блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ, курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Беннигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Беннигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но настолько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Беннигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: «Оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?» Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

- Священную, древнюю столицу Россіи,—вдругъ заговорилъ онъ сердитымъ голосомъ, повторяя слова Беннигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ.—Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ,—это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: «Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?» Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе (онъ откачнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Беннигсенъ не считалъ еще игры проигранной. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Беннигсена. Остальные генералы, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось передъ нею, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между дѣдушкой

и длинополымъ, какъ она называла Бенингсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону «дѣдушки». Въ серединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенингсена, и вслѣдъ затѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длинополому, осадилъ его. Бенингсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Бенингсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенингсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа,—сказалъ Кутузовъ,—не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ, напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, пріискивая примѣръ и съ тѣмъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Бенингсена)... Да вотъ хоть бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только оттого, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля.

Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало-быть, мнѣ и татить за перебитые горшки,—сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.—Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою торжественною и молчаливой осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ полатей, цѣпляясь босыми ножонками за устуны печки, и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?»

— Этого, этого я не ждалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту.—Этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость,—сказалъ адъютантъ.

— Да пѣть же! Будуть они лошадиное мясо жрать, какъ турки!—не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударя пухлымъ кулакомъ по столу.

Наполеонъ въ пламени московскаго пожара.

(Отрывокъ изъ романа Загоскина «Рославлевъ».)

Вѣтеръ затихъ. Густыя облака дыма не крутились уже въ воздухѣ. Какъ тяжкія свинцовыя глыбы,—они висѣли надъ кровлями догорающихъ домовъ. Смрадно-удушливый воздухъ захватывалъ дыханіе: ничто не одушевляло безжизненныхъ небесъ Москвы... Надъ дымящимися развалинами Охотнаго ряда не кружились рѣзвые голуби, и только въ вышинѣ, подъ самыми облаками, плавали стаи черныхъ коршуновъ.

На краю пологаго ската горы, опоясанной высокой Кремлевской стѣной, стоялъ, закинувъ назадъ руки, человѣкъ небольшого роста, въ сѣромъ сюртукѣ и треугольной низкой шляпѣ. Внизу у самыхъ ногъ его текла, изгибаясь, Москва-рѣка; освѣщенная багровымъ пламенемъ пожара, она, казалось, струилась кровью. Склонивъ угрюмое чело свое, онъ смотрѣлъ задумчиво на ея сверкающія волны... Ахъ, въ нихъ отразилась въ послѣдній разъ и потухла навѣки дивная звѣзда его счастья! Въ шагахъ десяти отъ него, наблюдая почтительное молчаніе, стояли французскіе маршалы, генералы и нѣсколько адъютантовъ. Они съ ужасомъ смотрѣли на пламенный океанъ, который, быстро разливаясь кругомъ всего Кремля, казалось, спѣшилъ поглотить сію священную и древнюю обитель русскихъ царей.

Въ то самое время, внизу, противъ Тайницкихъ воротъ, прислонясь къ желѣзнымъ перилamъ набережной, стоялъ видный собой купецъ въ синемъ поношенномъ кафтанѣ. Онъ посматривалъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ то на Кремль, окруженный со всѣхъ сторонъ пылающими домами, то на противоположный берегъ рѣки, на которомъ догораю обширное Замоскворѣчье.

— А, это ты, Ваня,—сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу къ молодому и рослому дѣтинѣ, который съ виду походилъ на мастерового.—Ну, что?

— Да слава Богу, Андрей Васьяновичъ, за Москвой-рѣкой все идетъ какъ по маслу!

— А у Серпуховскихъ воротъ?

— Въ трехъ мѣстахъ зажигали.

— Постой-ка, никакъ опять вѣтеръ поднимается... Давай Господи! И кажется съ петербургской стороны!.. То-то бы славно!

— Въ самомъ дѣлѣ. Авось теперь и до Кремля доберется!

Ген.-аншефъ г-фъ М. И. Платовъ.

Д. В. Давыдовъ.

Партизанъ Сеславинъ.

А. С. Фигнеръ.

— Ага, — сказалъ купецъ, поднявъ кверху голову. — Что? Душно стало! Выползли, проклятые!

— Что это, Андрей Васьяновичъ? — спросилъ мастеровой. — Никакъ это французскіе генералы? Посмотри-ка, такъ и залиты золотомъ, точно жаръ горятъ!

— Подожди, братъ, позакоптятся!— И схватилъ за руку молодого парня. — Такъ и есть; вонъ стоитъ на самомъ краю въ сѣромъ сюртучишкѣ... Это онъ, Бонапартъ!

— Кто? Этотъ недоросгокъ-то! Ахъ Ты, Господи Боже мой, въ рекруты не годится, а какихъ дѣлъ надѣлалъ!

— Посмотри-ка, — сказалъ купецъ, — какъ онъ стоитъ тамъ: одинъ-одинехонекъ... въ дыму... словно коршунъ выглядываетъ изъ-за тучи и виситъ надъ нашими головами.... Да не сносить же и тебѣ твоей башки, атаманъ разбойничій!

Глядь-ка, хозяинъ, что это они зашевелились? Эге! Какой сзади повалилъ дымъ, знать, огонь-то и до нихъ добирается! Не убраться ли намъ за добра-ума?

— Зачѣмъ? Можетъ статься, они попросятъ насъ показать имъ дорогу.

— Какъ, хозяинъ! — вскричалъ съ удивленіемъ мастеровой.— Да что тебѣ за охота подслуживаться нашимъ злодѣямъ?

— А почему же нѣтъ?—сказалъ съ улыбкой купецъ.—Я ужъ имъ и такъ другія сутки служу вѣрой и правдой. Ну, полѣзли вонъ, какъ тараканы изъ угарной избы.

Человѣкъ пять французскихъ офицеровъ и одинъ польскій генералъ выбѣжали изъ Тайницкихъ воротъ на набережную.

— Боже мой! — вскричалъ генералъ — Кругомъ со всѣхъ сторонъ — вездѣ огонь... Нѣтъ ли другого выхода изъ Кремля?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ. Здѣсь все менѣе опасности, чѣмъ съ той стороны.

— Не лучше ли императору остаться въ Кремлѣ? — сказалъ другой офицеръ.

— Но развѣ вы не видите, прервалъ генералъ,—что огонь со всѣхъ сторонъ въ него врывается?

— А противъ самаго дворца стоятъ пороховые ящики, — прибавилъ первый офицеръ.

— Проклятые русскіе! — вскричалъ генералъ. — Варвары! Дикіе звѣри!.. Мы думали здѣсь отдохнуть, повеселиться... и что жъ! Эти проклятые калмыки!.. О! ихъ должно непремѣнно загнать въ Азію, надобно очистить Европу отъ этихъ татаръ!.. Посмотрите, вонъ стоятъ ихъ двое!.. Съ какимъ скотскимъ равнодушіемъ смотрятъ они на этотъ ужасный пожаръ... Постойте! Если они

такъ спокойны, то вѣрно знаютъ, какъ выйти изъ этого огненнаго лабиринта. Эй, голубчикъ, — продолжалъ онъ, довольно чистымъ русскимъ языкомъ, подойдя къ мастеровому,—не можешь ли ты вывести насъ къ Тверской заставѣ?

— Извольте, ваша милость!—подхватилъ купецъ.

— Послушай, братецъ, если ты проведешь насъ благополучно, то тебѣ хорошо заплатятъ, если же нѣтъ...

— Помилуйте, батюшка, да я здѣшній старожилъ, и всѣ закоулки знаю!

Въ это время человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ, окруженный толпою генераловъ, вышелъ изъ Тайницкихъ воротъ. На угрюмомъ, но спокойномъ лицѣ его незамѣтно было никакой тревоги. Онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ всѣ окружности Каменнаго моста и прошепталъ сквозь зубы: «Варвары! скоты!» Потомъ обратился къ польскому генералу и, устремя на него свой орлиный взглядъ, сказалъ отрывисто: «Ну, что?»

— Я нашелъ проводника, — отвѣчалъ почтительно генералъ, — и если вашему величеству угодно...

— Ступайте впередъ!

Польскій генералъ подозвалъ купца и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ впереди толпы, которая, окруживъ со всѣхъ сторонъ Наполеона, пустилась вслѣдъ за проводникомъ къ Каменному мосту. Когда они подошли къ угловой Кремлевской башнѣ, то вся Неглинная, Моховая и нѣсколько поперечныхъ улицъ представились ихъ взорамъ въ видѣ одного необозримаго пожара. Направо пылающій желѣзный рядъ, какъ огненная стѣна, тянулся по берегу Неглинной; а съ лѣвой стороны пламя отъ догорающихъ домовъ разстилалось во всю ширину узкой набережной.

— Какъ? — вскричалъ польскій генералъ.—Неужели мы должны пройти сквозь этотъ огонь?

— Да,—отвѣчалъ купецъ.

— Боже мой, это настоящій адъ!

И въ самомъ дѣлѣ было чего испугаться: узкій переулокъ, которымъ хотѣлъ вести ихъ купецъ, походилъ на отверстіе раскаленной печи; онъ изгибался позади домовъ, выстроенныхъ на набережной, и, казалось, не имѣлъ никакого выхода.

— Послушай! —продолжалъ генералъ, взглянувъ недовѣрчиво на купца.— Если это подлое предательство, то, клянусь честью, твоя голова слетитъ прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ насъ погибнетъ.

— И, батюшка! Да что мнѣ за радость сгорѣть вмѣстѣ съ вами? отвѣчалъ хладнокровно купецъ.

— Что же вы остановились?—спроситъ Наполеонъ, подойдя къ генералу.

— Государь, намъ должно итти вотъ этимъ переулкомъ!

— Такъ что жъ! Другой дороги нѣтъ?

— Проводникъ говоритъ, что нѣтъ.

— А если такъ... господа! вы, кажется, никогда огня не боялись... За мной!

Толпа французовъ кинулась вслѣдъ за Наполеономъ. Въ полминуты нестерпимый жаръ охватилъ каждаго: всѣ платья задымились. Сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, пожиравшее съ ужаснымъ визгомъ дома, посреди которыхъ они шли: то крутилъ его въ воздухѣ, то загибалъ раскаленнымъ сводомъ надъ ихъ головами. Вокругъ, съ заглушающимъ все трескомъ, ломались кровли, падали желѣзные листы и полуобгорѣвшія доски; на каждомъ шагу пылающія бревна и кучи кирпичей преграждали имъ дорогу.

Впередъ, господа! впередъ!— вскричалъ Наполеонъ. Одна быстрота можетъ спасти насъ.

Они добѣжали уже до середины переулка, который круто поворачивалъ налѣво; вдругъ польскій генералъ остановился: переулокъ упирался въ пылающій домъ—выхода не было.

— Злодѣй! измѣнникъ! вскричалъ онъ, схвативъ за руку своего проводника.

Купецъ рванулся, повалилъ наземь генерала и кинулся въ одинъ догорающій домъ.

— За проводникомъ!—закричало нѣсколько голосовъ. – Этотъ домъ долженъ быть сквозной.

Но въ ту самую минуту передняя стѣна съ ужаснымъ громомъ рухнула, и среди двухъ столбовъ пламени, которые быстро поднялись къ небесамъ, открылась широкая каменная лѣстница. На одной изъ верхнихъ ея ступеней, окруженный огнемъ и дымомъ, какъ злой духъ, стерегущій преддверіе ада, стоялъ купецъ. Онъ кинулъ торжествующій взглядъ на отчаянную толпу французовъ и съ громкимъ хохотомъ исчезъ снова среди пылающихъ развалинъ.

— Мы погибли!—вскричалъ польскій генералъ.

Наполеонъ побѣдилъ... Но десница Всевышняго хранила еще главу сію для новыхъ бѣдствій; еще не настала минута возмездія. Въ то время, когда не оставалось уже никакой надежды на спасеніе, въ дверяхъ дома, который загораждалъ имъ выходъ, показалось человѣкъ пять французскихъ гренадеровъ.

— Солдаты! вскричалъ одинъ изъ маршаловъ.—Спасайте императора.

Гренадеры побросали награбленныя ими вещи и провели Наполеона сквозь огонь на обширный дворъ покрытый остатками догорѣвшихъ службъ. Тутъ встрѣтили его еще нѣсколько егерей итальянской гвардіи, и при помощи ихъ вся толпа, переходя съ одного пепелища на другое, добралась, наконецъ, до Арбата. Для Наполеона отыскали какую-то лошаденку; онъ сѣлъ на нее, и въ

семь-то торжественномъ шествіи, наблюдая глубокое молчаніе, сей завоеватель Россіи доѣхалъ, наконецъ, до Дорогомиловскаго моста. Здѣсь въ первый разъ прояснились лица его свиты; опасность миновала: они уже были почти за городомъ.

Выѣздъ изъ Москвы въ 1812 году.

(Изъ романа «Война и миръ» Л. Толстого.)

Проснувшись утромъ 1-го числа, графъ Илья Андреевичъ (Ростовъ) потихоньку вышелъ изъ спальни и въ своемъ лиловомъ шелковомъ халатѣ вышелъ на крыльцо. Подводы, увязанныя, стояли на дворѣ. У крыльца стояли экипажи. Дворецкій стоялъ у подъѣзда, разговаривая съ старикомъ денщикомъ и съ молодымъ блѣднымъ офицеромъ съ подвязанной рукой. Дворецкій, увидавъ графа, сдѣлалъ офицеру и денщику значительный и строгій знакъ, чтобъ они удалились.

— Ну что, все готово, Васильичъ?—сказалъ графъ, потирая свою лысину и добродушно глядя на офицера и денщика и кивая имъ головой.

— Хоть сейчасъ запрягать, ваше сіятельство!

— Ну и славно, вотъ графиня проснется, и съ Богомъ! Вы что, господа? — обратился онъ къ офицеру. —У меня въ домѣ? -Офицеръ придвинулся ближе. Блѣдное лицо его вспыхнуло вдругъ яркой краской.

— Графъ, сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ... ради Бога... гдѣ-нибудь пріютиться на вашихъ подводахъ. Здѣсь у меня ничего съ собою нѣтъ... Мнѣ на возу все равно...

Еще не успѣлъ договорить офицеръ, какъ денщикъ съ той же просьбой для своего господина обратился къ графу.

— Ахъ, да, да, да, -поспѣшилъ заговорить графъ.—Я очень, очень радъ. Васильичъ, ты распорядись, ну тамъ очистить одну или двѣ телѣги, ну тамъ... что же... что нужно...—какими-то неопредѣленными выраженіями, что-то приказывая, сказалъ графъ. Но въ то же время горячее выраженіе благодарности офицера уже закрѣпило то, что онъ приказывалъ. Графъ оглянулся вокругъ себя: на дворѣ, въ воротахъ, въ окнѣ флигеля виднѣлись раненые и денщики. Всѣ они смотрѣли на графа и подвигались къ крыльцу.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, въ галлерею: тамъ какъ прикажете насчетъ картинъ? -сказалъ дворецкій. И графъ вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ домъ, повторяя свое приказаніе о томъ, чтобъ не отказывать раненымъ, которые просятся ѣхать.

- Ну что же, можно сложить что-нибудь, -прибавилъ онъ тихимъ, таинственнымъ голосомъ, какъ бы боясь, чтобъ кто-нибудь его не услышалъ.

Въ девять часовъ проснулась графиня, и Матрена Тимофеевна, бывшая ея горничная, пришла доложить, что всѣ подводы развязываютъ, добро снимаютъ и набираютъ съ собой раненыхъ, которыхъ графъ по простотѣ своей приказалъ забирать съ собой. Графиня велѣла попросить къ себѣ мужа.

— Что это, мой другъ, я слышу, вещи опять снимаютъ?

— Знаешь, дружокъ, я вотъ что хотѣлъ тебѣ сказать... графинюшка... ко мнѣ приходилъ офицеръ. Просятъ, чтобъ дать нѣсколько подводъ подъ раненыхъ. Вѣдь это все дѣло наживное, а каково имъ оставаться, подумай!.. Право, у насъ на дворѣ, сами мы ихъ назвали, офицеры тутъ есть... Знаешь, думаю, право, дружокъ мой, вотъ... пускай ихъ свезутъ... куда же торопиться...

Графиня приняла покорно-плачевный видъ и сказала мужу:

— Послушай, графъ, ты довелъ до того, что за домъ ничего не даютъ, а теперь все наше состояніе погубить хочешь. Вѣдь ты самъ говоришь, что въ домѣ на сто тысячъ добра. Я, мой другъ, не согласна и не согласна. Воля твоя! На раненыхъ есть правительство. Они знаютъ. Посмотри, вонъ напротивъ еще третьяго дня все дочиста вывезли. Вотъ какъ люди дѣлаютъ! Одни мы дураки. Пожалѣй хоть не меня, такъ дѣтей.

Графъ замахалъ руками.

— Папа, о чемъ вы это? — сказала ему Наташа, вошедшая въ комнату матери.

— Ни о чемъ. Тебѣ что за дѣло?—сердито проговорилъ графъ.

— Нѣтъ, я слышала, — сказала Наташа. — Отчего же маменька не хочетъ?

— Тебѣ что за дѣло?—крикнулъ графъ.

Наташа подошла къ окну и задумалась. Потомъ вышла и, какъ будто съ трудомъ соображая что-то, побѣжала внизъ.

На крыльцѣ стоялъ Петя, занимавшійся вооруженіемъ людей, которые ѣхали изъ Москвы. На дворѣ все такъ же стояли заложенныя подводы. Двѣ изъ нихъ были развязаны, и на одну изъ нихъ взлѣзалъ офицеръ, поддерживаемый денщикомъ.

— Ты знаешь, за что? спросилъ Петя Наташу. (Наташа поняла, что Петя разумѣлъ, за что поссорились отецъ съ матерью.) Она не отвѣчала.

— За то, что папенька хотѣлъ отдать всѣ подводы подъ раненыхъ,—сказалъ Петя.—Мнѣ Васильичъ сказалъ. По-моему...

— По-моему,—вдругъ и что закричала Наташа, обращая свое озлобленное лицо къ Петѣ,—по-моему, это такая гадость, такая мерзость, такая... я не знаю! Развѣ мы нѣмцы какіе-нибудь!..

Горло ея задрожало отъ судорожныхъ рыданій, и она, боясь ослабѣть и выпустить даромъ зарядъ своей злобы, повернулась и стремительно бросилась по лѣстницѣ.

Графъ съ трубкой въ рукахъ ходилъ по комнатѣ, когда Наташа съ изуродованнымъ злобой лицомъ какъ буря ворвалась въ комнату и быстрыми шагами подошла къ матери.

— Это гадость, это мерзость!—закричала она. Это не можетъ быть, чтобы вы приказали!

Графиня недоумѣвающе и испуганно смотрѣла на нее. Графъ остановился у окна, прислушиваясь.

— Маменька, это нельзя! Посмотрите, что на дворѣ!—закричала она.—Они остаются...

— Что съ тобой? Кто они? Что тебѣ надо?

— Раненые, вотъ кто! Это нельзя, маменька; это ни на что не похоже!.. Нѣтъ, маменька, голубушка, это не то, простите, пожалуйста, голубушка!.. Маменька, ну, что намъ то, что мы увеземъ, вы посмотрите только, что на дворѣ!.. Маменька, это не можетъ быть!..

Графъ стоялъ у окна и, не поворачивая лица, слушалъ слова Наташи. Вдругъ онъ засопѣлъ носомъ и приблизилъ свое лицо къ окну.

Графиня взглянула на дочь, увидала ея пристыженное за мать лицо, увидала ея волненіе, поняла, отчего мужъ теперь не оглядывался на нее, и съ растеряннымъ видомъ оглянулась вокругъ себя.

— Ахъ, да дѣлайте, какъ хотите, развѣ я мѣшаю кому-нибудь!—сказала она, еще не вдругъ сдаваясь.

— Маменька, голубушка, простите меня!

Но графиня оттолкнула дочь и подошла къ графу.

— Другъ мой, ты распорядись, какъ надо... Я вѣдь не знаю этого,—сказала она, виновато опуская глаза...

— Яйца... яйца курицу учатъ...—сквозь счастливыя слезы проговорилъ графъ и обнялъ жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо.

— Папенька, маменька, можно распорядиться? Можно?—спрашивала Наташа.—Мы все-таки возьмемъ самое нужное...

Графъ утвердительно кивнулъ ей головой, и Наташа тѣмъ быстрымъ бѣгомъ, которымъ она бѣгивала въ горѣлки, побѣжала по залѣ въ переднюю и по лѣстницѣ на дворъ.

Люди собрались вокругъ Наташи и до тѣхъ поръ не могли повѣрить тому странному приказанію, которое она передавала, пока самъ графъ именемъ своей жены не подтвердилъ приказанія о томъ, чтобъ отдавать всѣ подводы подъ раненыхъ, а сундуки сносить въ кладовыя. Понявъ приказаніе, люди съ радостью и хлопотливостью принялись за новое дѣло. Прислугѣ теперь это не только не казалось страннымъ, но, напротивъ, казалось, что это не могло быть иначе; точно такъ же, какъ за четверть часа передъ этимъ никому не только

не казалось страннымъ, что оставляютъ раненыхъ, а берутъ вещи, но казалось, что не могло быть иначе.

Раненые повыползали изъ своихъ комнатъ и съ радостными блѣдными лицами окружили подводы. Въ сосѣднихъ домахъ тоже разнесся слухъ, что есть подводы, и на дворъ къ Ростовымъ стали приходить раненые изъ другихъ домовъ. Многіе изъ раненыхъ просили не снимать вещей и только посадить ихъ сверху. Но разъ начавшееся дѣло свалки вещей уже не могло остановиться. Было все равно, оставлять все или половину. На дворѣ лежали неубранные сундуки съ посудой, съ бронзой, съ картинами, съ зеркалами, которые такъ старательно укладывали въ прошлую ночь; и все искали и находили возможность сложить то и то и отдать еще и еще подводы.

— Четверыхъ еще можно взять,—говорилъ управляющій,—я свою повозку отдаю, а то куда же ихъ!

— Да отдайте мою гардеробную!—говорила графиня.—Дуняша со мной сядетъ въ карету.

Отдали еще и гардеробную повозку и отправили ее за ранеными черезъ два дома. Всѣ домашніе и прислуга были весело оживлены. Наташа находилась въ восторженно счастливомъ оживленіи, котораго она давно не испытывала.

Въ бричкѣ все было полно людей. Сомнѣвались о томъ, куда сядетъ Петръ Ильичъ.

— Онъ на козлы! Вѣдь ты на козлы, Петя?—кричала Наташа.

Во второмъ часу заложенные и уложенные четыре экипажа Ростовыхъ стояли у подъѣзда. Подводы съ ранеными одна за другой съѣзжали со двора.

Вѣсть о выходѣ французовъ изъ Москвы.

(Изъ романа „Война и миръ“ Л. Толстого).

Ночь была темная, теплая, осенняя. Шелъ дождикъ уже четвертый день. Два раза перемѣнивъ лошадей и въ полтора часа проскакавъ тридцать верстъ по грязной вязкой дорогѣ, Болховитиновъ во второмъ часу ночи былъ въ Леташевкѣ.

Кутузовъ, какъ всѣ старые люди, мало спалъ по ночамъ. Онъ днемъ часто неожиданно задремывалъ, но ночью онъ, не раздѣваясь лежа на своей постели, большею частью не спалъ и думалъ.

Такъ онъ лежалъ и теперь на своей кровати, облокотивъ тяжелую, большую изуродованную голову на пухлую руку, и думалъ, открытымъ однимъ глазомъ присматриваясь къ темнотѣ.

Неразрѣшенный вопросъ о томъ, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная въ Бородинѣ, уже цѣлый мѣсяцъ висѣлъ надъ головой Кутузова.

Съ одной стороны, французы заняли Москву. Съ другой стороны, несомнѣнно всѣмъ существомъ своимъ Кутузовъ чувствовалъ, что тотъ страшный ударъ, въ которомъ онъ вмѣстѣ со всѣми русскими людьми напрягъ всѣ свои силы, долженъ былъ быть смертеленъ. Но во всякомъ случаѣ нужны были доказательства, и онъ ждалъ ихъ уже мѣсяцъ, и чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ нетерпѣливѣе онъ становился.

Въ ночь 11 октября онъ лежалъ, облокотившись на руку, и думалъ объ этомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелились: послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди! Что новенькаго?—окликнулъ ихъ фельдмаршалъ.

Пока лакей зажигалъ свѣчку, Толь разсказывалъ содержаніе извѣстій.

— Кто привезъ?—спросилъ Кутузовъ съ лицомъ, поразившимъ Толя, когда загорѣлась свѣча, своею холодною строгостью.

— Не можетъ быть сомнѣнія, ваша свѣтлость!

— Позови, позови его сюда.

Кутузовъ сидѣлъ, спустивъ одну ногу съ кровати и навалившись большимъ животомъ на другую согнутую ногу. Онъ щурилъ свой зрячій глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть посланнаго, какъ будто въ его чертахъ онъ хотѣлъ прочесть то, что занимало его.

— Скажи, скажи, дружокъ!—сказалъ онъ Болховитинову своимъ тихимъ старческимъ голосомъ, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку.—Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки?.. А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ! Воистину такъ? А?

Болховитиновъ подробно доносилъ сначала все то, что ему было приказано.

— Говори, говори скорѣе, не томи душу,—перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ разсказалъ все и замолчалъ, ожидая приказанія. Толь началъ было говорить что-то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сощурилось, сморщилось; онъ, махнувъ рукой на Толя, повернулся въ противную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей!..—дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки.—Спасена Россія! Благодарю Тебя, Господи!..

И онъ заплакалъ.

Своевременное полученіе извѣстій о выходѣ Наполеона изъ Москвы и объ его намѣреніяхъ имѣло громадное значеніе для Кутузова, потому что дало возможность нашей арміи во-время двинуться изъ Тарутина на новую калужскую дорогу и преградить путь Наполеону у Малоярославца. Войска Дохтурова заняли городъ. Въ это же самое время съ другой стороны въ него входилъ не-

пріятель. На улицахъ маленькаго уѣзднаго городка завязался отчаянный продолжительный бой. До восьми разъ переходилъ Малоярославецъ изъ рукъ въ руки; съ ожесточеніемъ дрались старые, испытанные въ бояхъ французскіе солдаты, сознававшіе, что отъ исхода сраженія зависитъ, быть-можетъ, судьба всей ихъ арміи. Не уступали французамъ въ мужествѣ и наши молодые солдаты, большею частью недавно набранные рекруты, воодушевляемые примѣромъ своихъ офицеровъ.

Послѣ полудня къ Малоярославцу прибылъ Наполеонъ. Наблюдая съ возвышенности за ходомъ дѣла, онъ указывалъ мѣста, гдѣ надо строить батареи. Наполеону очень хотѣлось завладѣть Малоярославцемъ до прибытія Кутузова. Но, пройдя всю ночь усиленнымъ маршемъ разстояніе отъ Тарутина до Малоярославца, русскій фельдмаршалъ съ арміей былъ уже въ двухъ съ половиной верстахъ отъ города. Сидя верхомъ на маленькой лошади, почти безъ свиты, подъѣхалъ онъ къ мѣсту сраженія. Напрасно немногіе окружавшіе стараго вождя уговаривали его удалиться изъ-подъ выстрѣловъ: непріятельскія пули со свистомъ перелетали черезъ его голову, а онъ все стоялъ и слѣдилъ за битвой, ясно сознавая, что въ этомъ сраженіи рѣшается судьба всего похода.

До поздняго вечера продолжался бой въ городѣ. Главный распорядитель этого боя со стороны французовъ вице-король Евгеній пустилъ въ дѣло свои послѣдній резервъ—итальянскую гвардію, лично ставъ во главѣ ея. Русскіе не устояли противъ отчаяннаго натиска непріятеля, торжество котораго было, однако, непродолжительно. Увлеченные успѣхомъ, французы и итальянцы бросились было въ штыки на наши батареи, стоявшія передъ городомъ, но вдругъ глубокій оврагъ перерѣзалъ имъ путь. Препятствіе смутило зарвавшихся непріятелей, ряды ихъ смѣшались и, преслѣдуемые нашей конницей, они обратились въ бѣгство. Русскіе гнались за ними до самыхъ улицъ Малоярославца и не вытѣснили изъ города только потому, что наступила полная тьма.

18-часовой бой кончился. Ночью главнокомандующій послалъ сильный отрядъ на Медынь, прикрывавшую удобнѣйшую дорогу на Смоленскъ, а Платову съ его казаками приказалъ постараться напасть на правое крыло непріятеля.

Поэтъ Жуковскій въ Тарутинскомъ лагерѣ.

(Отрывокъ изъ романа «Двѣнадцатый годъ» Мордовцева.)

Разговоръ оживился. Серебряный кубокъ Давыдова переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ дружескомъ кружкѣ виднѣлись новыя лица, въ томъ числѣ и молодое, задумчивое цыгановатое лицо Жуковскаго въ ополченскомъ костюмѣ.

— Господа,—торжественно произнесъ Бурцевъ, который успѣлъ хватить больше другихъ и быть въ возбужденномъ состояніи.—Господа, сегодня на

привалѣ, толкаясь между московскими ратниками, я набрелъ на слѣдующую картину: подъ кустомъ, закрытый отъ солнца тѣнью березы, сидитъ нѣкій молодой витязь и, положивъ къ себѣ на колѣни записную книжку, строчитъ... И что же вы думали онъ строчитъ? Угадайте!

— Что? стихи?—отозвалось нѣсколько голосовъ, и всѣ обернулись къ Давыдову.

Давыдовъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Бурцева.

— Строчили подъ кустомъ такое, я вамъ доложу... и Бурцевъ, коварно подмигивая и щурясь, взглянулъ на Жуковскаго.

Жуковскій давно сидѣлъ, какъ на иголкахъ.

— Строчили, господа, вотъ что,—продолжалъ Бурцевъ:— Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».

— Кто же это?—спросилъ Давыдовъ.

— А вонъ, наша красная дѣвушка, указалъ Бурцевъ на Жуковскаго.

Жуковскій, который совсѣмъ покраснѣлъ, хотѣлъ было уйти; но его стали упрашивать прочесть стихи, говорили, что нехорошо таиться отъ товарищей, что они всѣ теперь — одна семья. Жуковскій говорилъ на это, что его стихи не кончены, что это только наброски, задуманныя, но не исполненныя картины, что въ нихъ нѣтъ связи, не вездѣ отдѣланъ стихъ,—но ничто не помогло: его просили прочесть хоть отрывки. Нечего дѣлать; онъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда небольшую темномалиновaго бархата книжечку, вышитую разноцвѣтными бисерами, подсѣлъ ближе къ костру и несмѣлымъ, дрожащимъ голосомъ началъ:

На полѣ бранномъ тишина,
Огни между шатрами!
Друзья! здѣсь свѣтитъ намъ луна!
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!

Приступъ былъ удаченъ. Всѣ слушали, затаивъ дыханіе. Давыдовъ сидѣлъ глубоко задумчивый: онъ чутьемъ поэта сразу ощутилъ мастерство стиха; онъ чувствовалъ вѣяніе таланта. Бурцевъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на цыгановатое, робкое и скромное лицо поэта и не шевелился. Въ темнотѣ виднѣлись лица солдатиковъ, на которыя падалъ огонь отъ костра, и они слушали. Жуковскій, у котораго дрожали руки, какъ и голосъ, продолжалъ съ большей силой:

Наполнимъ кубокъ круговой,
Дружнѣе, рука въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О, всемогущее вино,
Веселіе героя!

Онъ остановился. Ропотъ одобренія былъ единодушный. Бурцевъ не усидѣлъ и бросился цѣловать поэта, восторженно повторяя: «Безподобно! безподобно!.. божественно!..»

Съ трудомъ усадили забіяку и просили Жуковскаго продолжать. Тотъ снова отговаривался, что далѣе у него не все выправлено, но его просили, и онъ, перевернувъ листокъ, началъ:

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія!
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Отъ этихъ послѣднихъ стиховъ, казалось, дѣйствительно всѣ задрожали. Голосъ читавшаго перешелъ въ какой-то молитвенный тонъ, отзывавшійся и плачемъ и восторгомъ. На лицахъ слушавшихъ горѣло и дрожало умиленіе. Всѣ были такъ глубоко потрясены и мелодіей голоса читавшаго и прелестью и музыкой стиха; мысль, положенная въ этотъ стихъ, до того глубоко выражала душевное настроеніе каждаго; всѣмъ, пережившимъ ужасы послѣднихъ дней за эту именно родину, до того она казалась теперь дорогою съ ея полями и родными холмами, политыми кровью ихъ товарищей; этотъ милый свѣтъ родного неба, эти знакомые потоки, замутившіеся отъ родной же крови, и «златыя игры первыхъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ уроки»,—все это теперь, и именно теперь, до того стало дорогимъ и святымъ, что гармоническія строфы, прочитанныя гармоническимъ полуплачущимъ голосомъ, вызвали какой-то стонъ восторга. Никто сначала не замѣтилъ за общимъ потрясеніемъ, а когда замѣтили, то не повѣрили, что Бурцевъ, этотъ всесвѣтный повѣса и пьяница, горько плакалъ, сидя на корточкахъ и мотая всклокоченной головой. Никто не замѣтилъ и того, что изъ-за спинъ и застывшихъ отъ вниманія лицъ сол-

датиковъ выглядывало худое и морщинистое и загорѣлое, старое лицо съ сѣдыми нависшими на маленькіе глаза бровями—лицо Платова, котораго хотя солдатики и узнали и посторонились было отъ него, но онъ знакомъ показалъ имъ, чтобъ они стояли смирно, не обращая на него вниманія.

Долго не могли прійти въ себя слушатели; когда первый нѣмой восторгъ прошелъ, всѣ шумно начали хвалить молодого поэта, благодарили его, жали ему руки, и всѣ просили: «Дальше, ради Бога, дальше!»

Ободренный неожиданнымъ успѣхомъ Жуковскій сталъ смѣлѣе перелистывать свою книжку.

— Это еще не кончено... Вотъ это, кажется... Это...

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь.
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы,
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ—пышутъ села.

Солдаты заворошились и оглянулись. Сквозь ихъ кучу протискивался, торопливо и нервно дергая себя за сѣдой усъ, Платовъ: по лицу стараго атамана текли слезы, и онъ громко, какъ-то сердито сморкался, шагая черезъ ноги сидѣвшихъ у костра офицеровъ и пробираясь къ Жуковскому. При видѣ атамана произошло общее смятеніе, многіе съ изумленіемъ вскочили съ мѣстъ.

— Сидите, пожалуйста, сидите, господа,—торопливо успокоивалъ старикъ.— Я къ вамъ тоже, я вотъ къ нимъ!..

И старикъ порывисто обнялъ молодого, окончательно смутившагося поэта, который узналъ Платова.

— Нестою я этого, мой другъ,—говорилъ расчувствованный старикъ...— Спасибо—похвалили, хоть и не заслужилъ!..

Жуковскій безсвязно бормоталъ что-то. Давыдовъ вѣжливо подошелъ къ старику и просилъ его не побрезговать ихъ кружкомъ—выкушать съ господами офицерами стаканъ чаю или чару вина. Старикъ благодарилъ, жалъ руки, утиралъ глаза. Ему очистили мѣсто около Давыдова, который казался хозяиномъ этой импровизированной гостиной у костра.

— Что прикажете, ваше превосходительство? вина?

— Винца, винца, мой другъ, спасибо!.. погрѣюсь у васъ и послушаю вотъ ихъ...

Когда смятеніе улеглось и Платовъ высморкался въ послѣдній разъ, Жуковскій снова завелъ своимъ пѣвучимъ голосомъ:

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
На коняхъ окрыленныхъ
По долямъ скачутъ, по горамъ
Вослѣдъ враговъ смятенныхъ.
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
Невидимы и зримы,
Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.
Нашъ Фигнеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи,
Какъ тѣнь, прокрался въ кругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи...
Сеславинъ гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками,
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечь и щитъ
И устланъ путь врагами.
Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый,
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.

Давыдовъ сидѣлъ блѣдный, глубоко потупившійся; рука, въ которой онъ держалъ давно погасшую трубку, дрожала. Старческіе свѣтлые глаза Платова радостно смотрѣли на него. И вдругъ Бурцевъ, словно сорвавшійся съ петли, забывъ и Платова и все окружающее, бросился на своего друга и сталъ душить его въ объятіяхъ.

— Дениска, Денисушка мой, вѣдь это ты, ракалья.—бормоталъ онъ, теребя озадаченнаго друга.—У, подлецъ, какой ты хорошій!

Офицеры покатились со смѣху. Даже солдаты прыснули. Но въ этотъ моментъ вдали бухнула, какъ изъ пустой бочки, вѣстовая пушка—и всѣ схватились съ мѣстъ. Надо было торопиться въ походъ.

Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ.

(Отрывокъ.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О, сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекраснъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! Се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ,
„Ура!“ кричатъ дружины.
Лети ко прадѣдамъ, орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести.

Съ нимъ опытъ,—сынъ труда и лѣтъ:
Онъ бодръ и подъ сѣдиною,
Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
Довѣренность герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ, не предана
Москва на расхищенье!
Тамъ стѣны... Въ россахъ вся она!
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье.
Хвала сподвижникамъ вождямъ!
Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ—братъ, ты—жизнь полкамъ,
И страхъ—твои перуны!
Раевскій—слава нашихъ дней—
Хвала! Передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.
Нашъ Милорадовичъ—хвала!
Гдѣ онъ промчался съ бранью,
Тамъ, мнится, смерть сама прошла
Съ губительною дланью.
Нашъ Витгенштейнъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,—
Хвала! Онъ щитъ землѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
О, сколь величественный видъ,
Когда передъ рядами
Одинъ, сконясь на твердый щитъ,
Онъ грозными очами
Блюдетъ противниковъ полки,
Имъ гибель устрояетъ
И вдругъ движеніемъ руки
Ихъ сонмы разсыпаетъ.
Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы.
Хвала нашъ Несторъ-Беннигсенъ,
И вождь и мужъ совѣта!
Блюдетъ враговъ, не дремля, онъ,
Какъ змѣй орелъ съ полета.
Хвала нашъ Остерманъ-герой,
Въ часъ битвы ратникъ смѣлый!
И Тормасовъ, летящій въ бой,
Какъ юноша веселый!
Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани.
А ты, Кутайсовъ, вождь младой?..
Гдѣ прелести? Гдѣ младость?
Увы, онъ видомъ и душой
Прекраснѣ былъ, какъ радость.
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
И нѣтъ на немъ героя!..
И ты!.. и ты!.. Багратіонъ!
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ!
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
„Увы намъ! скоро грянетъ“.
А онъ... навѣки взоръ смежилъ,
Рѣшитель бранныхъ споровъ:
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!
И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни,
Тамъ ваша вѣрная семья,
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
„Отъ нихъ учитесь умирать!“
Такъ скажутъ внукамъ дѣды.
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ
И водрузитъ тамъ знамя.

В. Жуковскій.

Въ лагерѣ подъ „Краснымъ“.

(Изъ романа „Сожженная Москва“ Данилевскаго.)

Поля давно покрылись снѣгомъ. Начались сильные морозы, сопровождаемые вѣтромъ и метелями. Но вдругъ снова потеплѣло. Стужа смѣнилась туманами. Начало таять. По дорогамъ образовались выбоины и невылазная грязь. Кутузовъ, сопровождая свои ободренные побѣдой отряды, ѣхалъ то въ крытыхъ саняхъ, то въ коляскѣ, и даже, смотря по пути, на дрожкахъ.

На дневкѣ 6 ноября князь, осматривая верхомъ бивуаки, часу въ пятомъ дня приблизился къ лагерю гвардейскаго семеновскаго полка. Его сопровождали нѣсколько генераловъ и адъютантовъ. Всѣ были въ духѣ, оживленно и весело толковали объ окончательномъ пораженіи корпуса Нея, при чемъ въ одномъ изъ захваченныхъ русскими обозовъ былъ даже взятъ маршальскій жезлъ грознаго герцога Даву.

Вечерѣло. Густой туманъ съ утра плавалъ надъ полями; среди него кое-гдѣ, какъ острова, виднѣлись опустѣлыя деревеньки и чернѣли вершины лѣса. Свѣтлѣйшій подъѣхалъ къ палаткѣ командира гвардейцевъ генерала Лаврова. Князь и его свита сошли съ лошадей. Князю у палатки поставили скамью, на которую онъ съ удовольствіемъ опустился, кряхтя и разминая усталые члены.

Сопровождавшіе князя гвардейскіе солдаты—кирасиры, сойдя въ это время съ лошадей, стали вокругъ него съ отбитыми непріятельскими знаменами, составивъ изъ нихъ для защиты отъ вѣтра нѣчто въ родѣ шатра. Кутузовъ смотрѣлъ на эти знамена. Туманъ вправо надъ полемъ разошелся, и заходящее солнце изъ-за холма ярко освѣтило ряды палатокъ, пушки, ружья въ козлахъ, оживленныя кучки солдатъ, бродившихъ по лагерю и сидѣвшихъ у разведенныхъ костровъ. Денщики разносили чай. Кто-то сталъ читать вслухъ надписи надъ знаменами.

— Что тамъ? — спросилъ, взглянувъ на знамена, Кутузовъ. — Написано Аустерлицъ? Да, правда, жарко было подъ Аустерлицемъ, но теперь мы отомщены. Укоряютъ, что я за Бородино выпросилъ гвардейскимъ капитанамъ брильянтовые кресты... какіе же навѣсить теперь за Красное?.. Да осыпь я, не только офицеровъ, каждаго солдата алмазами—все будетъ мало!

Князь помолчалъ. Онъ улыбался. Всѣ въ тихомъ удовольствіи смотрѣли на стараго князя, который теперь былъ въ духѣ, а за послѣдніе дни даже будто помолодѣлъ.

— Помню я, господа, лучшую мою награду,—сказалъ Кутузовъ,—награду за Мачинъ. Я получилъ тогда георгіевскую звѣзду. Въ то время эта звѣзда была въ особой чести; я же былъ помоложе и полонъ надежды... Да... вотъ и получилъ я завѣтную звѣзду. Матушка же царица, блаженной памяти Екатерина, потребовала меня въ Царское Село. Ѣду я, пріѣхалъ. Вижу, пріемъ

заготовленъ парадный. Вхожу въ раззолоченныя залы, полныя пышными, разсолоченными сановниками и придворными. Всѣ съ уваженіемъ, какъ и подобало, смотрятъ на храбраго и статнаго измаильскаго героя, скажу даже красавца, да, именно, красавца. Потому что я тогда, въ сорокъ шесть лѣтъ, еще не былъ, какъ теперь, старой вороной... Я же—ни на кого. Иду и думаю объ одномъ: «У меня на груди преславная георгіевская звѣзда». Дошелъ до кабинета, смѣло отворяю двери... «Что же со мной и гдѣ я?» вдругъ спросилъ я себя. Забылъ я, господа, и Георгія, и Измаилъ, и то, что я Кутузовъ... И ничего какъ есть передъ собой не взвидѣлъ, кромѣ небесныхъ голубыхъ глазъ, кромѣ величаваго царскаго взора Екатерины... Да, вотъ была награда!..

Кутузовъ съ трудомъ досталъ изъ кармана платокъ, отеръ имъ глаза и лицо и задумался. Всѣ почтительно молчали.

— А гдѣ-то онъ сегодня ночуетъ?—вдругъ сказалъ князь, громко засмѣявшись.—Гдѣ-то нашъ Бонапартъ? Пошелъ по шерсть, самъ стриженый воротился. Не везетъ ему. Бѣжитъ отъ насъ теперь, какъ школьникъ отъ березовой каши.

Дружный хохотъ присутствовавшихъ покрылъ слова князя.

— Кстати,—снова заговорилъ Кутузовъ,—сегодня я изъ Петербурга отъ нашего уважаемаго писателя Ивана Андреевича Крылова получилъ его новую собственноручную басню. Вотъ такъ подарокъ!

Кутузовъ, заложа руку за спину, вынулъ изъ мундирнаго кармана скомканный листъ синеватой почтовой бумаги, расправилъ его и, будучи съ молодыхъ лѣтъ отличнымъ чтецомъ, отчетливо, съ одушевленіемъ прочелъ басню «Волкъ на псарнѣ», написанную Крыловымъ на попытку Наполеона завести переговоры о мирѣ при Тарутинѣ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣву и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»

И вмигъ ворота на запоръ.
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ
Иной съ ружьемъ.

«Огня,—кричатъ,—огня!» Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,

Зубами щелкая и ощетиня шерсть;
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,

И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры.

И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,—
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я»...—«Послушай-ка сосѣдъ,—
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:—
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ!..

При этихъ словахъ басни Кутузовъ приподнялъ бѣлую съ краснымъ околышемъ гвардейскую фуражку и, указавъ на свою сѣдую съ рѣдкими зачесанными назадъ волосами голову, громко и съ чувствомъ продекламировалъ заключительныя слова ловчаго:

А потому обычай мой,—
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой!..»
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Окружавшіе князя восторженно крикнули «ура», подхваченное всѣмъ лагеремъ.

— Ура, спасителю отечества! — крикнулъ, отирая слезы и съ восторгомъ офицеръ Квашнинъ.

— Не мнѣ, русскому солдату—честь!—закричалъ Кутузовъ, взобравшись при помощи подскочившихъ офицеровъ, на лавку и размахивая фуражкой.— Онъ, онъ сломилъ и гонитъ теперь подстрѣленнаго насмерть, голоднаго звѣря!..

Разсказы изъ народной обороны 1812 года.

Рядовой Черновъ.

Въ 1812 году, передъ Бородинскимъ сраженіемъ, лейбъ-гвардіи семеновскаго полка рядовой Черновъ находился въ числѣ больныхъ при лазаретныхъ повозкахъ. Болѣзнь и походные труды совершенно ослабили его силы. Вдругъ онъ узнаетъ, что фельдмаршалъ Кутузовъ рѣшился вступить съ непріятелемъ въ бой на поляхъ Бородинскихъ. Эта вѣсть придаетъ новыя силы Чернову. Онъ оставляетъ лазаретъ и спѣшитъ въ полкъ. Напрасно командиръ полка, видя слабость его, приказываетъ ему не ходить въ дѣло; напрасно его уговариваютъ офицеры и товарищи. Черновъ остается непоколебимъ: онъ проситъ со слезами, какъ милости, позволенья остаться въ рядахъ. Вотъ начинается сраженіе. Черновъ впереди, въ цѣпи застрѣльщиковъ. При крайней слабости силъ, этотъ храбрый солдатъ не теряетъ бодрости и превозмогаетъ себя необыкновенною твердостью духа. Сраженіе кончилось, и Черновъ остался невредимъ, но не прошло двухъ дней, какъ смерть, пощадившая храбраго среди громовъ и ужасовъ битвы, пресѣкла дни его въ лазаретной линейкѣ. Товарищи со слезами хоронили сослуживца подъ стѣнами родного города Москвы, за сохраненіе котораго каждый изъ нихъ шелъ на роковую битву съ тѣми же чувствами, какими одушевлялся въ предсмертные, но славные часы жизни Черновъ.

Не поморщусь!

У унтеръ-офицера Полтавскаго полка NN въ жаркомъ сраженіи гранатой оторвало руку; онъ подошелъ къ ней, поднялъ и вышелъ съ поля сраженія съ равнодушіемъ. Проходя мимо князя Багратіона и ставъ во фронтъ, сказалъ:

«Здравія желаю вашему сіятельству!» Когда же стали у него вынимать изъ плеча остальныя кости, онъ охнулъ. Лѣкарь упрекнулъ его; унтеръ-офицеръ отвѣчалъ: «Не думаете ли вы, что я охаю о рукѣ или отъ нестерпимой боли? Отрѣжьте другую, я не поморщусь,—а жалѣю, что не могу больше служить моему государю».

Капитанъ Захаровъ.

Гвардейской конно-артиллерійской роты капитанъ Захаровъ въ сраженіи при Бородинѣ начальствовалъ батареею изъ 8 орудій, находившеюся на самомъ флангѣ лѣваго крыла нашей арміи. Передъ началомъ сраженія, ему было приказано перевезти 6 орудій въ другое мѣсто. Слѣдуя съ ними по назначенію, вдругъ вернулся онъ къ тѣмъ двумъ, что оставлены на прежнемъ мѣстѣ, чтобы узнать, все ли въ нихъ въ исправности. Когда онъ подъѣхалъ къ нимъ, взялъ за руку поручика, говоря: «Завидую вашему счастію, вы будете еще сражаться». Потомъ, обратясь къ солдатамъ, спросилъ: «Довольно ли снарядовъ?» Въ это мгновеніе непріятельское ядро поразило его. Четыре канонира подняли его на руки и пошли съ поля сраженія. Захаровъ, терпѣвшій отъ раны ужаснѣйшія страданія, имѣлъ геройство думать единственно о пользѣ службы и велѣлъ двумъ канонирамъ воротиться на прежнее мѣсто: «Подите туда, вы тамъ нужны, а меня и двое какъ-нибудь донесутъ!» Онъ умеръ черезъ четверть часа на рукахъ этихъ солдатъ, спрашивая въ послѣднія минуты жизни: «Наша ли побѣда? Отступаетъ ли непріятель?»

Преданность долгу.

Во время одного сраженія, оторвало ратнику с.-петербургскаго ополченія обѣ ноги; двое товарищей подхватили его и принесли къ лѣкарю для перевязки. Въ то время случился тутъ генералъ. Положа раненаго товарища, солдаты поцѣловали его, перекрестили и намѣрены были итти. «Куда же вы торопитесь?» спросилъ ихъ генералъ».—«Да опять къ другимъ, батюшка,—отвѣчали они:—вѣдь если каждаго раненаго подвое станутъ носить и при немъ будутъ оставаться, такъ кому жъ и сражаться съ непріятелемъ!»

Великодушіе къ плѣннымъ.

Послѣ одной побѣды, одержанной графомъ Витгенштейномъ надъ французами, русскіе солдаты засѣли около горячихъ щей съ говядиной, а тамъ, невдалекѣ, въ эту пору вели плѣнныхъ французовъ; всѣ они были тощіе, блѣдные, насилу ноги тащили, и когда увидали нашихъ солдатъ за щами,

остановились несчастные, дальше не идутъ, -такъ имъ хотѣлось ѣсть. Тогда нѣсколько человѣкъ встали и сказали товарищамъ: «Ребята, что намъ стоитъ день не поѣсть?! Уступимъ свою порцію бѣднымъ плѣннымъ,—они вѣдь тоже люди! Вдругъ всѣ поднялись, и плѣнные французы бросились ѣсть, при чемъ они не могли скрыть своего удивленія, видя великодушіе русскихъ солдатъ.

На что русскій мужикъ не годится.

Одинъ военный чиновникъ былъ посланъ высшимъ начальствомъ изъ Петербурга въ армію къ графу Витгенштейну. Когда онъ прибылъ въ одну деревню Псковской губерніи, то не нашелъ ни почтовой станціи, ни лошадей, ни ямщиковъ. Лошадей захватили французы себѣ, а народъ разбѣжался со страху. Но земскій комиссаръ все-таки гдѣ-то собралъ тройку лошадей и посадилъ на козлы крестьянина. Несмотря на то, что крестьянинъ никогда не былъ ямщикомъ, сѣлъ на козлы, ударилъ по всѣмъ по тремъ и затянулъ любимую пѣсню: «Вотъ мчится тройка удалая вдоль по дорожкѣ столбовой».

Курьеръ не могъ не полюбопытствовать, какъ онъ, никогда не бывши ямщикомъ, такъ хорошо правитъ лошадьми.

— Ваше степенство, -отвѣчалъ крестьянинъ, – на что русскій мужикъ не годится? И землю пахать, и гольбу гонять, и французовъ стрѣлять—наше дѣло!

Про черный день.

Рабочій барнаульскаго рудоплавильнаго завода Василій Бѣлкинъ, когда начались повсюду пожертвованія въ пользу отечества, явился въ заводскую контору и представилъ отъ себя пять рублей серебромъ.

Бывшіе при этомъ чиновники, зная бѣдное состояніе его, и притомъ Бѣлкинъ былъ человѣкъ многосемейный, весьма удивились его щедрости. Но рабочій отвѣтилъ: Деньги эти мнѣ оставилъ мой покойный отецъ, который, умирая завѣщалъ, чтобы я сберегъ ихъ про черный день. Слухъ идетъ, что наша родина находится въ бѣдѣ, непріятель грозитъ разорить ее вконецъ, вотъ я и разсудилъ, что для всѣхъ насъ нѣтъ черньѣ этихъ дней, и потому, исполняя волю моего родителя, прошу принять отъ меня эти деньги и записать въ книгу».

Неустрашимый.

Во время французскаго нашествія крестьяне подмосковной деревни Планковой при набѣгахъ французовъ на окрестную сторону забрали все свое имущество и удалились съ нимъ въ лѣсъ. Тамъ пробыли они около недѣли. На-

конецъ соскучилось имъ сидѣть въ глуши, и они рѣшились провѣдать, что дѣлается въ ихъ деревнѣ? Эту комиссію они поручили одному восьмидесятилѣтнему старику: «Тебѣ, дѣдушка, все равно недолго остается жить,—говорили они ему,—убьютъ тебя злодѣи, не велика бѣда . Старикъ согласился отправиться на развѣдки. Какъ только онъ вошелъ въ свою деревню, его поймали и давай допрашивать. Старикъ отговаривался тѣмъ, что не понимаетъ ихъ. Они немедленно привели переводчика поляка, который сталъ разспрашивать, гдѣ крестьяне, куда они дѣвали свои пожитки. Старикъ притворялся глухимъ. На всѣ вопросы поляка онъ отвѣчалъ: «Я крѣпокъ на ухо, не слышу, батюшка, изволь сказать погромче! Ась? Не слышу!» Полякъ кричалъ, что есть мочи; старикъ просилъ, чтобы онъ говорилъ громче, указывая на ухо. Начали его бить, таскать по землѣ, онъ не переставалъ кричать со слезами: Воля ваша, господа, не слышу! Что мучить старика, говорите погромче!» Наконецъ поставили его въ уголъ и стали колоть въ грудь штыкомъ.

Старикъ былъ твердъ, не выдавалъ своихъ и, ожидая смерти, крестился и молилъ Бога, да приметъ душу его въ миръ, а непріятелей увѣрялъ, что никакъ не слышитъ. Наконецъ, они ему повѣрили и, наплевавъ ему въ лицо, вытолкали вонъ изъ избы. Старикъ дотащился кое-какъ до лѣсу и весьма хладнокровно сказалъ: «Не ходите въ деревню, тамъ злодѣи-французы».

Крестьяне потомъ, когда французы оставили ихъ деревню, показывали этого старика всѣмъ проѣзжимъ, называя его своимъ отцомъ и благодѣтелемъ.

Крестьяне-партизаны.

Крестьяне-партизаны часто обращались къ военнымъ чинамъ съ просьбами, чтобы тѣ дали имъ вооруженіе. Отказа не было: ружья, пистолеты, порохъ, патроны—выдавали безостановочно.

Во многихъ селеніяхъ жители сходились вмѣстѣ, давали добровольную присягу на защиту родины. Они говорили: «Лютый врагъ бьетъ нашихъ дѣтей и братьевъ, жгетъ и опустошаетъ села, деревни и города, оскверняетъ церкви Божіи! Поклянемся же св. Евангеліемъ и крестомъ Господнимъ грудью стоять за свою родину.

* * *

Особенно пріобрѣли извѣстность своею неустрашимостью крестьяне Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи. Они вооружались чѣмъ попало: топорами, косами, вилами, пожами и просто дубинами. Устанавливали дневную и ночную стражу, разставляли караулы по лѣсамъ и по всѣмъ мѣстамъ, откуда можно было незамѣтно нападать на непріятеля. Для наблюденія влѣзали на деревья. Въ перелѣскахъ за буераками разставляли караулы. Они

такъ же, какъ и по другимъ уѣздамъ, установили у себя колокольный звонъ, по которому собирались пѣшіе и конные, вооружаясь кто чѣмъ могъ.

Своею собственною силою безъ содѣйствія войска, звенигородцы защитили г. Воскресенскъ, а когда французы ринулись на Воскресенскій монастырь, называемый «Новый Іерусалимъ», въ 46 верстахъ отъ Москвы, въ надеждѣ поживиться монастырскимъ добромъ, звенигородцы храбро отразили ихъ.

* * *

Крестьяне села *Володимирова* тоже не уступали въ отвагѣ своимъ сосѣдямъ. Они и въ одиночку и партіями нападали на французскихъ мародеровъ и расправлялись съ ними по-своему. Пощады никому не было.

* * *

Бронницкіе крестьяне села Шубина, Вѣшнякова, Константинова, Воскресенскаго, Починокъ, Сельвочевой, Жирошкиной, Рогачева, Заселья, Галашина и многихъ другихъ деревень тоже составляли изъ себя довольно многочисленные отряды -пѣшіе и конные. Большею частью они подстерегали французовъ по дорогѣ къ г. Подольску. Иногда ополченцы присоединялись къ казакамъ и вмѣстѣ съ ними составляли крѣпкую засаду по лѣсамъ.

Разъ они напали на французскій отрядъ, численностью въ 700 человѣкъ, и такъ храбро бросились на нихъ, что сразу убили 30 человѣкъ, а остальные безъ всякаго сопротивленія сдались въ плѣнъ.

* * *

Однажды небольшой непріятельскій отрядъ былъ отправленъ для сожженія одной деревни. Прежде чѣмъ исполнить это приказаніе, французы рѣшили разграбить деревню. Оставивъ пушку на полѣ, они бросились по домамъ за добычею. Одинъ крестьянинъ выбѣжалъ изъ деревни, увидѣлъ, что при пушкѣ нѣтъ никого, сѣлъ верхомъ на нее, ударилъ по всѣмъ тремъ и былъ таковъ. Прискакалъ онъ съ нею въ русскій лагерь и сдалъ одному изъ командировъ. Когда узналъ Кутузовъ объ отвагѣ этого мужика, наградилъ его георгіевскимъ крестомъ.

Женщины-партизанки.

Не только мужики охотно шли противъ французовъ-мародеровъ и мелкихъ ихъ отрядовъ, часто жертвуя своею жизнію за милую родину, но и бабы и дочери ихъ не отставали отъ мужчинъ. Ни угрозы ни самые разстрѣлы, не устрашали добровольцевъ. Каждый, напротивъ, одинъ передъ другимъ, спѣ-

шили чѣмъ-нибудь заявить о себѣ. И дѣлалось это не для того, чтобы передъ кѣмъ-то выслужиться, получить награду — для славы и почета. Нѣтъ, это дѣлалось единственно по чувству, охватившему всѣхъ отъ мала до велика, отъ боярскихъ теремовъ и дворянскихъ усадебъ до курной избы пастуха—постоять грудью до послѣдней капли крови за Русь святую, за вѣру православную, за царя-батюшку. Какъ пожертвованія шли отовсюду на нужды государственныя отъ богатыхъ, такъ баба несла послѣднюю свою куделю, или кусокъ холста въ общее казнохранилище, такъ шли ополченцы. Тутъ мы видимъ бабушку Кузьминичну, да бабушку Спиридоновну, старостиху Василису съ ея дочерью, да тетушку Терентьевну.

Старостиха Василиса.

Особенною извѣстностью прославилась въ эту пору въ ряду нашихъ партизанокъ старостиха Василиса съ ея дочерью.

Однажды мужъ ея староста повелъ въ городъ партію плѣнныхъ, забранныхъ крестьянами. Въ его отсутствіе поселяне поймали еще нѣсколько французовъ и тотчасъ же привели къ старостихѣ Василисѣ. Баба не хотѣла отвлекать взрослыхъ отъ ихъ занятій ловить мародеровъ, собрала небольшой конвой ребятъ и дѣвушекъ и, сѣвши на лошадь, пустилась, въ видѣ конвойнаго, сама ихъ отправить куда слѣдуетъ. Разъѣзжая вокругъ плѣнныхъ, она покрикивала: «Во фронтъ! Стройся! Маршъ!»

Живыя картины.

Живыя картины на школьномъ праздникѣ слѣдуетъ ставить въ началѣ II отдѣленія, подготовивъ въ антрактѣ картину, или въ концѣ праздника.

Передъ картиной слѣдуетъ прочитать громко стихотвореніе или отрывокъ.

1) Партизаны.

Изъ елокъ устроить лѣсокъ.
Посрединѣ толпа вооруженныхъ крестьянъ съ офицеромъ во главѣ зорко высматриваютъ непріятеля.

Партизанъ.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
Но мы не спимъ, мы надзираемъ—
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ.
Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.
Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Врасплохъ застигнутъ удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми донцами.
Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ за чашей круговой
Минуты отдыха проводимъ.
Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,—
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча.

2) Бѣгство французовъ.

Декорацію можно сдѣлать изъ бѣлой простыни, приставивъ жидкіе елки и изобразивъ вдали деревушку на бумагѣ или папкѣ. Мужики и бабы съ вилами, цѣпами и топорами гонятъ французовъ.

Бѣгство французовъ.

Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой,
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго,—
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей,
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,—

И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли же! По дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья:
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ... И какъ лежатъ!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ.

А. Дельвигъ.

3) Слава Россіи.

Россію изображаетъ дѣвочка въ русскомъ сарафанѣ, обшитомъ золотымъ позументомъ, въ кокошникѣ, съ длинной фатой. Въ рукахъ у нея бѣлое знамя Кругомъ нея склоненныя французскія знамена и колѣнопреклоненные народы.

Къ Россіи.

Не унывай! Всѣ жребіи земные
Измѣнчивы,—о, дивная въ земляхъ!
Твоихъ враговъ успѣхи временные
Пройдутъ, какъ дымъ,—исчезнутъ, яко прахъ.
Все выноси, какъ древле выносила,
И сознавай, что въ Божьей правдѣ сила...

Бенедиктовъ.

Сцены изъ событій 1812 года для исполненія на школьномъ праздникѣ.

Бородино.

Сцена изображаетъ уголокъ улицы. Старый солдатъ разсказываетъ. Кругомъ него слушатели: бабы, мужики, ребята. выражаютъ жестами то удивленіе, то восторгъ.

Мальчикъ. Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!?

Старый солдатъ. Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ [1]).
У нашихъ ушки на макушкѣ.
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;

[1]) Редутъ—полевое укрѣпленіе: мѣсто, окруженное рвомъ и валомъ.

Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета [1]).
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ [2]) открытый;
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала,
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой.
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Не многіе вернулись съ поля,
Когда бъ на то не Божья воля
Не отдали бъ Москвы.

М. Лермонтовъ.

---

[1]) Лафетъ—станокъ подъ артиллерійскимъ орудіемъ.

[2]) Бивакъ—мѣсто, на которомъ устроена временная остановка войска во время похода.

Отставной солдатъ.

Сцена представляетъ поляну. Кругомъ елочки. Посреднѣ горитъ костеръ. Пастухи на таганѣ варятъ кашу.

Солдатъ *(подходя къ костру).*

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣдочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

Пастухи.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.

Солдатъ.

Быть такъ,
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! Рядомъ
Я на траву васъ положу и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

Первый пастухъ.

А идешь откуда?

Солдатъ.

А изъ Литвы, изъ виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ, я
На первой пограничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ и семъ лѣчили
И вотъ какимъ, злодѣи, отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

Второй пастухъ.

На руку, обопрись! да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложися!

Солдатъ.

Спасибо, другъ! Господь тебѣ заплатитъ.
Ахъ, братцы, что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ словно чудомъ
Помолодѣлъ я, вволю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я!
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка генеральши:
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышишь,
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ,—словомъ,
И спать не хочется! игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

Третій пастухъ.

И мы бъ, землякъ, играть не отказались,
Да, вишь, нельзя! Село далеко; стадо жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, самъ ты знаешь.
Какъ быть! Но вотъ и кашица поспѣла;
Перекрестяся, примемся за ужинъ,
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье:
Я, чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ—
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючокъ иль гвоздь и свой кафтанъ повѣсить.

Солдатъ.

Вздоръ мелешь, малый! уши вянутъ! полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти

Крещеному солдату захотять
Представиться! Да нынѣ жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса. Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой,
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И, ну, бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли же: по дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья—
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

Пастухи.

Ухъ! страшно, страшно!

Солдатъ.

А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ: отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-й пастухъ.

Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей:
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

Солдатъ.

Помоги
Мнѣ встать; солдату вытянуться надо...

2-й пастухъ.

Идетъ... Остановился...

Офицеръ *(подходя)*.

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

Солдатъ.

Въ минуту, ваше благородье!

Офицеръ.

Ба!
Товарищъ, ты какъ здѣсь?

Солдатъ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье,
За рану въ чистую уволенъ.

Офицеръ.

Съ Богомъ!
Снеси жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ русскіе отмстили честно
Пожаръ московскій.

Солдатъ.

Ура! Ура! Ура!

Офицеръ.

Ну, прости, товарищъ!

Солдатъ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!
(Офицеръ уходитъ).
Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и вовѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку-Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются ль предъ нами явно?
(Всѣ встаютъ на колѣни).

Дельвигъ.

Пожаръ Москвы.

Е. Карпова.

(Сцены).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Барклай-де-Толли.
Кутузовъ.
Беннигсенъ.
Дохтуровъ.
Уваровъ.
Остерманъ.
Коновницынъ.
Раевскій.
Кайсаровъ.
Толь.
Адъютантъ.

Изба въ Филяхъ. По стѣнамъ лавки. Въ красномъ углу столъ; около него лавки. Слѣва—походное кресло. На задней стѣнѣ виситъ шинель и фуражка Кутузова. У печки—лохань, помело, ухватъ, кочерга. Полки съ посудой. На столѣ планы и карты.

Барклай-де-Толли, *закутанный въ шинель, сидитъ за столомъ, погруженный въ разсмотрѣніе плановъ. По правую руку его стоитъ* **Остерманъ. Дохтуровъ. Уваровъ** и **Коновницынъ** *стоятъ, оживленно бесѣдуя, налѣво, на первомъ планѣ. У печки* **Ермоловъ**, *взволнованный, озабоченно шагаетъ изъ угла въ уголъ.*

Уваровъ *(нервно Дохтурову)*. Вы развѣ не видите, что дѣлается въ войскахъ?.. Уныніе охватило солдатъ!.. Офицеры озлоблены!.. Тысячи раненыхъ тянутся по дорогѣ къ Москвѣ. Наше войско послѣ Бородинскаго сраженія еще не успѣло оправиться и устроиться... Вы изволили слышать, что сегодня на Поклонной горѣ докладывалъ полковникъ Кроссаръ свѣтлѣйшему о нашихъ позиціяхъ?.. Онъ прямо сказалъ: «Невозможно выбрать удобнѣй позиціи для того, чтобъ погубить армію»...

Дохтуровъ *(горячо)*. Я совсѣмъ не стою за то, чтобъ мы приняли бой на занятой позиціи... Но у меня волосы становятся дыбомъ на головѣ, когда я только подумаю, что мы безъ выстрѣла уступимъ Москву непріятелю.

Коновницынъ. Свѣтлѣйшій прислалъ сегодня утромъ графа Ростопчина, чтобъ архіепископъ поднялъ изъ Москвы чудотворную икону Божіей Матери и окропилъ войско святой водой... Крестный ходъ подниметъ духъ арміи и воодушевитъ войска...

Входитъ полковникъ **Толь.**

Остерманъ *(Толю)*. Еще не изволилъ прибыть баронъ Беннигсенъ... Скоро уже семь часовъ, а совѣтъ назначенъ въ четыре.

Толь. Баронъ объѣзжаетъ позиціи лѣваго крыла нашей арміи.

Ермоловъ *(насмѣшливо)*. У себя на постели послѣ сытнаго обѣда...

Неловкое молчаніе. **Толь** *проходитъ въ глубину къ печкѣ.* **Ермоловъ** *подходитъ къ нему.*

Ермоловъ *(тихо Толю)*. Старикъ все грѣется на солнышкѣ...

Толь. Свѣтлѣйшій съ дѣдушкой Андреемъ бесѣдуетъ... *(Прислушиваясь.)* Да вотъ и онъ идетъ.

Тяжелой походкой, съ опущенной головой, входитъ **Кутузовъ.** *Всѣ встаютъ.*

Кутузовъ *(подходя къ креслу)*. Прошу садиться, господа! Беннигсенъ ѣдетъ...

Беннигсенъ *(быстро входя)*. Прошу извинить, ваша свѣтлость, съ утра не слѣзалъ съ коня... *(Здоровается небрежно съ генералами и занимаетъ мѣсто на скамьѣ по лѣвую руку Кутузова.)*

Кутузовъ, *опустивъ голову, закрывъ глаза, сидитъ, глубоко задумавшись. Молчаніе.*

Беннигсенъ *(посмотрѣвъ на Кутузова, вопросительно обводя глазами генераловъ, говоритъ громко, увѣренно)*. Итакъ, я позволю себѣ, господа, предложить вопросъ: выгоднѣе ли сразиться подъ стѣнами священной Москвы или оставить ее непріятелю?.. Сраженіе подъ Москвой...

Кутузовъ *(быстро поднимаетъ голову и рѣзко прерываетъ Беннигсена).* Вопросъ вашъ, баронъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстенъ... Положеніе слишкомъ серьезно, чтобы рѣшать его наобумъ, не соображаясь съ обстоятельствами дѣла. Участь не только арміи, Москвы, но и всей Россіи зависитъ отъ рѣшенія сего вопроса.

Беннигсенъ *(обиженно).* Извините, князь... Я очень знаю... но я желалъ...

Кутузовъ *(горячо).* Армія ввѣрена государемъ мнѣ... Прошу того не забывать...

Молчаніе.

Кутузовъ *(спокойнѣе).* Позиція наша на Воробьевыхъ горахъ, выбранная барономъ Беннигсеномъ, крайне невыгодна...

Беннигсенъ *(перебивая).* Я позволю себѣ возразить...

Кутузовъ. Я не окончилъ, генералъ... Позиція никуда не годится. Многія дивизіи разобщены непроходимыми оврагами... Въ одномъ глубокомъ оврагѣ рѣчка.

Беннигсенъ. Да, но маленькая рѣчка!..

Кутузовъ *(возвышая голосъ).* Рѣчка, прерывающая всякое сообщеніе. Позади позиціи Москва-рѣка... За ней городъ съ узкими улицами и переулками. Спуски къ восьми мостамъ такъ круты, что только пѣхота можетъ сойти по нимъ. Ежели непріятель опрокинетъ наши передовыя линіи—вся армія будетъ уничтожена до послѣдняго человѣка... Пока цѣла армія, есть надежда съ честью кончить войну. Съ потерей арміи не только Москва,—вся Россія будетъ потеряна... Въ силу сихъ соображеній я предлагаю совѣту вопросъ: ожидать ли непріятеля на выбранной позиціи или оставить Москву?..

Глубокое молчаніе. **Беннигсенъ,** *видимо обиженный, смотритъ на* **Кутузова** *съ иронiей.*

Коновницынъ. Надо итти навстрѣчу непріят...

Барклай-де-Толли *(встаетъ и нервно перебиваетъ).* Я полагаю, что на занятой позиціи бой нельзя принять... Я самолично расположеніе нашихъ войскъ подробно осмотрѣлъ. Позиція неудобна. Ожидать на ней непріятеля опасно. Побѣдить его сомнительно. Наполеонъ бо́льшими силами располагаетъ, чѣмъ мы. Со времени Бородинскаго сраженія наши войска потерпѣли значительныя потери, особенно въ офицерахъ и генералахъ. Хотя бы намъ и удалось мѣсто сраженія удержать, мы значительный уронъ понесемъ. Съ оставшимися силами защищать обширную Москву нельзя. Ежели же мы разбиты будемъ, то все, что достанется непріятелю на мѣстѣ сраженія, будетъ имъ уничтожено при нашемъ отступленіи черезъ Москву.

Дохтуровъ. Развѣ возможно говорить еще объ отступленіи!..

Барклай-де-Толли. Конечно, потеря Москвы произведетъ тяжелое впечатлѣніе на государя, но не будетъ для него неожиданностью. Она не вынудитъ его заключить миръ. Рѣшительная воля государя—съ твердостью продолжать войну. Сохранивъ Москву, Россія не избавитъ себя отъ войны, жестокой и разорительной. Сохранивъ армію, она можетъ продолжать войну. Единственное средство спасти отечество оставить безъ боя Москву и отступить на владимирскую дорогу, дабы сохранить сообщеніе съ Петербургомъ.

Дохтуровъ *(съ досадой)*. Легко сказать: оставить Москву!..

Остерманъ *(хладнокровно)*. А что же дѣлать по вашему мнѣнію, генералъ?

Дохтуровъ *(горячо)*. Перейти въ наступленіе и разбить непріятеля!

Остерманъ. А ежели Наполеонъ насъ разобьетъ?

Коновницынъ. Ну, это вилами на водѣ писано!..

Остерманъ. Ну, а ежели?

Дохтуровъ. Безъ риска никакая война невозможна!

Беннигсенъ. Я задаю вопросъ: хорошо ли сообразили послѣдствія, которыя повлечетъ за собою оставленіе Москвы, древней столицы имперіи? Какія потери казна и множество частныхъ лицъ понесутъ?.. *(Съ возрастающимъ пафосомъ.)* Подумали ли, что будутъ говорить крестьяне, общество, весь народъ?..

Дохтуровъ. Всѣхъ охватитъ ужасъ и уныніе!..

Кутузовъ *(сидитъ съ опущенной головой, закрывъ глаза, какъ бы дремлетъ)*.

Беннигсенъ *(съ пафосомъ)*. Подумали ли о стыдѣ оставить непріятелю древнюю, священную столицу безъ выстрѣла?!..

Дохтуровъ. Ужасно, невыносимо стыдно!..

Беннигсенъ. Я спрашиваю, какое произведетъ сіе впечатлѣніе на иностранные дворы?.. и вообще въ чужихъ краяхъ?.. Должно же наше отступленіе имѣть границы!.. *(Смотритъ съ иронiей на дремлющаго Кутузова.)* И потомъ я не вижу поводовъ думать, что мы непремѣнно разбиты будемъ... Сіе ничѣмъ не доказано, и судить о томъ преждевременно.

Ермоловъ *(сурово бурчитъ)*. А когда разобьютъ, будетъ ужъ поздно!

Беннигсенъ *(съ пафосомъ)*. Я думаю, мы остались такими же русскими, которые всегда дрались съ примѣрной храбростью!..

Ермоловъ *(про себя)*. Ты-то, навѣрно, остался нѣмцемъ!..

Беннигсенъ. Ежели мы въ сраженіи 26 августа понесли большія потери, то не меньшія понесъ и непріятель. Ежели наша армія разстроена послѣ Бородина, то непріятельскія войска порѣдѣли и разстроены.

Дохтуровъ. Послѣ Бородина они не скоро оправятся!.. Хорошую баню имъ задали!.. Будутъ помнить!..

Остерманъ *(отчеканивая каждое слово)*. Можно рѣшиться на защиту Москвы, ежели вы, графъ, поручитесь, что мы одержимъ побѣду на выбранной вами позиціи.

Беннигсенъ *(раздраженно)*. Отъ одного человѣка того невозможно требовать. Побѣда зависитъ отъ храбрости солдатъ и умѣнья генераловъ, графъ.

Дохтуровъ. Совершенно правильно!

Адъютантъ *(входя, докладываетъ)*. Отъ генерала Впнцегероде донесеніе къ вашей свѣтлости. *(Подаетъ пакетъ Кутузову.)*

Кутузовъ *(разрывая пакетъ)*. Подать свѣчей!

Денщикъ *приноситъ двѣ свѣчи, ставитъ на столъ передъ Кутузовымъ и уходитъ.*

Кутузовъ *читаетъ. Напряженное молчаніе.*

Кутузовъ *(со сдержаннымъ волненіемъ)*. Я получилъ донесеніе, что непріятельскіе корпуса идутъ въ обходъ нашихъ фланговъ. Сообщеніе весьма важное.

Беннигсенъ *(торопливо и тревожно)*. О, да, очень важное... Въ виду сего я предлагаю перевести всѣ войска на лѣвое крыло и двинуться навстрѣчу непріятелю.

Дохтуровъ *(горячо)*. Мы разобьемъ его теперь на-голову!..

Барклай-де-Толли. Теперь ужъ поздно!.. Ночью нельзя передвигать войскъ по непроходимымъ рвамъ.

Остерманъ. Мы и такъ все время бродимъ во тьмѣ!..

Барклай-де-Толли. Непріятель можетъ ударить на насъ прежде, нежели мы успѣемъ размѣстить войска на новыхъ позиціяхъ.

Беннигсенъ. Но диспозиція не такъ трудна, какъ вамъ кажется.

Барклай-де-Толли *(горячо)*. Наша армія, по храбрости ей сродной, можетъ сражаться въ какой угодно позиціи и отразить сильнаго непріятеля, но не можетъ исполнять движенія въ виду непріятеля.

Кутузовъ *(насмѣшливо)*. У насъ уже были примѣры... Мы до сихъ поръ помнимъ Фридландъ.

Беннигсенъ *(злобно)*. Фридландъ!.. Фридландъ былъ неправильный бой... Противъ тактики...

Ермоловъ. Колотятъ всегда противъ тактики.

Барклай-де-Толли. Русскіе не въ состояніи исполнить движенія въ виду непріятеля.

Дохтуровъ *(задорно)*. Съ русскими солдами все возможно!.. Суворовъ и не то дѣлалъ.

Коновницынъ. Мы должны перейти въ наступленіе во что бы то ни стало. Армія разстроена болѣе бездѣйствіемъ, чѣмъ Бородинскимъ сраженіемъ. Я подаю мой голосъ за наступательное движеніе...

Дохтуровъ *(пылко)*. Мы обязаны передъ государемъ и родиной защищать Москву. Успѣхъ боя зависитъ не отъ позиціи, а отъ духа войскъ. Только русскому человѣку понятно, что онъ теряетъ съ потерей Москвы.

Раевскій *(входя)*. Прошу простить, ваша свѣтлость, я былъ въ арьергардѣ и только сейчасъ устроилъ войска.

Кутузовъ *(апатично)*. Я усталъ... Ермоловъ, будь добръ, передай генералу Раевскому, что мы здѣсь говорили...

Раевскій *(беря Ермолова подъ руку)*. Отойдемъ къ сторонкѣ, чтобы имъ не мѣшать... *(Отходятъ къ печкѣ и тихо бесѣдуютъ)*.

Кутузовъ *(Уварову)*. А ваше мнѣніе, генералъ?

Уваровъ Я раздѣляю мнѣніе военнаго министра.

Кутузовъ *(Раевскому)*. А ты что скажешь, Раевскій?

Раевскій *(подумавъ)*. Мое мнѣніе—оставить Москву безъ боя... «Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она!»

Кутузовъ *(Ермолову)*. А ты, Ермоловъ, не проронилъ ни слова?

Ермоловъ. Я бы атаковалъ непріятеля!

Дохтуровъ *(про себя)*. Иного мнѣнія не можетъ быть у человѣка, любящаго свою родину.

Кутузовъ *(внезапно вспыливъ)*. Ты говоришь такъ, Ермоловъ, потому, что не на тебѣ лежитъ отвѣтственность за цѣлость арміи и за исходъ войны.

Неловкое, продолжительное молчаніе.

Кутузовъ *(глубоко взволнованный)*. Съ потерею Москвы не потеряна еще Россія... Первой обязанностью поставляю себѣ сохранить армію и сблизиться съ тѣми войсками, которыя идутъ къ ней на подкрѣпленіе... Самымъ уступленіемъ Москвы приготовлю неизбѣжную гибель непріятелю... Посему я намѣренъ, пройдя Москву, отступить по рязанской дорогѣ... Знаю, вся отвѣтственность обрушится на мою сѣдую голову, но я жертвую собой для блага отечества... *(Помолчавъ, встаетъ и говоритъ твердо.)* Приказываю отступать!

Тяжелое молчаніе. **Дохтуровъ** *быстро встаетъ, спѣшно кланяется и уходитъ, раздосадованный; за нимъ, озабоченные, угрюмые, опустивъ глаза въ землю, уходятъ всѣ остальные.* **Кутузовъ** *опускается въ кресло.* **Кайсаровъ** *стоитъ въ глубинѣ.*

Кутузовъ *(внезапно всхлипывая)*. Что дѣлаемъ! Боже мой, что дѣлаемъ!.. Подумать страшно! Москву французамъ покидаемъ!.. *(Кладетъ голову на столъ и громко рыдаетъ.)*

Пожаръ Москвы.

Е. Карпова.

(Сцены).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Наполеонъ. **Таня Бахтина.**
Лелорнь. **Два гвардейца.**
Сегюръ.

Наполеонъ стоитъ у большого стола и сосредоточенно разсматриваетъ карту Россіи; размышляя, накалываетъ булавки съ разноцвѣтными головками.

Наполеонъ (*бросая съ нервнымъ раздраженіемъ булавки*). Голова не работаетъ... Ничего не могу соображать... (*Ходитъ по комнатѣ.*) Мною овладѣваетъ бѣшенство... Москва не существуетъ... Пропала награда, которую я обѣщалъ моей храброй арміи... (*Вздрагиваетъ, снова начинаетъ тревожно ходить по комнатѣ, останавливается, нюхаетъ табакъ, затѣмъ стремительно подходитъ къ окну и стоитъ въ амбразурѣ его, скрестивъ на груди руки.*) Горитъ весь городъ... Море огня... Какое ужасное зрѣлище!.. Сколько прекрасныхъ зданій!.. Они жгутъ сами то, что создали столѣтіями сорокъ поколѣній... Скиѳы!.. (*Помолчавъ, говоритъ въ раздумьи.*) Пожаръ Москвы предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія!.. (*Задумывается.*)

Лелорнь (*осторожно входя*). Приказали явиться, ваше величество?

Наполеонъ (*вздрагивая*). Кто здѣсь?

Лелорнь Секретарь Лелорнь, государь.

Наполеонъ (*не оборачиваясь, грубо*). Можете итти, приказовъ сегодня не будетъ...

Лелорнь направляется къ двери.

Наполеонъ. Графъ Сегюръ здѣсь?

Лелорнь. Графъ Сегюръ въ пріемной, государь.

Наполеонъ. Попросите графа ко мнѣ.

Лелорнь (*уходя*). Слушаю, ваше величество.

Лелорнь уходитъ, **Наполеонъ**, бормоча про себя, начинаетъ снова ходить по комнатѣ.

Наполеонъ. Пожаръ Москвы разбилъ мои планы... Войска утомлены быстрыми походами... Они лишены крова, нуждаются въ продовольствіи и одеждѣ... Все, что я добылъ такими невѣроятными усиліями, все уничтожено въ одну ночь... Что за народъ! Ни покорности ни страха!.. Я побѣжденъ варварами...

Входитъ Сегюръ,

Наполеонъ *(привѣтливо)*. Добрый день, графъ!

Сегюръ. Какъ изволили провести ночь, государь?

Наполеонъ. Я плохо спалъ... Меня все еще безпокоитъ насморкъ. Голова тяжела... *(Понюхавъ табаку)*. На-дняхъ я думаю сдѣлать смотръ войскамъ... Москву надо оставить... Я пойду на Кутузова и разгромлю его... Я уже составилъ планъ движенія на Петербургъ. Кутузовъ, старая лисица, теперь не уйдетъ отъ меня... Чѣмъ поспѣшнѣе мы двинемся, тѣмъ лучше...

Сегюръ *(осторожно)*. Войска утомлены, государь, имъ необходимъ отдыхъ... Надо излѣчить раненыхъ...

Наполеонъ *(перебивая Сегюра)*. Лишь только я покажусь передъ войскомъ, - оно будетъ бодро... Въ Москвѣ оставаться нельзя... Продовольствіе погибло въ пламени вмѣстѣ съ домами... Бездѣйствіе развратитъ солдатъ... Я поведу ихъ къ новымъ побѣдамъ... *(Въ бѣшенствѣ)*. Я удобрю русскія поля русской кровью, я не забуду имъ пожара Москвы... *(Продолжая)*. Если маршалы откажутся итти, я надѣлаю сотни новыхъ маршаловъ, но я поведу въ Петербургъ мою армію.

Сегюръ. Но... какъ оставить Москву, государь?

Наполеонъ. Москва въ военномъ отношеніи ничего не стоитъ... Москва не военная позиція... Никогда не слѣдуетъ отступать... Надо упорно итти впередъ... Я иду на Петербургъ... Я привлеку на свою сторону народъ, дамъ ему свободныя учрежденія... Я заставлю русскій народъ благословлять меня и Францію... Европа хочетъ видѣть во мнѣ только генерала, но я императоръ!..

Сегюръ. Ваше правленіе блистательно это доказало, государь!

Наполеонъ *(внезапно впадая въ отчаяніе)*. Да, графъ, но все можетъ погибнуть отъ одной проигранной кампаніи... Идя въ походъ на Россію, я все предусмотрѣлъ, все разсчиталъ... Но я никакъ не могъ, чортъ побери, предвидѣть пожара Москвы... Русскіе—варвары. они поражаютъ меня своей рѣшимостью. Но я глубоко убѣжденъ, что императоръ Александръ, узнавъ о занятіи мной Москвы, заключитъ миръ.

Сегюръ. Сожженіе Москвы русскими даетъ поводъ сомнѣваться въ томъ, государь.

Наполеонъ *(перебивая)*. Сожженіе Москвы—дѣло безумца, графа Ростопчина. Онъ новый Геростратъ... Императоръ Александръ не знаетъ о подкогѣ столицы... Если черезъ два дня они не попросятъ мира, я двинусь въ Петербургъ... Впрочемъ, до того не дойдетъ! Императоръ Александръ не доведетъ меня до новаго кровопролитія. Мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, и онъ подпишетъ миръ. Прошу васъ, графъ, узнать сейчасъ же у Мюрата о позиціяхъ русскихъ и сообщите мнѣ.

Сегюръ *(кланяясь)*. Слушаю, государь! *(Уходитъ)*.

Наполеонъ *(одинъ)*. Чего я такъ волнуюсь?.. На-дняхъ я получу просьбу о мирѣ и уйду съ тріумфомъ въ Парижъ... Можно ходить далеко, но не слѣдуетъ долго оставаться внѣ дома. Парижъ призываетъ меня сильнѣе, чѣмъ манитъ Петербургъ... Чѣмъ скорѣе все кончится, тѣмъ лучше!

Подходитъ къ окну и снова задумывается, потомъ звонитъ и, заложивъ руки назадъ, ходитъ по комнатѣ.

Лелорнь входитъ.

Наполеонъ. Пусть приведутъ ко мнѣ женщину, бросившуюся вчера на меня... я самъ допрошу ее...

Лелорнь. Вы сами, государь?

Наполеонъ. Да, я хочу ее видѣть.

Лелорнь. Но, ваше величество!..

Наполеонъ *(грубо)*. Я такъ хочу!

Лелорнь кланяется и уходитъ. **Наполеонъ** быстрыми шагами ходитъ по комнатѣ, потомъ останавливается у стола. Входятъ **Таня** и два гвардейца, которые остаются стоять у дверей. **Таня** дѣлаетъ два шага, поднимаетъ голову и, увидавъ **Наполеона**, останавливается и смотритъ ему въ глаза.

Наполеонъ *(помолчавъ)*. Ваше имя Татьяна Бахтина?

Таня *(удивленно)*. Да.

Наполеонъ. Вы дворянка?

Таня *(твердо)*. Да.

Наполеонъ. Вы остались въ Москвѣ, замысливъ совершить на меня покушеніе?

Таня. Нѣтъ.

Наполеонъ. Почему вы остались въ Москвѣ?

Таня. Я ухаживала за ранеными, помѣщенными въ нашемъ домѣ.

Наполеонъ *(грубо)*. Вы лжете!

Таня молча смѣриваетъ его взглядомъ.

Наполеонъ. При арестѣ у васъ былъ отобранъ заряженный пистолетъ.

Таня. Я взяла его, чтобы защищаться.

Наполеонъ. Новая ложь!.. Не скрывайте ничего. Скажите, что побудило васъ совершить злодѣяніе?

Таня молчитъ, но въ ней видимо растетъ душевное волненіе.

Наполеонъ. Я васъ спрашиваю... Не бойтесь!.. Говорите все откровенно.

Таня. Я не боюсь.

Наполеонъ. Васъ заставили убить меня?.. подговорили?.. Скажите правду сообщите мнѣ имена вашихъ сообщниковъ!.. Я облегчу вашу участь!..

Таня *(вдохновенно)*. Мой сообщникъ весь русскій народъ!.. Мнѣ не нужно твоей милости!.. Я ненавижу тебя всей душой за то, что ты сдѣлалъ Россіи!.

Наполеонъ. Я хотѣлъ мира, меня принудили къ войнѣ!..

Таня *(все болѣе волнуясь)*. Ты залилъ Россію кровью, опустошилъ ея поля сжегъ деревни и села!..

Наполеонъ. Русскіе сами жгутъ города и села!..

Таня *(перебивая)*. Какъ Божій бичъ, ты съ пожаромъ и мечомъ прошелъ по всей Россіи, усѣялъ ее трупами!.. Слезы, вопли и проклятія провожаютъ и встрѣчаютъ тебя!.. Гдѣ ступитъ твоя нога, -тамъ все гибнетъ, все обращается въ прахъ!..

Наполеонъ *(иронически улыбаясь)*. Ты набила себѣ голову пустяками, милая...

Таня *(въ экстазѣ)*. Ты самъ просилъ сказать тебѣ всю правду! Такъ слушай же!.. Все ты попралъ... все пренебрегъ... И Божескіе и человѣческіе законы... Но милосердію Божьему насталъ конецъ!.. *(Показывая рукой въ окно)*. Взгляни въ окно: горитъ Москва со всѣхъ концовъ... Въ ея дыму и пламени погибнетъ твоя слава!

Наполеонъ невольно вздрагиваетъ, пристально смотря на Таню.

Таня *(все такъ же)*. Горитъ Москва, и съ ней горитъ все, что ты добылъ цѣною крови, грабежа и насилья... Все бросилъ въ огонь русскій народъ дома, имущество, все достояніе свое... но не отдастъ тебѣ своей свободы. Твои солдаты нападаютъ на беззащитныхъ, оскверняютъ святыни, грабятъ и убиваютъ людей, лишенныхъ пристанища... Имъ мало крови, что ты ихъ заставилъ пролить на поляхъ всего міра... Ты отдалъ на разграбленіе Москву— и вмѣстѣ съ дымомъ пожара къ небу летятъ стоны женъ и матерей... Но и ты до конца испьешь чашу!.. Въ мукахъ ты будешь умирать, проклиная часъ, въ который родился!..

Наполеонъ. Уведите ее!.. Она сошла съ ума!..

Таня. Будь проклятъ ты, кровожадный звѣрь, не знающій жалости!

Наполеонъ. Солдаты, возьмите ее!

Таня. Я не боюсь смерти!.. Я готова на все! Вели казнить меня!..

Солдаты берутъ **Таню** за руки и ведутъ къ двери.

Таня. Умирая, ты будешь видѣть пожаръ Москвы!.. Стоны матерей отравятъ тебѣ послѣдній вздохъ!..

Солдаты уводятъ **Таню.**

Наполеонъ *(сумрачно)*. Она безумная!.. *(Опускаясь въ кресло)*. Безумная!

Москва и русскіе въ 1812 году
или
Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.

(Изъ соч. А. Я. Алексѣева).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Михеевъ—староста села, Смол. губ. (40 лѣтъ).
Петръ—его сынъ, ополченецъ (20 лѣтъ).
Ѳедя—другой его сынъ (9 лѣтъ).
Даша—сирота, пріемышъ Михеева, невѣста Петра (17 лѣтъ).
Степанъ Мироновъ - отставной солдатъ, георгіевскій кавалеръ, командующій толпою вооруженныхъ крестьянъ.
Странникъ.
Странница.
Николка-горбунъ –крестьянинъ изъ Смоленска.
Дѣдъ Антипычъ—старикъ крестьянинъ подъ 100 лѣтъ.
Матрена—его жена дряхлая старушка.
Дуня, **Ваня** } внучата Антипыча.
Казакъ.
Баба—(молодуха).
Одинъ изъ крестьянъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Сцена изображаетъ часть улицы Смоленскаго села. Можно легко устроить съ одной стороны уголъ избы (нарисовать на бумагѣ или подогнѣть) съ другой стороны изгородь или заборъ. За заборомъ видны деревья (ели).

Около избы на обрубкѣ дерева сидятъ странникъ и странница. Около нихъ стоятъ баба, старуха, дѣти. Всѣ внимательно слушаютъ.

Странникъ. Такъ вотъ, православные, прогнѣвали мы, знать, Царя небеснаго, что такая бѣда, словно туча грозная, нашла на нашу Русь-матушку.

Баба. И много, дѣдушка, басурмановъ-то нашло на Смоленскъ? А?

Странникъ. Много, красавица, много. И нашелъ на насъ тотъ самый Аполіонъ.

Баба. Помилуй насъ Господи. Вѣдь онъ, чай, къ матушкѣ-Москвѣ подбирается, этотъ самый Аполіонъ-то?

Странница. Не допустятъ до Москвы. У нашего батюшки-царя, чай, только не мало войска выставлено противъ супостата. Не слыхалъ, дѣдушка, нашего-то войска много ли?

Странникъ. Офицеръ мнѣ подъ Смоленскомъ сказывалъ, что подъ началомъ Барклая-де-Толли сто двадцать семь тысячъ, да подъ началомъ Багратіона сорокъ пять, да въ лезервѣ сорокъ шесть тысячъ, всего выходитъ двѣ сотни тысячъ слишкомъ, да еще ополченія нѣсколько десятковъ тысячъ соберутъ,— находится много охотниковъ грудью постоять за родную землю.

Странница. Ну, вотъ видите: все тысячами считается, а вѣдь это куда какъ много!.. Да мы ворога шапками закидаемъ.

Странникъ. Такъ-то такъ, только у Аполіона войска не мало: понабралъ, вишь, онъ его отовсюду, и въ нѣмстчинѣ и въ разныхъ заморскихъ земляхъ... Ну, словомъ, какъ Батый, цѣлыя орды, говорятъ, на насъ двинулъ. Прогнѣвали мы Господа! По грѣхамъ нашимъ воздается намъ!..

(Появляется толпа крестьянъ. Впереди ихъ унтеръ Степанъ Мироновъ. Крестьяне вооружены топорами, косами на длинныхъ древкахъ, штыками, прикрученными къ толстой палкѣ, рогатинами; у иныхъ есть ружья и сабли).

Мироновъ. Ну, ребятушки, помните, что вы сейчасъ цѣловали крестъ, значитъ присягнули служить царю и отчизнѣ, не щадя живота своего. Да не забудьте и моего ученья: самое главное — держаться надо плотно, локоть съ локтемъ, итти на врага дружнѣе; у кого изъ васъ ружья, тѣ всегда должны стоять по флангамъ. Поняли?..

Крестьяне. Все поняли, служивый!.. Небось, лицомъ въ грязь не ударимъ!.. Постоимъ за нашу Русь-матушку и за царя православнаго!..

Одинъ изъ крестьянъ. Сперва-то мы боялись бить французовъ, чтобы насъ не потащили въ судъ. Ну, а ужъ какъ пришелъ приказъ изъ губернскаго, да исправникъ сказалъ: «Ребята, бей ворога напропалую!» такъ ужъ мы дадимъ себя знать!..

Мироновъ. Такъ, такъ, ребята!.. Вотъ ужъ по помѣщику и крестьяне!.. Вѣдь баринъ-то вашъ, Эйгельгардъ, хотя и въ отставкѣ, а все-таки храбрый полковникъ, одно слово—суворовецъ. Слышали, онъ собралъ всѣхъ крестьянъ сосѣдней деревни, да и ушелъ съ ними подъ Смоленскъ. Вотъ какъ Наполеоновымъ-то полкамъ придется биться не только съ русскими арміями, но со всѣмъ русскимъ народомъ, тогда посмотримъ, хватитъ ли ихъ на это.

Странникъ. А все-таки, служивый, вѣдь Смоленскъ-то взятъ Аполіономъ,— отворены ворота въ Москву.

Мироновъ. Смоленскъ не взятъ, а занятъ Наполеономъ—это разница, дружище! Наши отступили, а не были разбиты. Храбрый генералъ Дохтуровъ съ тридцатью тысячами нашего войска двѣнадцать часовъ сряду отбивался отъ непріятельской арміи на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска, прикрывалъ отступленіе и этимъ помогъ многимъ жителямъ выбраться изъ города. Въ тотъ самый день былъ я въ Смоленскѣ, ребятишки; почти весь городъ пылалъ,

чудотворную икону отправили къ арміи и везли Ее, Матушку, на запасномъ лафетѣ, подъ грохотъ орудій, съ молебнами и молитвами слезными.

Странникъ. Молиться Ей надо больше, чтобы Она, Мать-заступница наша, заступилась за православныхъ.

(Изъ первой избы слѣва выходитъ староста Михеевъ, за нимъ его сынъ Петръ, одѣтый въ дорогу, потомъ Ѳедя и Даша; она горько плачетъ).

Ѳедя. Да полно тебѣ, Даша! Петра въ ополченцы идетъ, воевать за нашего царя съ Аполіономъ, а она расхныкалась!.. Тятя, отпусти и меня въ ополченцы!

Михеевъ. Охъ ты, шустрый! Маленекъ еще, не годишься.

Ѳедя. Такъ я вотъ съ нашими ребятами буду на француза ходить и навѣрно въ полонъ его заберу.

Михеевъ. Даша, перестань плакать! Богъ дастъ, Петръ вернется къ намъ заслуженнымъ ундеромъ, вотъ какъ нашъ храбрый воевода Степанъ Мироновъ.

Странникъ. Благую ты часть избралъ, молодчикъ. Защищать родину—долгъ каждаго изъ насъ. Смерти бояться нечего: такъ ли, сякъ ли, все равно умирать придется. Все въ рукѣ Божіей! Помните, православные: безъ Его святой воли и волосъ съ головы не упадетъ.

Петръ. Ну, мнѣ надо спѣшить къ сборному мѣсту. Прощай, Даша, не плачь, моя голубка! Богъ дастъ, свидимся. Прощай, батюшка! Ѳедюшка, прощай!

Ѳедя. Ну, прощай! Смотри, приходи къ намъ назадъ съ крестомъ, вотъ съ такимъ, какъ у дяди Мироныча.

Петръ. Прощайте, братцы! Простите, если на чемъ кого обидѣлъ! *(Кланяется на всѣ стороны).*

Всѣ. Прощай, Петра!.. Богъ тебя проститъ... Дай Богъ снова свидѣться.

(Петръ уходитъ, Михеевъ и Даша его провожаютъ. Черезъ толпу пробирается Николка-горбунъ).

Николка. Здорово, братцы!.. А гдѣ староста, дома, что ли?

Ѳедя. А вотъ и Николка-горбунокъ!.. Тебѣ тятю надо? Онъ, братъ, пошелъ Петру провожать. Нашъ Петра, слышь, въ ополченцы ушелъ.

Одинъ изъ крестьянъ. Да ты-то, Николка, какъ къ намъ попалъ? Мы слышали, будто ты, хоть и убогенькій, а пошелъ подъ Смоленскъ съ нашимъ барином?

Николка. Не токма что подъ Смоленскъ, а въ самомъ Смоленскѣ былъ, да кое-какъ утекъ оттуда. Охъ, горькую я вѣсточку принесъ вамъ, братцы! Охъ горькую!

(Михеевъ возвращается съ Дашей).

Михеевъ. Ну, еще что за горе такое? Толкуй скорѣй!

Николка. Здорово, дядюшка Михенчъ!.. Вотъ какое горе, братцы: нашъ добрый баринъ полковникъ Энгельгардъ приказалъ вамъ долго жить.

Всѣ. Неужто? Давно ли? Скончался?.. Царство ему небесное!.. Хорошій былъ баринъ.

Николка. Погибъ мученикомъ въ Смоленскѣ: его разстрѣляли.

Всѣ. Господи помилуй!.. Вотъ страсти-то.

Николка. Попался это онъ въ полонъ къ супостатамъ. Привели его на площадь, чтобы разстрѣлять, значитъ, да, зная про его храбрость, давай уговаривать поступить къ нимъ, ворогамъ, на службу, а нашъ-то полковникъ — царство ему небесное!—какъ сорветъ платокъ съ глазъ да какъ закричитъ: стрѣляйте въ меня!.. Ну, тутъ его, значитъ, и прикончили.

Странникъ. Мученикъ, мученикъ за отчизну... Великій, святой подвигъ!

Мироновъ. Эхъ, славная смерть для такого храбреца! *(За сценой набатъ).* Слышите, ребята: это наши сторожевые подаютъ вѣсть. Видно, непріятельскіе фуражиры близко, рыщутъ теперь вездѣ за добычей. Ну, смѣлѣе за мной! А вы, бабы, готовьте веревки вязать супостатовъ.

Михеевъ. Съ Богомъ, ребятушки!

Ѳедя. И я и я пойду!..

Михеевъ. Ты еще куда, пострѣленокъ?! Не смѣть! Малъ еще! Даша, возьми его, не пускай!

(Всѣ убѣгаютъ направо).

Ѳедя *(Даша держитъ его за рукавъ).* Дашенька, пусти меня!.. Я не буду драться, право, не буду... Я только гдѣ-нибудь изъ-за дерева увижу француза да буду кричать: ату его!.. ату его!.. Невтерпежъ мнѣ тутъ...

Даша. Куда тебѣ, Ѳедюшка, лѣзть за большими? Въ умѣ ли ты!.. Не пущу я тебя. Тятя не приказалъ.

Ѳедя. Не пустишь? Ой ли?! Такъ я и самъ убѣгу. *(Вырывается отъ нея и быстро убѣгаетъ).*

Даша. Ѳедя! Ѳедюшка, вернись! Вотъ уѣдетъ отецъ задастъ тебѣ!.. Убѣжалъ! Да мнѣ и не догнать его: какъ стрѣла летитъ. Ну, да тамъ наши увидятъ, такъ назадъ приведутъ... Господи Боже мой! что буду теперь дѣлать я, горемычная? Какъ мнѣ безъ мила дружка свой вѣкъ коротать?.. Хорошо, если Богъ помилуетъ, и Петруша вернется, а вдругъ убьютъ его на войнѣ?.. Да ужъ гдѣ вернуться! Онъ горячій, въ самую свалку полѣзетъ, ну и убьютъ, убьютъ навѣрно тебя, милый, сердечный другъ ты мой, Петрушенька! Нѣтъ, невмоготу мнѣ жить безъ тебя! *(Причитаетъ).* Выростилъ, вскормилъ, вспоилъ меня, сироту, твой батюшка. И знаю я, что грѣшно покинуть старика въ такіе тяжелые дни, а все-таки не могу я оставаться здѣсь безъ тебя, мой желанный

я пойду за тобою!.. Одѣну его одежу и мальчикомъ проберусь къ сборному мѣсту, пусть и меня тамъ запишутъ въ ополченцы... Умру вмѣстѣ съ Петрушей за родную землю. *(За сценой слышны выстрѣлы и шумъ. Даша смотритъ въ кулисы).* Это наши напали на французовъ!.. Охъ, какая тамъ свалка!. Не убили бы вороги батюшку?! Вотъ наши позабрали французовъ!.. Вонъ и батюшка суетится... Живъ слава Богу!.. Теперь успѣю переодѣться и уйти изъ села, никто мнѣ не помѣшаетъ, не до меня имъ теперь. *(Убѣгаетъ въ избу).*

(Дѣдъ Антипычъ, стоя, какъ лунь, опираясь на палку, плетется черезъ сцену. На половинѣ сцены догоняютъ его старуха Матрена и внучата).

Матрена. Пошто съ печи ушелъ, старый? Куда ты тащишь свои старыя кости, Антипычъ? Дѣдка! Тебѣ я кричу, аль нѣтъ? Воротись сейчасъ!

(Антипычъ, не слушая ее, плетется дальше. Старуха схватываетъ его за рукавъ).

Антипычъ. Оставь ты меня! Ну чего увязалась? Вишь, всѣ православные противъ супостата пошли, такъ пошто я на печи сидѣть долженъ? А?

Матрена. Да куда жъ тебѣ воевать? Почитай сто лѣтъ на свѣтѣ живешь, вѣдь стоитъ только дунуть на тебя—ты и разсыплешься.

Антипычъ. А ну-ка дунь, дунь!.. Эхъ, давно я не ругалъ тебя, старуха. А теперь, коль ты въ гнѣвъ меня введешь, я пожалуй молвлю тебѣ въ сердцахъ какое ни на есть скверное слово... Право-ну молвлю!..

Матрена. Что хошь молви, а я тебя не пущу.

Антипычъ. А я пойду!

Матрена. А я, слышь, не пущу!

Антипычъ. А я все-таки пойду!..

Матрена *(крѣпко его держитъ).* А ну, попытайся!.. Смотрите, люди добрые, какой у меня Илья-богатырь выискался!..

Внучата *(плачутъ и цѣпляются за дѣда).* Дѣдушка, не ходи!.. Пойдемъ домой, дѣдушка!

Антипычъ. Забирай ребятъ и иди домой, старуха! А я пойду туда, гдѣ всѣ наши соколики... Да ты слышала мой приказъ, аль нѣтъ?.. Упрямая ты, сварливая, непокорная, пусти ты меня!.. Обасурманилась ты, что ли, на старости?.. Сатанинскій духъ въ тебѣ поселился видно?! Отпусти говорю!.. Палкой тебя проучить, что ли?! Нехристь ты, нечистая сила ты, окаянная, пусти!! Охъ, Господи! вотъ мука-то!.. Старуха!.. Матрена!.. Матренушка!.. Голубушка!.. Голубушка, роднепькая, пусти!!. Пойми ты: ну драться мнѣ невмоготу, такъ я хоть только побуду недолго около нашихъ-то голубчиковъ, помолюсь за нихъ. Словомъ своимъ силушки да удали имъ надбавлю. Скажу: дѣтушки! родимые! Стойте крѣпко до послѣдняго за землю русскую, за Церковь православную, за

Царя Благословеннаго!.. Силушка народная — богатырь неодолимый, не справиться съ ней врагу, погибнетъ онъ отъ этой силушки, костьми лягутъ вражьи дѣти здѣсь, у насъ, всѣ до послѣдняго!.. *(Плачетъ).*

Матрена *(плачетъ и отпускаетъ его).* Ну... коли такъ... то—дѣло!.. Ступай да и я съ тобой!.. А вы, дѣтки, добѣгите до избы, да схоронитесь пока!.. Ну, бѣгите скорѣе!.. *(Внучата убѣгаютъ).* Пойдемъ, Антипычъ, пойдемъ!.. и я съ тобой.

Антипычъ *(улыбаясь).* Ну вотъ видишь, старуха: какъ же мое слово нашимъ молодцамъ помочь должно, если тебѣ, бабѣ сварливой, и то оно на пользу пошло?.. Эхъ, старуха, старуха! *(Плетется дальше, за нимъ и Матрена.)*

Даша *(выходитъ изъ избы, переодѣтая парнемъ, за плечами свернутъ кафтанъ и узелокъ).* Прощайте, мѣста родныя! Благословитъ ли Господь вернуться мнѣ снова увидать васъ?.. Прощай мой отецъ названный!.. Все прощай!.. *(Убѣгаетъ).*

(За сценой голоса. Черезъ нѣкоторое время отрядъ, состоящій изъ бабъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, проводитъ черезъ сцену нѣсколькихъ плѣнныхъ французскихъ фуражировъ. За ними плетется Антипычъ съ Матреной и Ѳедя).

Ѳедя *(припрыгивая).* Не говорилъ ли я, что буду въ полонъ забирать?.. Вотъ и забралъ!..

(Всѣ удаляются).

(Крестьяне и унтеръ Мироновъ возвращаются).

Мироновъ. Хорошо поработали, ребята!.. А потеря наша какова?

Михеевъ. Изъ нашихъ двоихъ пуля повалила насмерть, а одного шибко поранила, да изъ другой деревни Николку-горбуна саблей прирубили.

Крестьяне. Жаль бѣднягу!.. Убогенькій, а не стерпѣлъ, драться пошелъ!..

Мироновъ. Вотъ ужъ правда, что отъ судьбы не уйдешь... Вишь, въ Смоленскѣ уцѣлѣлъ, надобно же было ему сюда къ намъ на смерть прійти!.. Божья воля!.. Теперь вотъ что, староста: у кого изъ васъ какое добро найдется, не худо бы припрятать его куда-нибудь подальше... Въ лѣсу схоронить, что ли?!. Коли французы пойдутъ на Москву, разорятъ вашу деревню.

Михеевъ. За добрый совѣтъ спасибо, служивый, а только на этотъ самый случай я ужъ дня два тому назадъ всѣмъ наказалъ на селѣ: прячьте добро свое подальше, чтобы, значитъ, врагамъ не досталось.

Крестьяне. У кого было что схоронить, все схоронили!..

Мироновъ. Вотъ это умно.

Ѳедя *(второпяхъ подбѣгаетъ къ отцу).* Тятя, а тятя! чего жъ это ты меня не пустилъ въ ополченцы? А Даша, слышь, ушла!

Всѣ. Ушла?.. Куда ушла?..

Михеевъ. Что ты тамъ мелешь?.. Куда ушла Даша?

Ѳедя. Въ ополченцы пошла.

Михеевъ. Въ какіе ополченцы?

Ѳедя. Въ настоящіе!.. Слушай: какъ шли мы это съ французами мимо нашей церкви, гляжу я, молодой паренекъ на паперти таково усердно молится. Я думаю, кто бы это такой былъ, когда всѣ наши парни на француза пошли? Подбѣжалъ, гляжу: это Даша въ Петрунькиной рубахѣ и сапогахъ, какъ слѣдуетъ, и узелокъ за плечами. Туть я и ротъ разинулъ. А она мнѣ и говоритъ: бѣги, говоритъ, Ѳедюша, къ отцу и скажи, что я за Петромъ въ ополченцы пошла.

Михеевъ. Господи!.. Ребятушки! да что жъ мнѣ теперь дѣлать съ дѣвкой-то?

Мироновъ. Да что дѣлать? Оставь, Богъ съ ней! пусть и она поработаетъ на спасеніе родины.

Михеевъ. Да вѣдь какъ же это: дѣвушка... и вдругъ'... Непорядокъ вѣдь это!.. Ахъ Даша, Даша!..

Всѣ *(указывая на кулисы).* Что это тамъ, ребята?.. Никакъ казаки?! Да наши ли это?... Извѣстно, наши, не видите развѣ—это казаки!

(Выходитъ казакъ).

Казакъ. А гдѣ тутъ есть староста? А?

Михеевъ. Я староста, служливый. Съ какими вѣстями пріѣхали?

Казакъ. А вѣсти вотъ какія: Наполеонъ вышелъ изъ Смоленска. Ваше село на пути, не уцѣлѣть ему,—такъ начальство приказало оповѣстить, чтобы, значитъ, непріятелю добра въ руки не отдавать, а крестьянамъ укрываться въ лѣсахъ и скотъ увести, да все добро припрятать, а дома лучше самимъ сжигать, чѣмъ оставлять ихъ врагу на разоренье! Слышали?

Всѣ. Слышали!.. Какъ не слыхать!..

(Казакъ уходитъ).

(Всѣ стоятъ, молча, въ раздумьи).

Михеевъ. Что жъ, православные! ужели мы оставимъ наше село на разграбленье супостатамъ?

Всѣ. Нѣтъ, дядя Михеевъ, этому не бывать!.. Все до послѣдняго бревна сожжемъ, а ворогу ничѣмъ не дадимъ поживиться!..

(Волнуются. Нѣкоторые убѣгаютъ).

Мироновъ. Ребята, бабъ-то конвойныхъ смѣнить надо. Вотъ вы впятеромъ *(отбираетъ пятерыхъ крестьянъ)* догоните бабъ, пошлите ихъ по домамъ ребятъ да добро отъ огня спасать, а сами-то плѣнныхъ въ городъ предоставьте. Ну, живѣе, молодцы!..

(Пятеро крестьянъ убѣгаютъ. Сцена съ одной стороны освѣщается заревомъ, которое постепенно усиливается).

Крестьяне. Зарево?! Кто-то запалилъ свой домишко... Это у Федула рябого овинъ занялся!..

Михеевъ. Православные! всѣмъ пожертвуемъ за святую родину нашу!.. *(Снимаетъ шапку и опускается на колѣни. Всѣ дѣлаютъ то же).* Господи, смягчи гнѣвъ Твой! Спаси, Боже, Русь православную, помоги царю нашему одолѣть врага и дай намъ всѣмъ силы послужить на защиту родной земли до послѣдней капли крови нашей!!

Занавѣсъ.

1812 — 1912 годы.

На великую Русь надвигалась гроза:
Бонапартъ шелъ побѣдно съ полками,
И дымилась родныхъ городовъ полоса,
По пути разоренныхъ врагами.
Палъ Смоленскъ и открылъ къ бѣлокаменной путь,
Но возсталъ русскій витязь съ молитвой,
И, съ врагами сомкнувъ богатырскую грудь,
Встрѣтилъ ихъ Бородинскою битвой.
Запылала Москва! Этой жертвѣ сердецъ,
Внялъ Господь, и за наши страданья
Отнялъ Онъ у врага горделивый вѣнецъ
И нарекъ его сыномъ изгнанья!
Полегла вражья рать средь холодныхъ снѣговъ.
Русь же снова исполнена славой!
И отрадно со всѣхъ сорока сороковъ
Звонъ плыветъ надъ Москвой златоглавой.
Торжествуй вся Россія, весь русскій народъ,
Наполняйтеся храмы святые,
Возноситесь мольбы за двѣнадцатый годъ.
Слава, слава герои родные!!!

Примѣчаніе. При составленіи настоящей книги пользовалась нижеслѣдующими источниками: 1) „Отечественная война". Въ изданіи Т-ва И. Д. Сытина. 2) „Годъ русской славы". Тарапыгина. 3) „Разсказы старушки о 12 годѣ". Толычевой. 4) „1812 годъ въ русской поэзіи". К. Елпатьевскаго. 5) „Императоръ Александръ I и 1812 г.". В. Назаревскаго. 6) „Великое былое". Булгаковскаго. 7) „Двѣнадцатый годъ". И. Троицкаго. 8) „Война и миръ". Л. Толстого. 9) „Сожженная Москва". В. Данилевскаго и друг.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Памятники 1812 года.

Въ память великихъ событій и славныхъ подвиговъ Отечественной войны Россія хранитъ много незабвенныхъ памятниковъ, которые живо и ярко говорятъ о народной любви къ отечеству. Среди этихъ памятниковъ самый грандіозный и величественный это:

1. Храмъ Христа Спасителя.

Послѣ низложенія Наполеона Александръ Благословенный часто пріѣзжалъ въ Москву, привозилъ сюда царскую фамилію и даже иноземныхъ государей и принцевъ, оцѣнившихъ, наконецъ, значеніе русскаго національнаго центра. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, 1817 г., 12 февраля, чрезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ «великая армія» покинула Москву, Александръ I въ присутствіи войскъ и громаднаго стеченія народа совершилъ закладку на Воробьевыхъ горахъ обѣтнаго храма Христа Спасителя. Въ манифестѣ по этому поводу говорилось: «Да простоитъ сей храмъ многіе вѣка и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности до позднѣйшихъ годовъ, вмѣстѣ съ нашей любовью и подражаніемъ дѣламъ нашихъ предковъ».

Недалеко отъ Румянцевскаго музея, на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки величаво возвышается храмъ Христа Спасителя, одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій не только Россіи, но и всего міра. Первоначально храмъ предполагалось построить на Воробьевыхъ горахъ по проекту архитектора Витберга, и 12 октября 1817 года, въ присутствіи государя и всей царской семьи, состоялась тамъ его закладка. Десять лѣтъ употреблено было на предварительныя работы. Но по смерти императора Александра Павловича постройка этого храма по разнымъ, не вполнѣ еще выясненнымъ, причинамъ была отмѣнена. Въ сентябрѣ 1839 г. было приступлено къ закладкѣ новаго храма по новому проекту, принадлежа-

щему академику Тону, и на мѣстѣ, указанномъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, а въ маѣ 1883 года, въ одинъ изъ дней коронованія государя императора Александра III, съ необычайной торжественностью состоялось освященіе его.

Общій характеръ архитектуры храма напоминаетъ древнія церкви. Колоссальное зданіе въ 48 саженъ вышиной увѣнчано 5-ю главами, изъ которыхъ средняя значительно большихъ размѣровъ и, какъ вѣнцомъ, обведена рядомъ столбиковъ. Снаружи храмъ украшенъ скульптурными изваяніями, исполненными изъ русскаго мрамора нашими скульпторами—Рамазановымъ, бар. Клодтомъ и др. Внутри храмъ окруженъ широкимъ коридоромъ, идущимъ, по обычаю древнихъ христіанскихъ церквей, вокругъ всего собора. Надъ коридоромъ помѣщаются пространные хоры.

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

Стѣны нижняго коридора украшены мраморными досками, на которыхъ описаны всѣ событія Отечественной войны, начиная съ объявленія о вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи и кончая манифестомъ о взятіи Парижа и о водвореніи мира въ Европѣ. Внутренняя облицовка стѣнъ храма выполнена изъ лабрадора и порфира и разныхъ сортовъ итальянскаго мрамора. Колонны сдѣланы изъ цѣльной сибирской яшмы.

Весьма красивъ алтарь въ видѣ часовни; удивительна мозаика стѣнъ и пола. Но наибольшая красота храма заключается въ живописи. Она представлена здѣсь нашими лучшими художниками, и среди множества прекрасныхъ художественныхъ изображеній священныхъ событій встрѣчаются въ полномъ смыслѣ произведенія образцовыя, какъ, напримѣръ, живопись въ куполѣ храма проф. Маркова, Басина, Бруни, образа работы Маковскаго, Верещагина, Семирадскаго, Сурикова и многихъ другихъ.

Отъ храма къ Москвѣ-рѣкѣ ведетъ широкая лѣстница, по которой совершаются крестные ходы на іордань.

Много пройдетъ вѣковъ, много смѣнится поколѣній... но этотъ дивный, свѣтлый, чарующій своею красотою храмъ будетъ стоять непоколебимо на

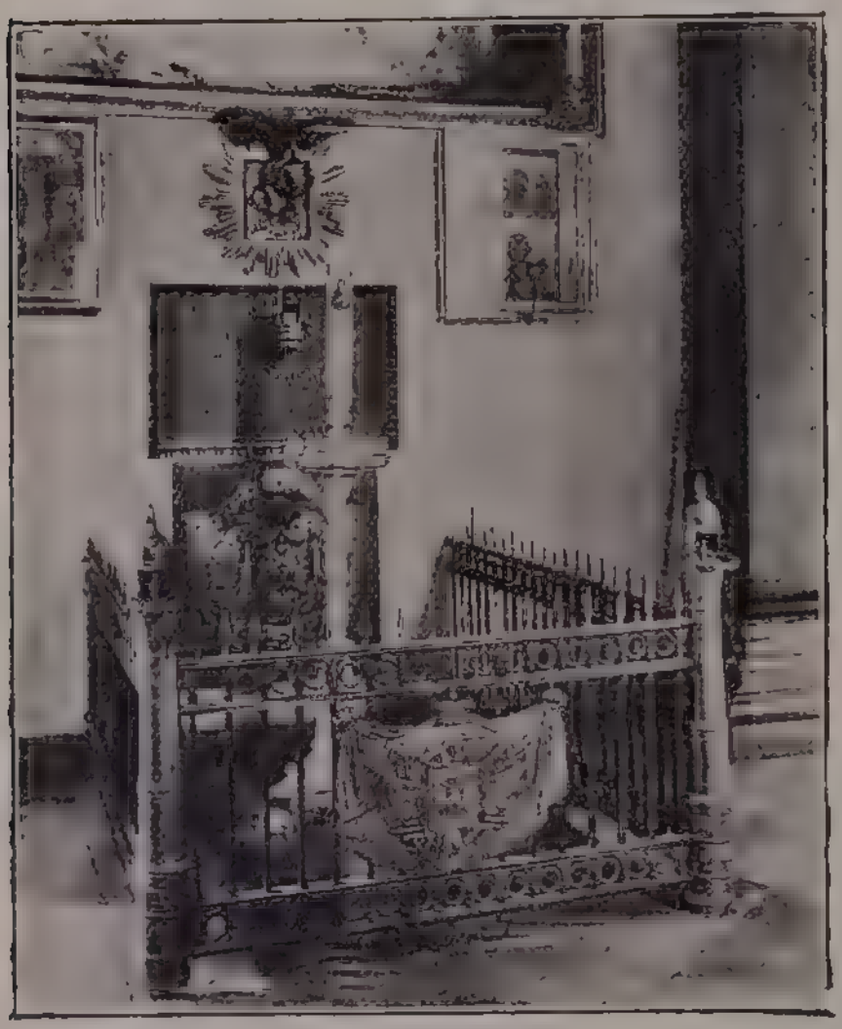
своемъ мѣстѣ. И вѣрующіе потомки будутъ въ немъ возносить Богу свои благодарныя молитвы за избавленіе Россіи отъ нашествія грозныхъ враговъ и спасеніе отечества.

2. Казанскій соборъ

(въ С.-Петербургѣ).

Въ Казанскомъ соборѣ хранятся, какъ трофеи, французскія знамена, отобранныя у непріятеля въ 1812 году.

Иконостасъ Казанскаго собора (царскія ворота и придѣлы) вылитъ изъ чистаго серебра. Серебро это послѣ войны 1812 г. принесено въ жертву храму отъ донскихъ казаковъ и ихъ атамана Платова. Исторія гласитъ: французы разграбляя московскіе храмы въ 1812 году, сдирали съ иконъ ризы, забирали церковные сосуды и плавили все это въ слитки. Послѣ выхода изъ Москвы они забрали эти трофеи съ собою. Но лихой атаманъ Платовъ съ его казаками отбили у французовъ эти драгоцѣнности.



Могила свѣтлѣйшаго князя Кутузова въ Казанскомъ соборѣ, въ С.-Петербургѣ.

Платовъ предписалъ, чтобъ все отбитое у непріятеля церковное имущество, утварь, сосуды, оклады съ иконъ и пр. были доставлены ему. Донцы добросовѣстно исполнили волю своего любимаго атамана и доставили ему около 40 пудовъ чистаго серебра, не считая попадавшагося въ немъ золота. Серебро это въ слиткахъ Платовъ отправилъ къ князю Кутузову съ просьбой сдѣлать изъ него изваянія 12 апостоловъ для Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ съ надписью: «Отъ усерднаго приношенія войска донского». Обрадованный драгоцѣннымъ даромъ, Кутузовъ, самъ передъ

Миръ праху твоему, великій полководецъ земли Русской!

отправленіемъ на театръ военныхъ дѣйствій усердно молившійся въ Казанскомъ соборѣ о ниспосланіи ему силъ для истребленія иноплеменниковъ, горячо благодарилъ Платова и отправилъ отбитое серебро петербургскому митрополиту, сдѣлавъ лишь то измѣненіе, что вмѣсто 12 апостоловъ онъ предложилъ изготовить изъ серебра лики 4-хъ евангелистовъ.

Впрочемъ, и эта мысль не была приведена въ исполненіе. Серебро долго хранилось въ ризницѣ Александро-Невской лавры, и, наконецъ, въ 1834 г. Высочайше повелѣно было сдѣлать изъ него иконостасъ по рисунку архитектора Тона. На иконостасѣ этомъ, понынѣ существующемъ въ Казанскомъ соборѣ, подъ мѣстными иконами начертана надпись, предложенная Платовымъ.

Въ Казанскомъ же соборѣ находится гробница славнаго героя 12-го года Кутузова.

Передъ Казанскимъ соборомъ на площади находятся памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли.

3. Монументъ — памятникъ Бородинской битвы.

Воздвигнутъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ на Бородинскомъ полѣ и освященъ въ его присутствіи 26 августа 1839 года съ большою торжественностью.

Памятникъ представляетъ колонну въ византійскомъ стилѣ, увѣнчанную крестомъ; говорятъ, что колонна отлита изъ чугуна непріятельскихъ орудій. На памятникѣ сдѣланы слѣдующія надписи.

Подъ образомъ Спасителя: «Въ Немъ спасеніе».

«Бородинское сраженіе 26 августа 1812 года».

На граняхъ правой стороны колонны (считая отъ образа, когда стоишь къ нему лицомъ):

На 1-й: «Благодарное отечество положившимъ животъ на полѣ чести».

На 2-й: Отступили съ честью, чтобы вѣрнѣе побѣдить».

На 3-й: «Властолюбіе неограниченное изумило Европу и успокоилось посреди пустынь океана».

У подножія памятника, съ восточной стороны, погребено тѣло князя Багратіона, скончавшагося 12 сентября 1812 г. отъ раны, полученной при защитѣ Семеновскихъ высотъ. Чугунная плита, лежащая на могилѣ, отлита также изъ французскихъ орудій.

4. Спасо-Бородинскій женскій монастырь.

Основанъ въ 1833 году вдовою генерала Тучкова 4-го, командовавшаго въ день боя бригадою 3 пѣхотной дивизіи (полки ревельскій и муромскій) и убитаго при защитѣ Семеновскихъ укрѣпленій.

Монастырь построенъ какъ разъ на мѣстѣ, гдѣ были возведены эти укрѣпленія, остатки которыхъ сохранились и понынѣ.

Исторія возникновенія монастыря слѣдующая:

Маргарита Михайловна Тучкова, желая увѣковѣчить память о геройской смерти своего мужа, пріобрѣла, при содѣйствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, три десятины земли, занятыя Семеновскими укрѣпленіями, и на средней изъ нихъ воздвигла памятникъ-церковь во имя Спаса-Нерукотвореннаго.

Первоначально вдова Тучкова предполагала поставить лишь небольшую часовню, но государь Александръ Павловичъ пожаловалъ ей 10.000 рублей, на каковыя средства и была въ 1820 году построена каменная церковь. Противъ круглаго алтаря на широкой чугунной паперти возвышаются четыре колонны, надъ дверью икона Спаса Нерукотвореннаго съ надписью «1812 годъ 26 августа». Блаженъ, его же избралъ и пріялъ еси вселитися во дворѣхъ Твоихъ». Внутри церкви, влѣво отъ входа—бѣлый мраморный крестъ, на подножіи котораго вырѣзана надпись: «Помяни, Господи, во царствіи Твоемъ Александра, на бранях убіеннаго . Направо, параллельно съ крестомъ, 2 плиты, обнесенныя позолоченной рѣшеткой; подъ ними покоятся тѣла Тучковой и ея сына. Смерть единственнаго сына была причиною, побудившей Маргариту Михайловну поселиться навсегда въ Бородинѣ, при воздвигнутой ея заботами церкви. Мало-по-малу къ Тучковой стали приходить желающія посвятить себя тихой жизни и служенію Богу. Въ 1833 году образовавшаяся такимъ путемъ община была утверждена съ именемъ «Спасо-Бородинская пустынь», а основательница ея named настоятельницей.

Спасо-Бородинскій женскій монастырь на Семеновскихъ высотахъ.

Императоръ Николай Павловичъ, очень внимательно относившійся къ нуждамъ пустыни, пожаловалъ ей въ 1837 году 25.000 рублей для возведенія другого храма во имя Филарета, трапезной и келлій.

Въ 1838 году пустынь обращена въ Спасо-Бородинскій монастырь, первою игуменьею котораго назначена была вдова Тучкова, принявшая при постриженіи имя Маріи.

Въ 1839 году, во время торжества открытія Бородинскаго памятника, императоръ Николай посѣтилъ монастырь, келлію игуменіи и слѣдующими словами оцѣнилъ значеніе созданной ею обители:

«Мы поставили памятникъ чугунный, а вы предупредили насъ, поставивъ безсмертный христіанскій памятникъ».

5. Церковь с. Бородина.

Памятникомъ Бородинской битвы является церковь с. Бородина, единственное на полѣ зданіе, сохранившееся до нашихъ дней въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было въ день 26 августа 1812 года.

Въ царствованіе императора Николая Павловича церковь была ремонтирована, при чемъ на ея новомъ куполѣ черною краскою отмѣчены тѣ отверстія, которыя были пробиты въ старомъ куполѣ непріятельскимъ ядромъ. Съ Бородинской колокольни во время боя было организовано наблюденіе за французскимъ лагеремъ.

6. Александровская колонна.

Въ Петербургѣ, посреди огромной, разстилающейся передъ Зимнимъ дворцомъ, Дворцовой площади возвышается одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ въ мірѣ, величайшій гранитъ-монолитъ [1]), Александровская колонна, поставленная императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ память его августѣйшаго брата, императора Александра Благословеннаго, и его побѣдъ надъ Наполеономъ. Воздвигнутъ памятникъ въ 1834 году по плану строителя Исаакіевскаго собора архитектора Монферана. Колонна высѣчена изъ цѣльнаго темнокраснаго финляндскаго гранита; вышина ея 14 саженъ, окружность при основаніи 5 саженъ. Пьедесталъ, на которомъ поставлена колонна, также гранитный и составленъ изъ громаднѣйшихъ камней. Всѣ стороны его украшены литыми бронзовыми барельефами [2]), съ аллегорическими [3]) фигурами Нѣмана и Вислы и древнимъ вооруженіемъ. Двѣ крылатыя фигуры на лицевой сторонѣ пьедестала держатъ доску съ надписью: «Александру Первому благодарная Россія». На верху пьедестала двуглавые орлы съ лавровыми вѣнками въ когтяхъ, изображеніе Всевидящаго ока и надпись: «1812 г.».

Памятникъ императору Александру I въ С.-Петербургѣ.

На верху колонны на бронзовомъ глобусѣ помѣщенъ ангелъ работы скульптора Орловскаго, съ крестомъ въ рукѣ, съ чертами лица императора Александра I. Ангелъ указываетъ на небо, ногами же попираетъ змѣя. Вышина ангела 2 сажени, а креста въ его рукѣ—3 сажени.

---

[1]) Монолитъ—цѣльный, не составной камень.

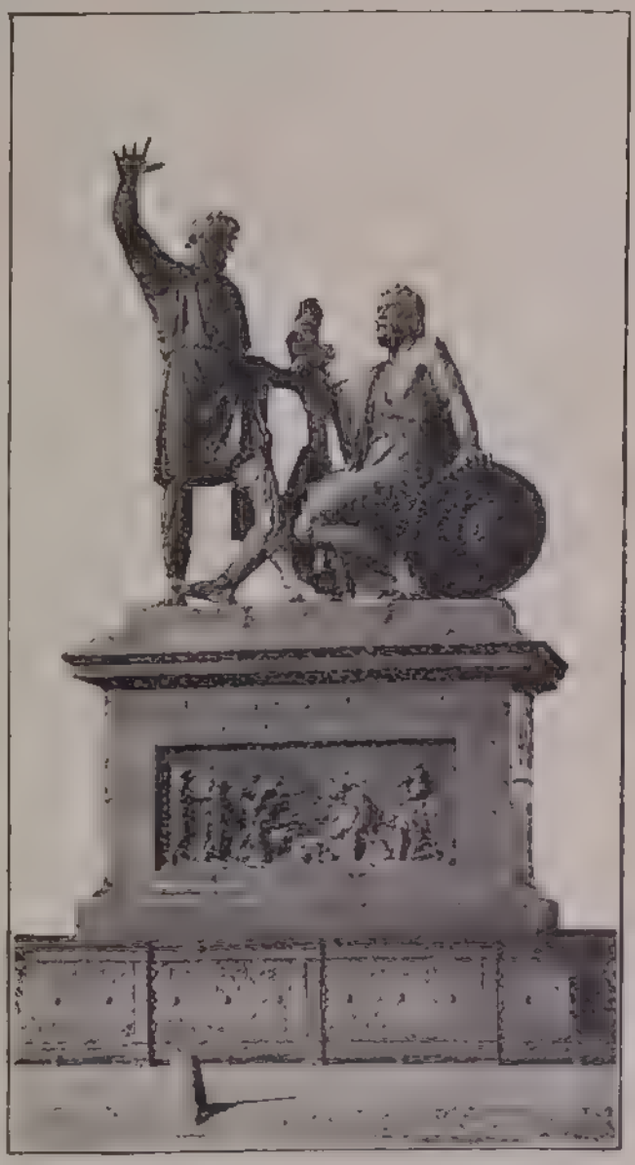
[2]) Барельефъ—выпуклое изображеніе.

[3]) Аллегорія—иносказательная передача чего-нибудь словами или рисункомъ.

Величайшія затрудненія представляла доставка колонны изъ финляндской каменоломни въ столицу и постановка на мѣсто. Для перевозки ея водой было нарочно построено особое судно; погрузка и выгрузка ея требовали неимовѣрныхъ усилій, такъ же какъ громадныхъ усплій и множества механическихъ приспособленій потребовала установка пьедестала: самая большая глыба, служившая основой его, вѣсила 25 тысячъ пудовъ.

Въ назначенный для поднятія колонны и водруженія ея на мѣсто день, а именно 30 августа 1832 года, на Дворцовую площадь прибылъ императоръ Николай Павловичъ со всѣмъ царскимъ семействомъ. Несмѣтныя толпы народа тѣснились на площади, на крышахъ и у оконъ Главнаго Штаба. До двухъ тысячъ солдатъ помогало при установкѣ колонны. И когда каменная глыба, остроумными приспособленіями приподнятая и повисшая въ воздухѣ, тихо и вѣрно опустилась на пьедесталъ, по площади пронеслось громовое «ура!» и обрадованный успѣхомъ государь сказалъ торжествующему архитектору: «Монферанъ, вы себя обезсмертили!»

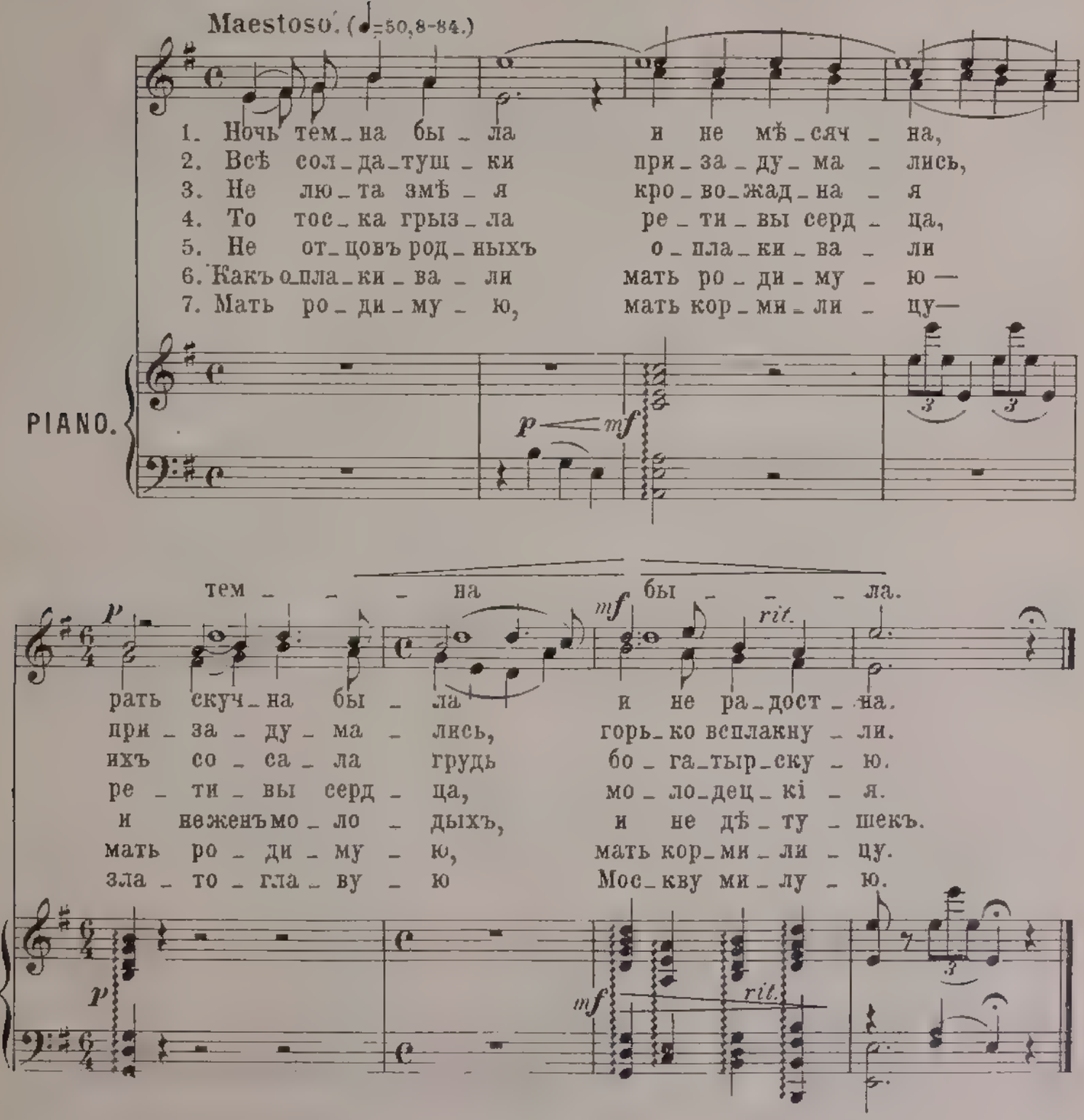
Черезъ два года послѣ этого окончена была послѣдняя отдѣлка памятника и совершено его освященіе.



Воздвигнутый послѣ Отечественной войны въ Москвѣ Александромъ I памятникъ Минину и Пожарскому.

1. Ночь темна была.

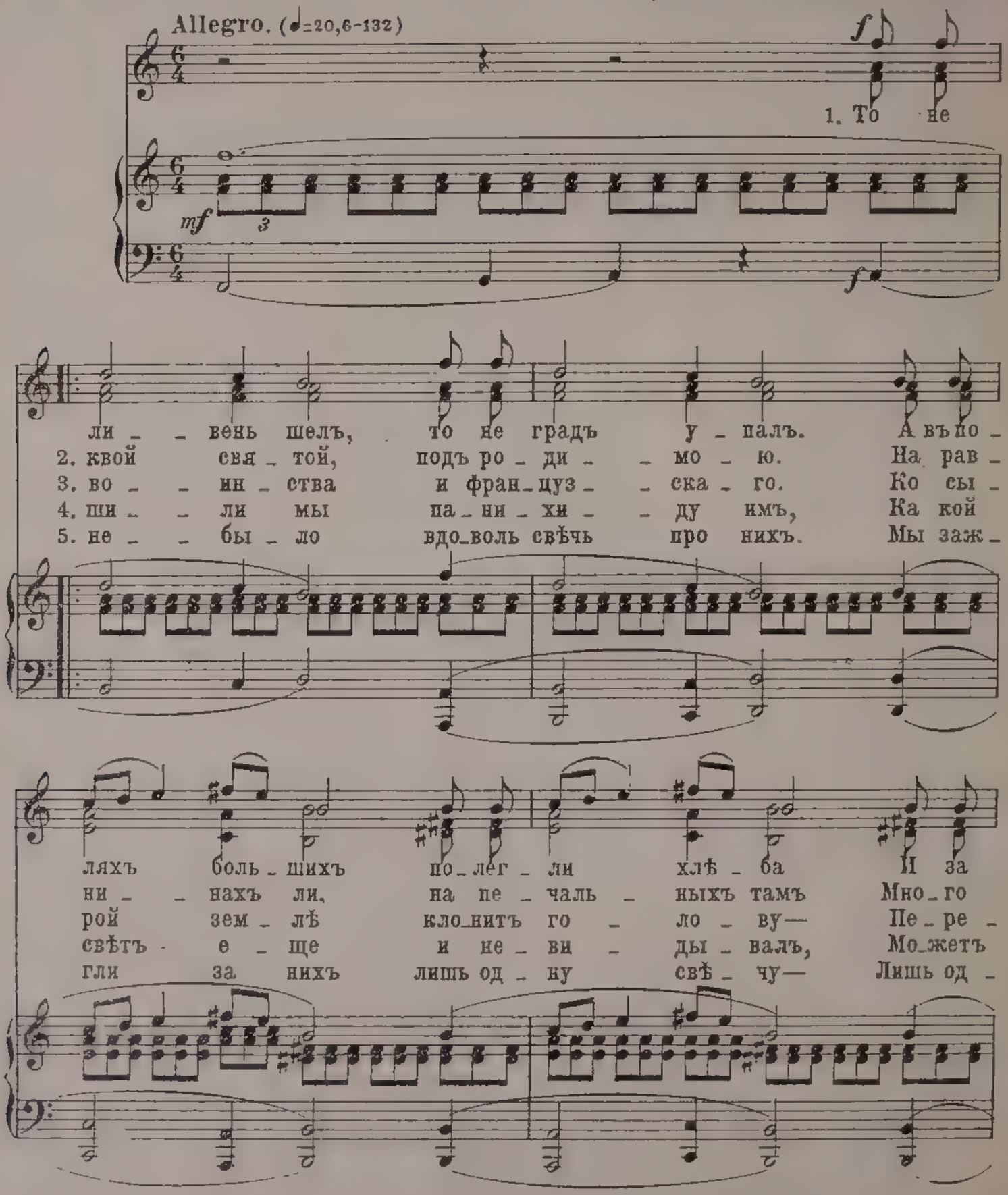
Слова нар. пѣсни. Музыка М. ПОПОВА-ПЛАТОНОВА.

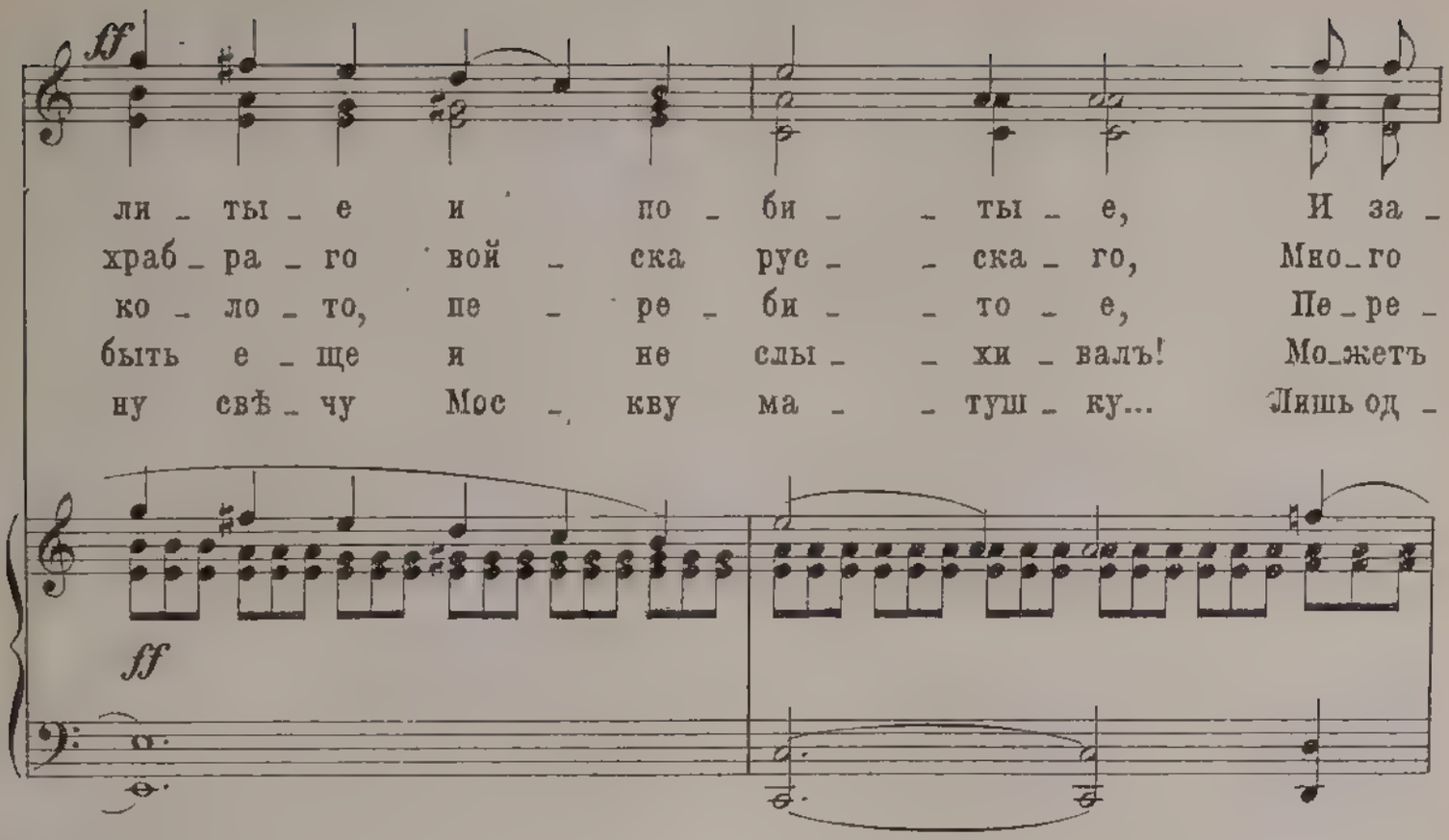


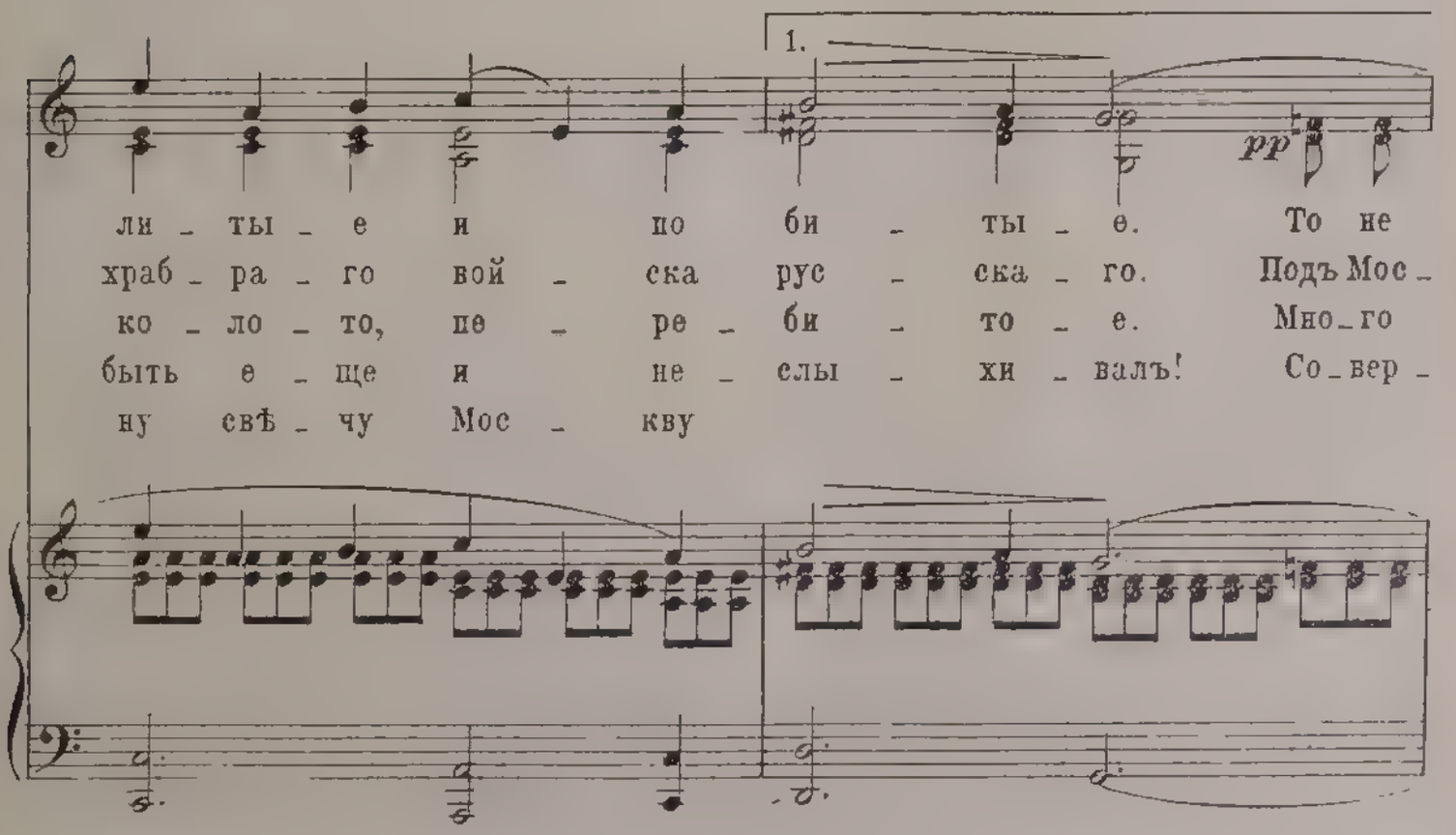
2. Великая панихида.

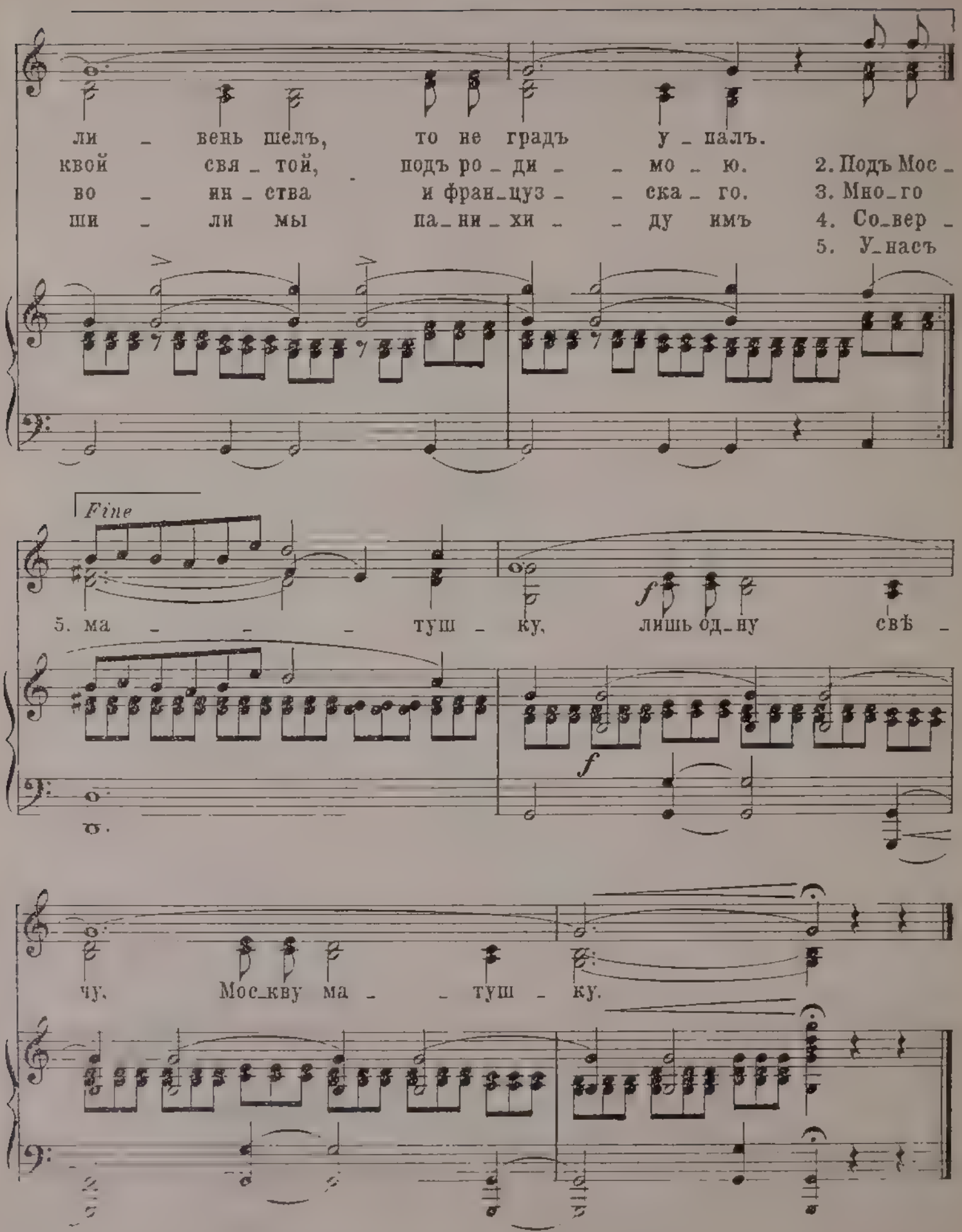
Слова М. П-аго.

Музыка М. ПОПОВА-ПЛАТОНОВА.



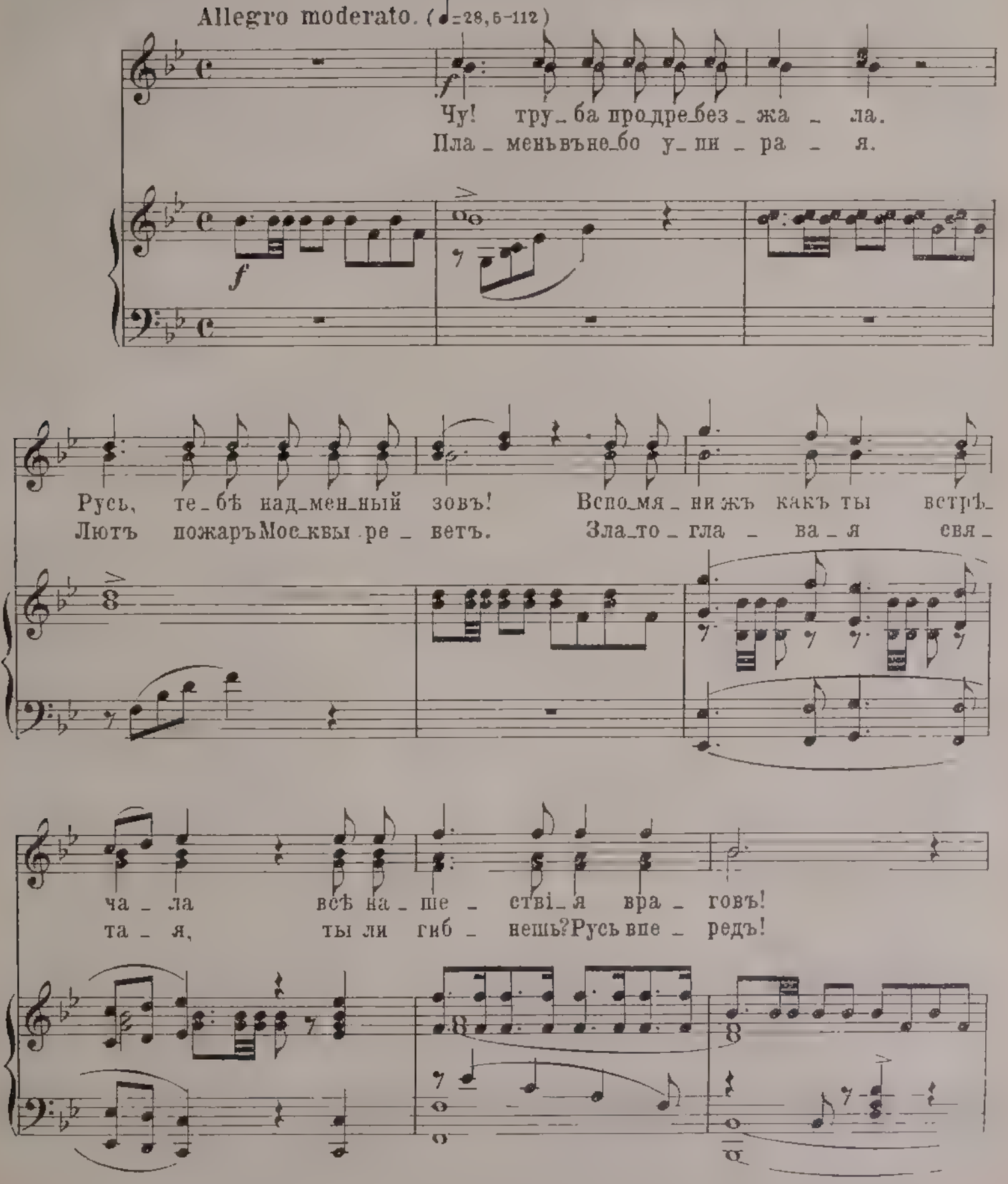

ff
ли - ты - е и по - би - - ты - е, И за -
храб - ра - го вой - ска рус - - ска - го, Мно - го
ко - ло - то, пе - ре - би - - то - е, Пе - ре -
быть е - ще и не слы - - хи - валъ! Мо - жетъ
ну свѣ - чу Мос - кву ма - - туш - ку... Лишь од -
ff

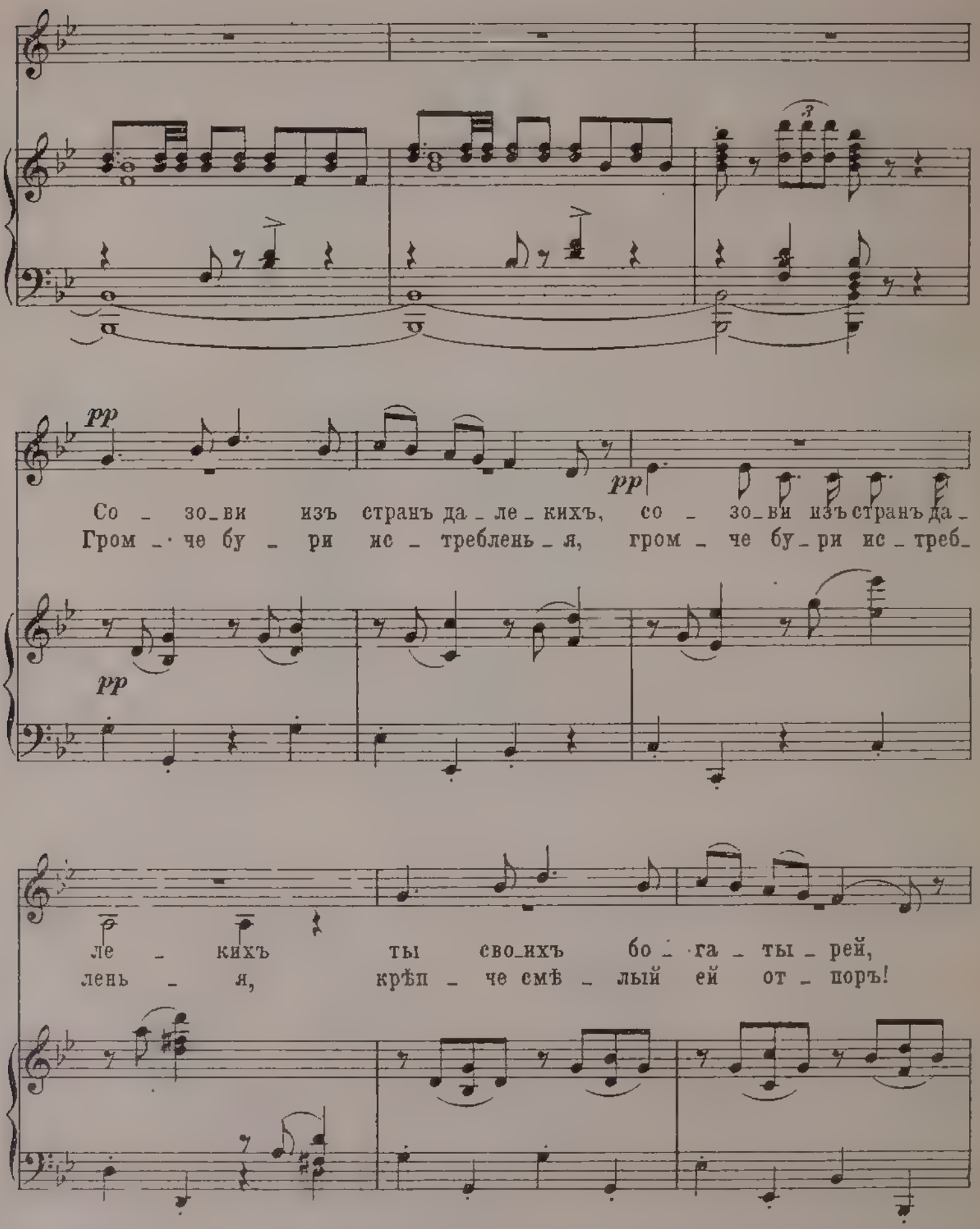

1.
pp
ли - ты - е и по би - ты - е. То не
храб - ра - го вой - ска рус - ска - го. Подъ Мос -
ко - ло - то, пе - ре - би - то - е. Мно - го
быть е - ще и не - слы - хи - валъ! Со - вер -
ну свѣ - чу Мос - кву


ли _ вень шелъ, то не градъ у _ палъ.
квой свя _ той, подъ ро _ ди _ _ мо _ ю.
во _ ин _ ства и фран_цуз _ _ ска _ го.
ши _ ли мы па_ни _ хи _ _ ду имъ
2. Подъ Мос _
3. Мно_го
4. Со_вер _
5. У_насъ
Fine
5. ма _ _ _ туш _ ку, лишь од_ну свѣ _
f
f
чу. Мос_кву ма _ _ туш _ ку.

3. 1812 годъ.

Нар. пѣсня 1812. Музыка М. ПОПОВА-ПЛАТОНОВА.




pp
pp
pp
Со _ зо_ви изъ странъ да _ ле _ кихъ, со _ зо_ви изъ странъ да _
Гром _ че бу _ ри ис _ треблень _ я, гром _ че бу _ ри ис _ треб_
ле _ кихъ ты сво_ихъ бо _ га _ ты _ рей,
лень _ я, крѣп _ че смѣ _ лый ей от _ поръ!

Со сте_пей
Э _ то пла _ _

ты сво_ихъ бо_га _ ты _ рей. Со сте _ пей съ рав _
крѣп _ че смѣ_лый ей от _ поръ. Э _ то пла_мень

cre *cre*

съ равнинъ вы _ со _ кихъ, отъ вось_ми тво_ихъ мо_рей, мо _ _
_ мень ис _ ку_плень_я э_то фе_никсовъ ко_стеръ, ко _ _

scen

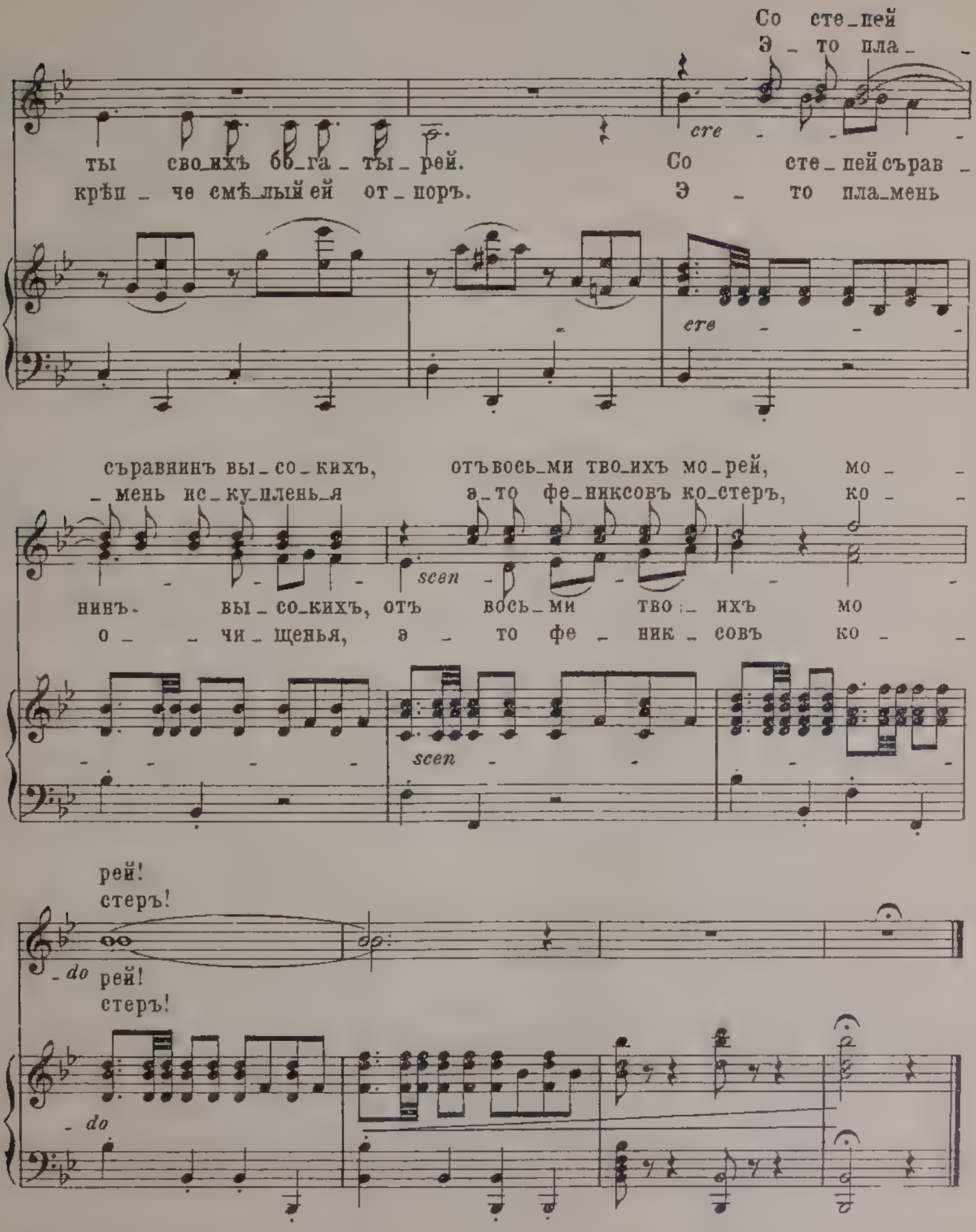
нинъ вы _ со_кихъ, отъ вось_ми тво _ ихъ мо
о _ _ чи _ щенья, э _ то фе _ ник _ совъ ко _ _

scen

рей!
стеръ!

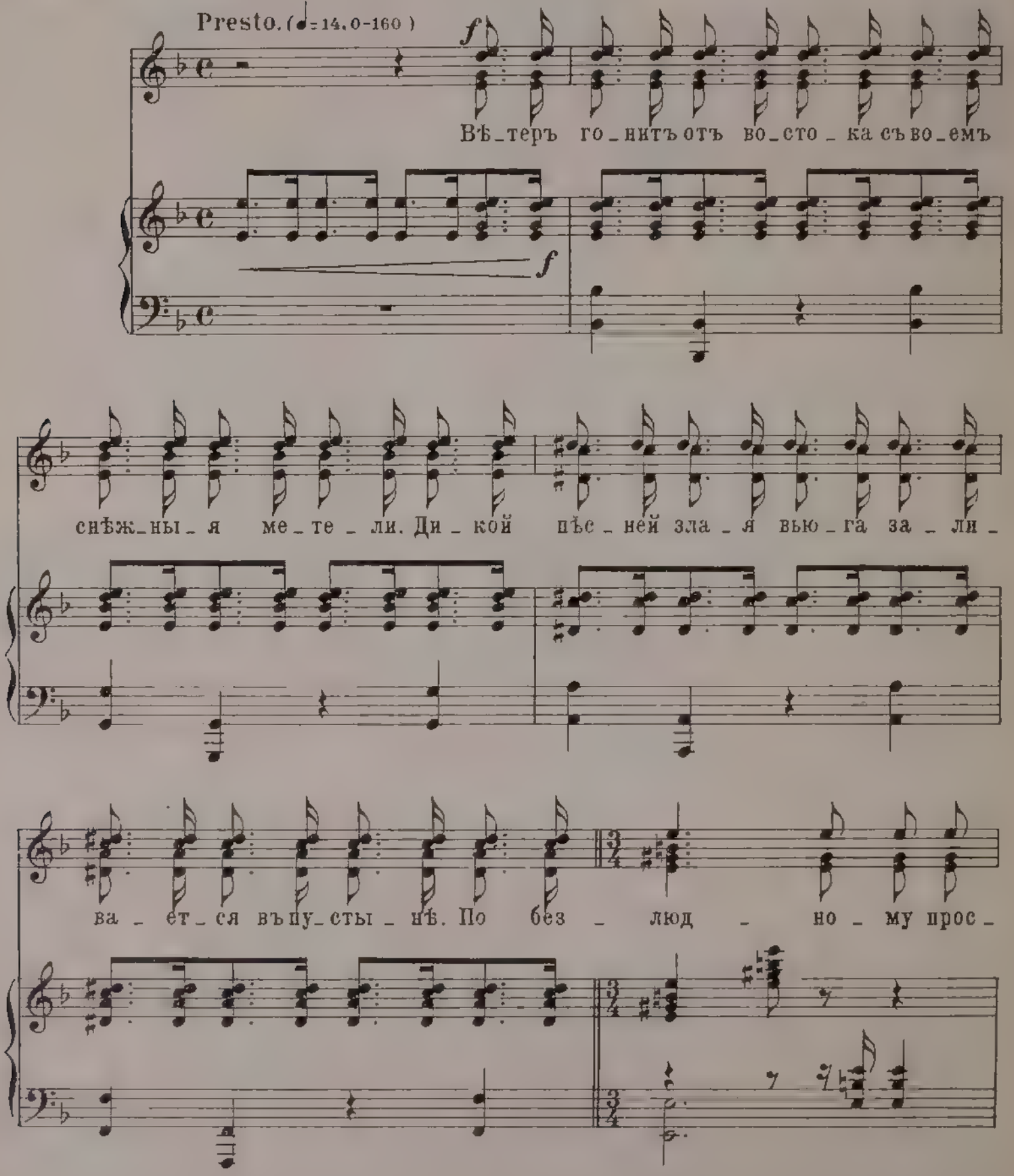
do рей!
стеръ!

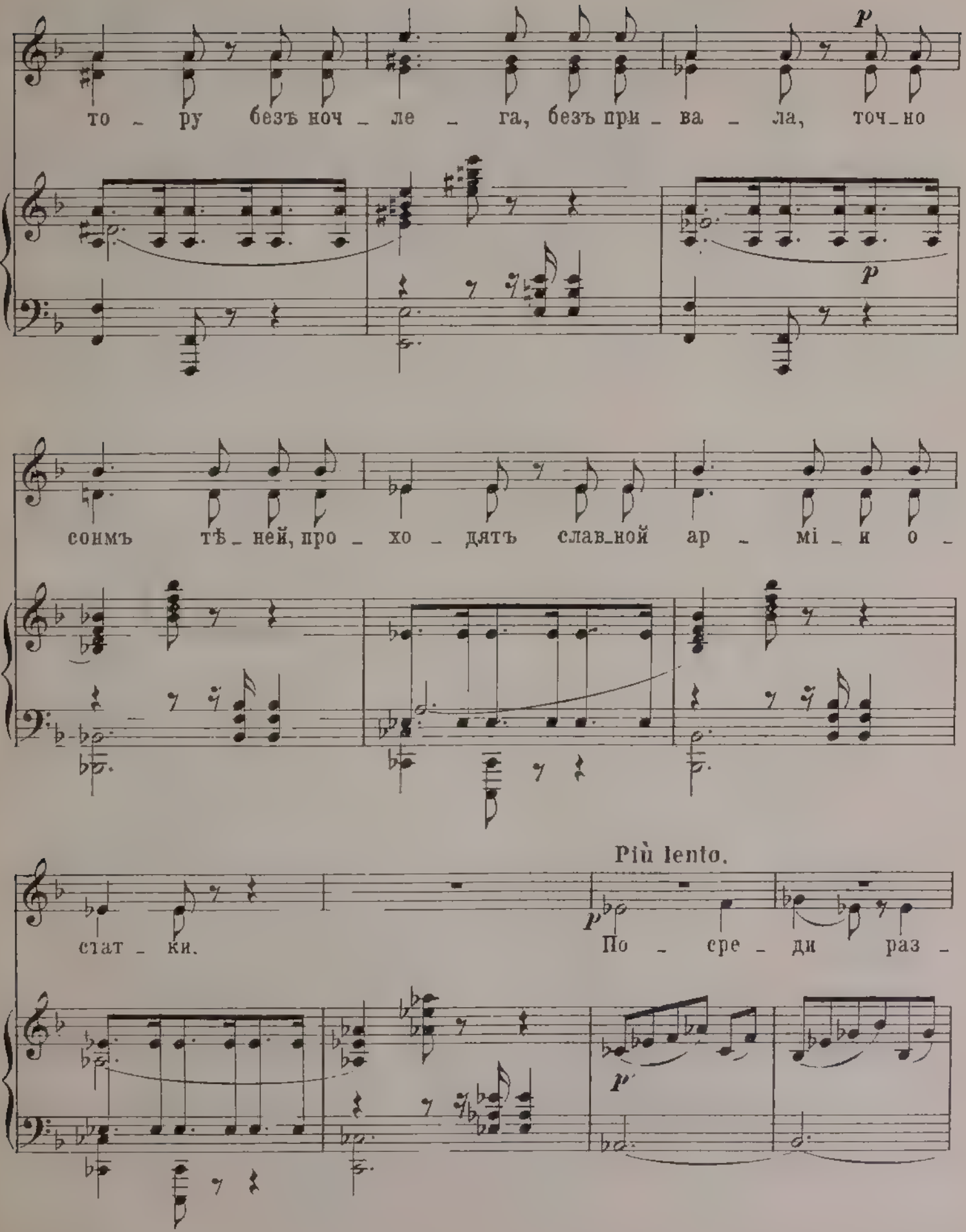
do

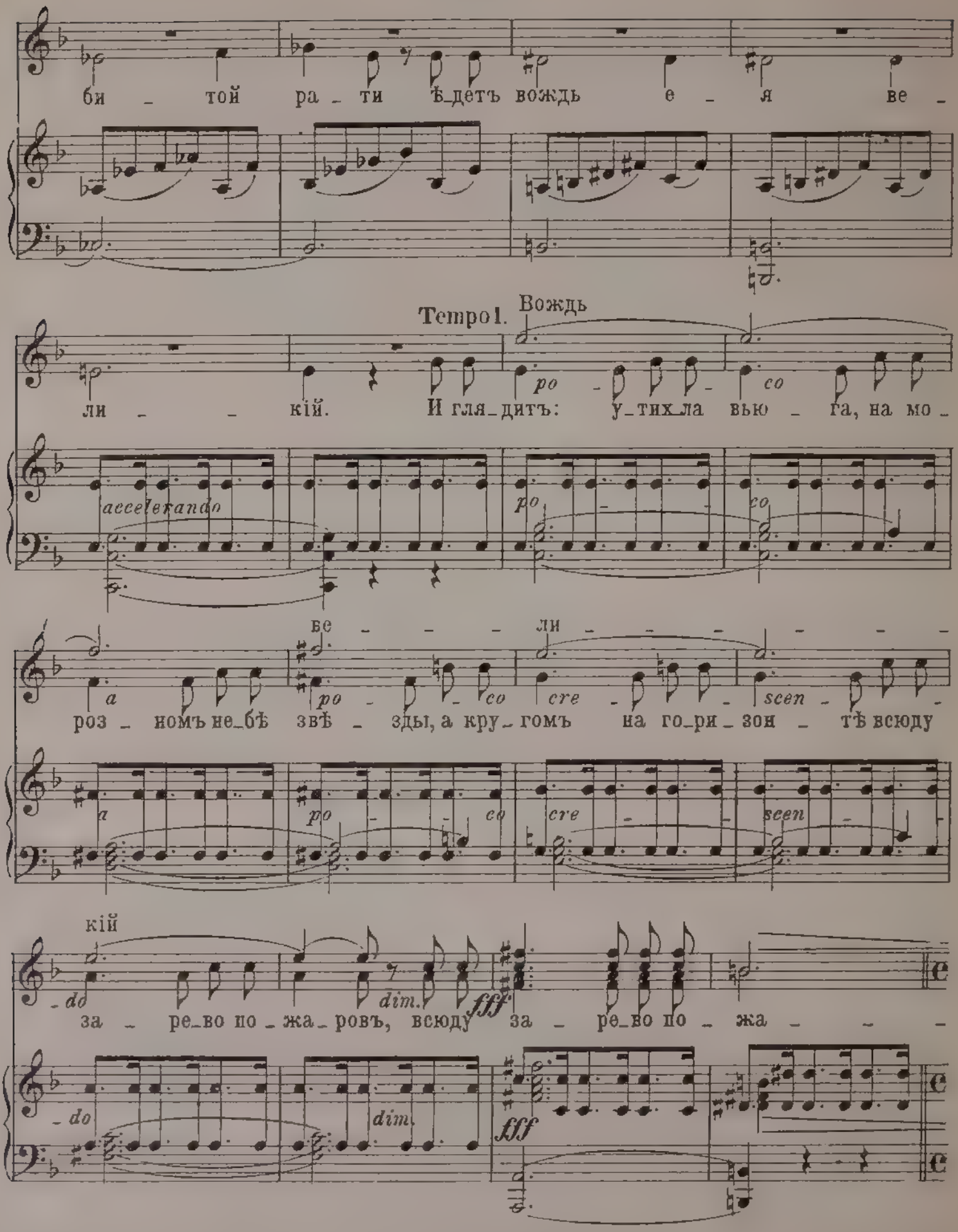


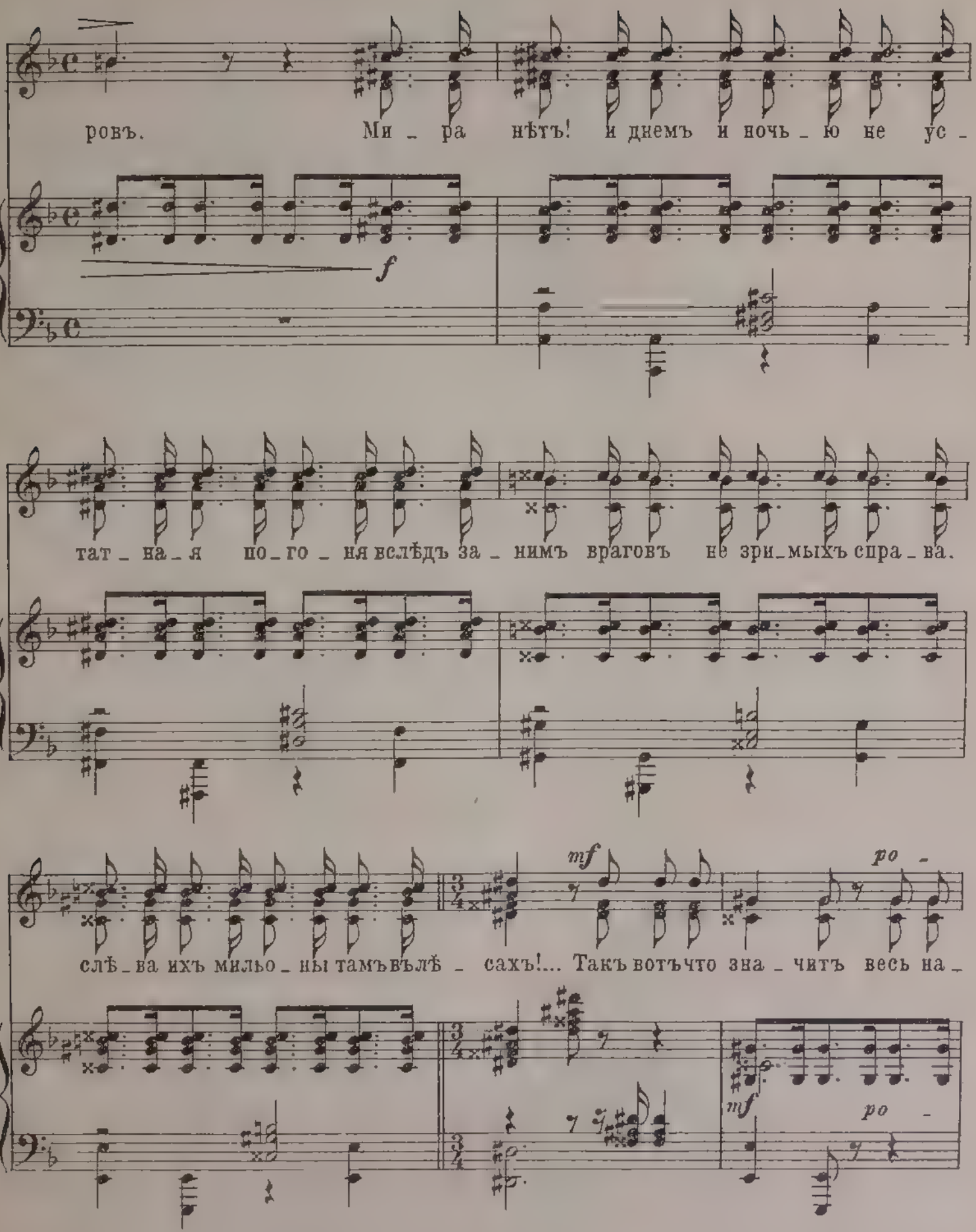
4. Сказаніе о 1812 годѣ.

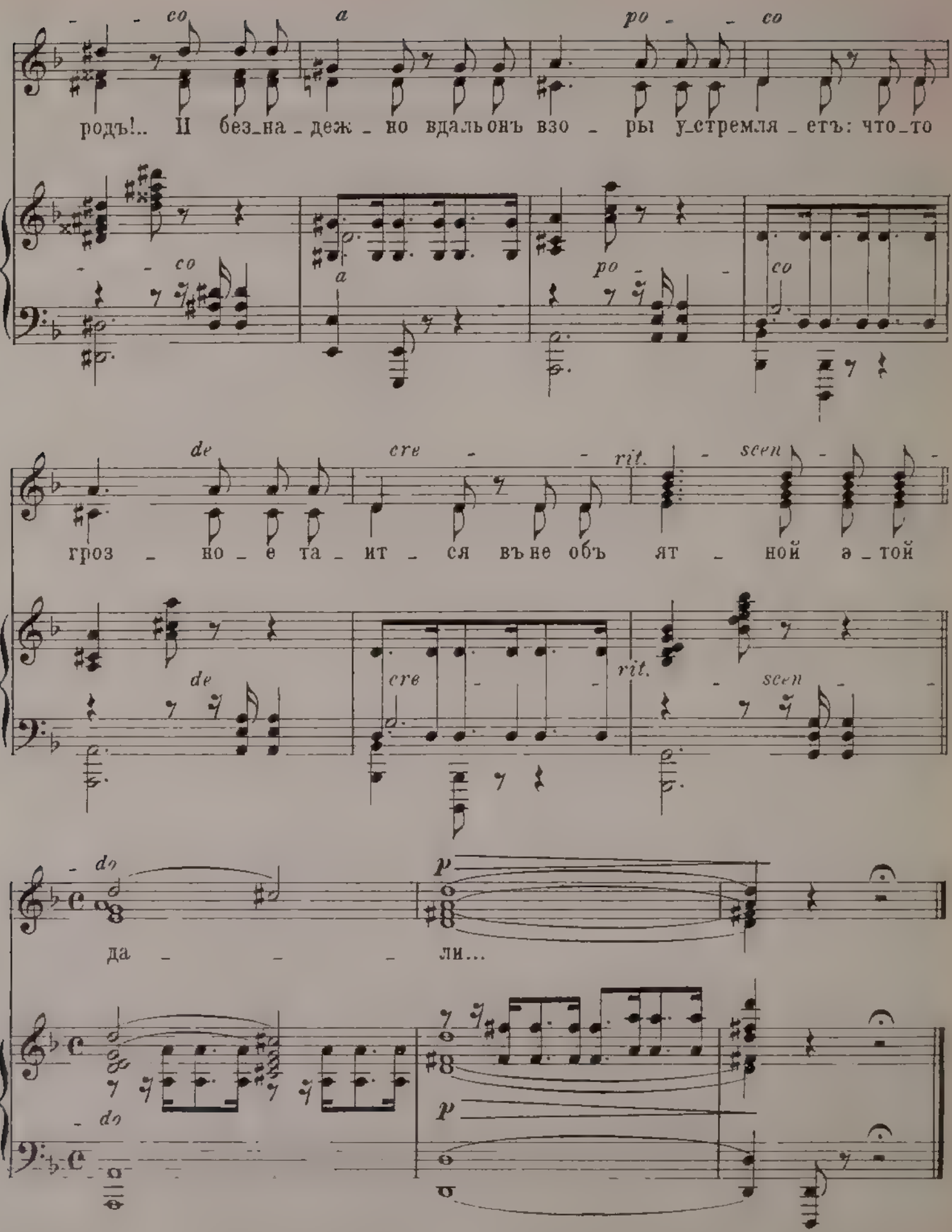
Слова А. МАЙКОВА. Музыка М. ПОПОВА-ПЛАТОНОВА.




то ру безъ ноч ле га, безъ при ва ла, точ но
сонмъ тѣ ней, про хо дятъ слав ной ар мі и о
Più lento.
стат ки. По сре ди раз


би той ра ти ѣдетъ вождь е я ве
Tempo I.
Вождь
ли кій. И гля дитъ: у тих ла вью га, на мо
accelerando
po co
ве ли
роз номъ не бѣ звѣ зды, а кру гомъ на го ри зон тѣ всюду
a po co cre scen
кій
за ре во по жа ровъ, всюду за ре во по жа
do dim. fff
do dim fff

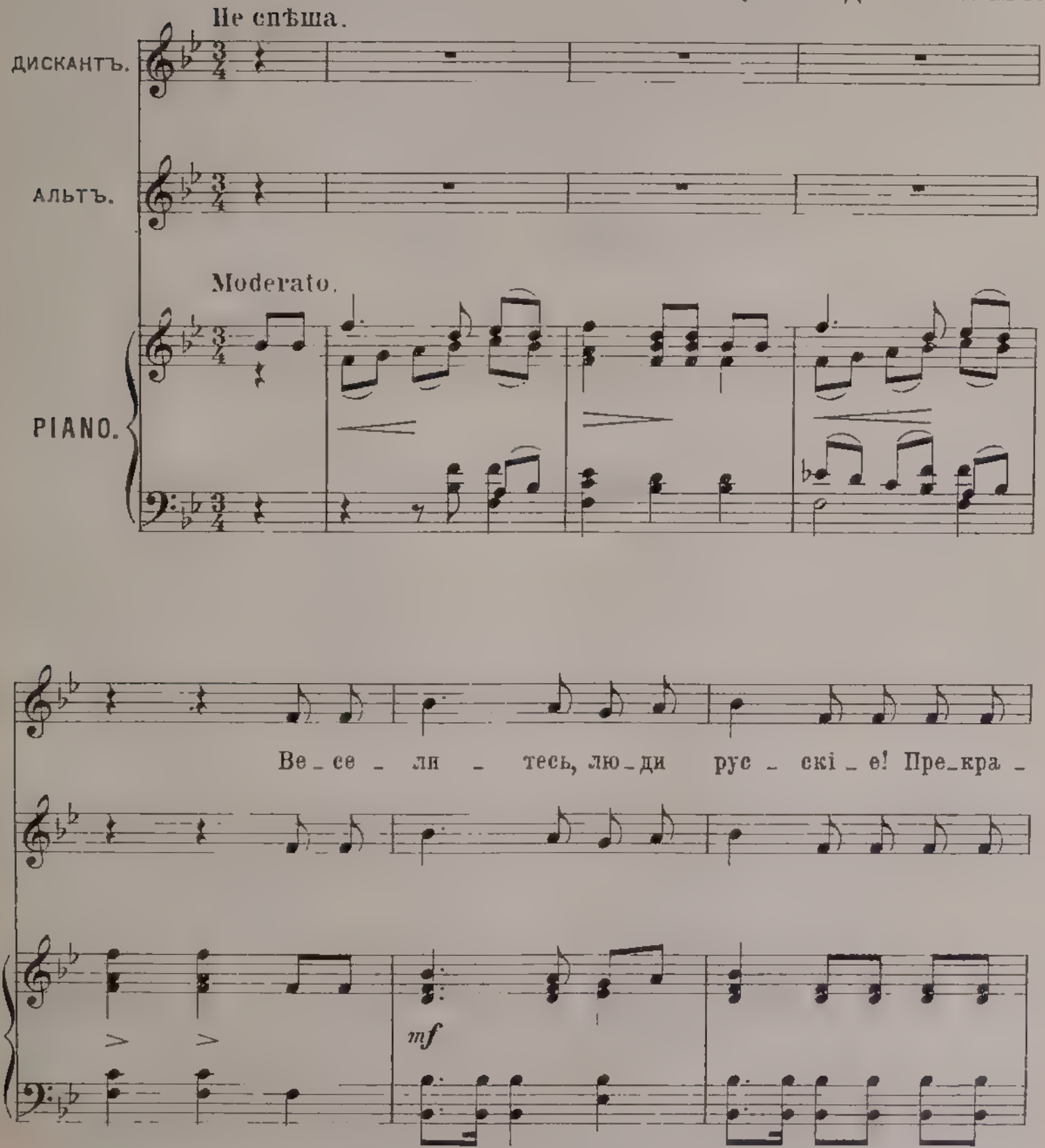

ровъ. Ми _ ра нѣтъ! и днемъ и ночь _ ю не ус _
f
тат _ на _ я по _ го _ ня вслѣдъ за _ нимъ враговъ не зри _ мыхъ спра _ ва.
слѣ _ ва ихъ мильо _ ны тамъ вълѣ _ сахъ!... Такъ вотъ что зна _ читъ весь на _
mf
po _
mf
po _

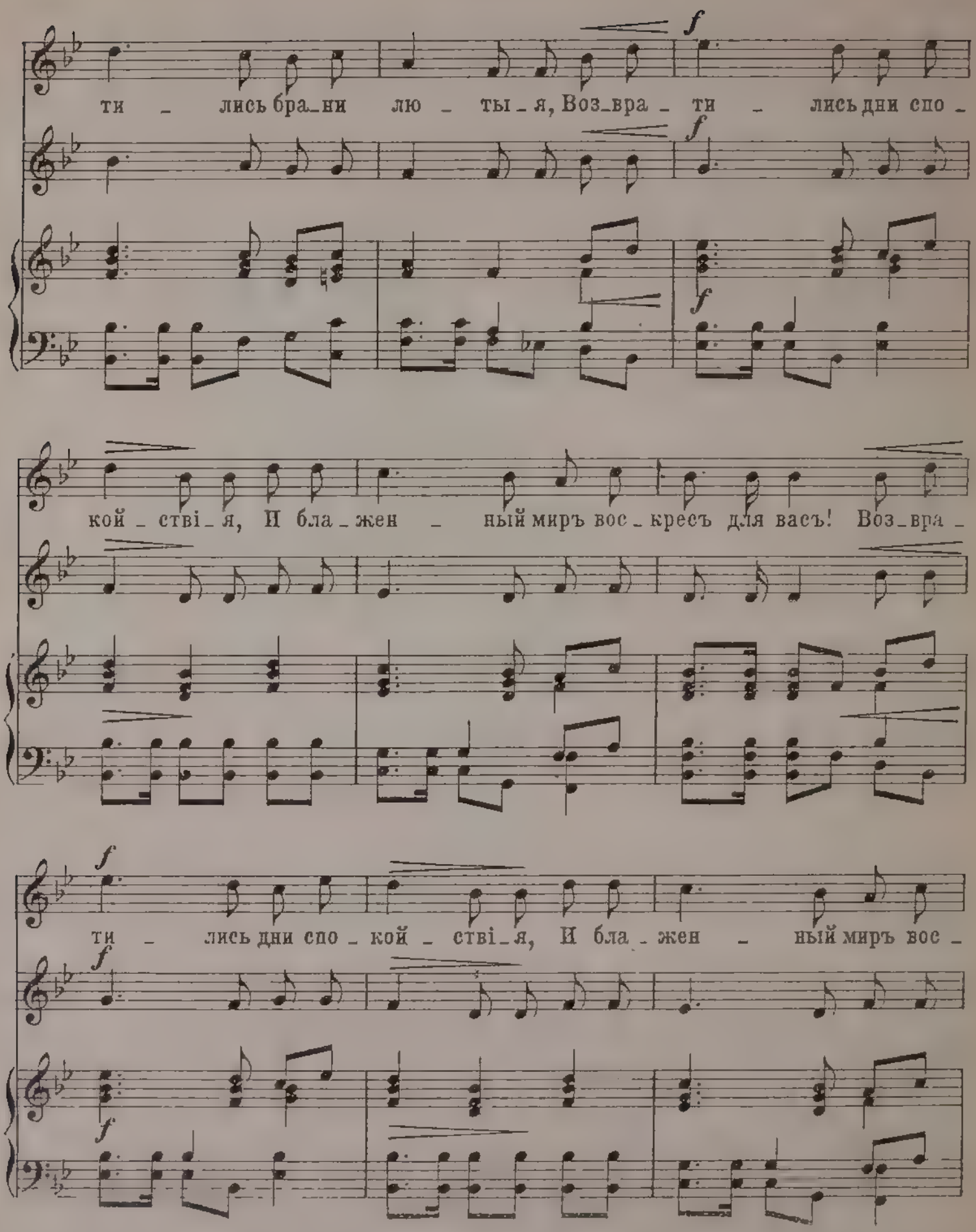

co
a
po
co
родъ!.. И без_на_деж_но вдаль онъ взо_ры у_стремля_етъ: что_то
de
cre
rit.
scen
гроз_но_е та_ит_ся въ не объ ят_ной э_той
do
p
да_ли...

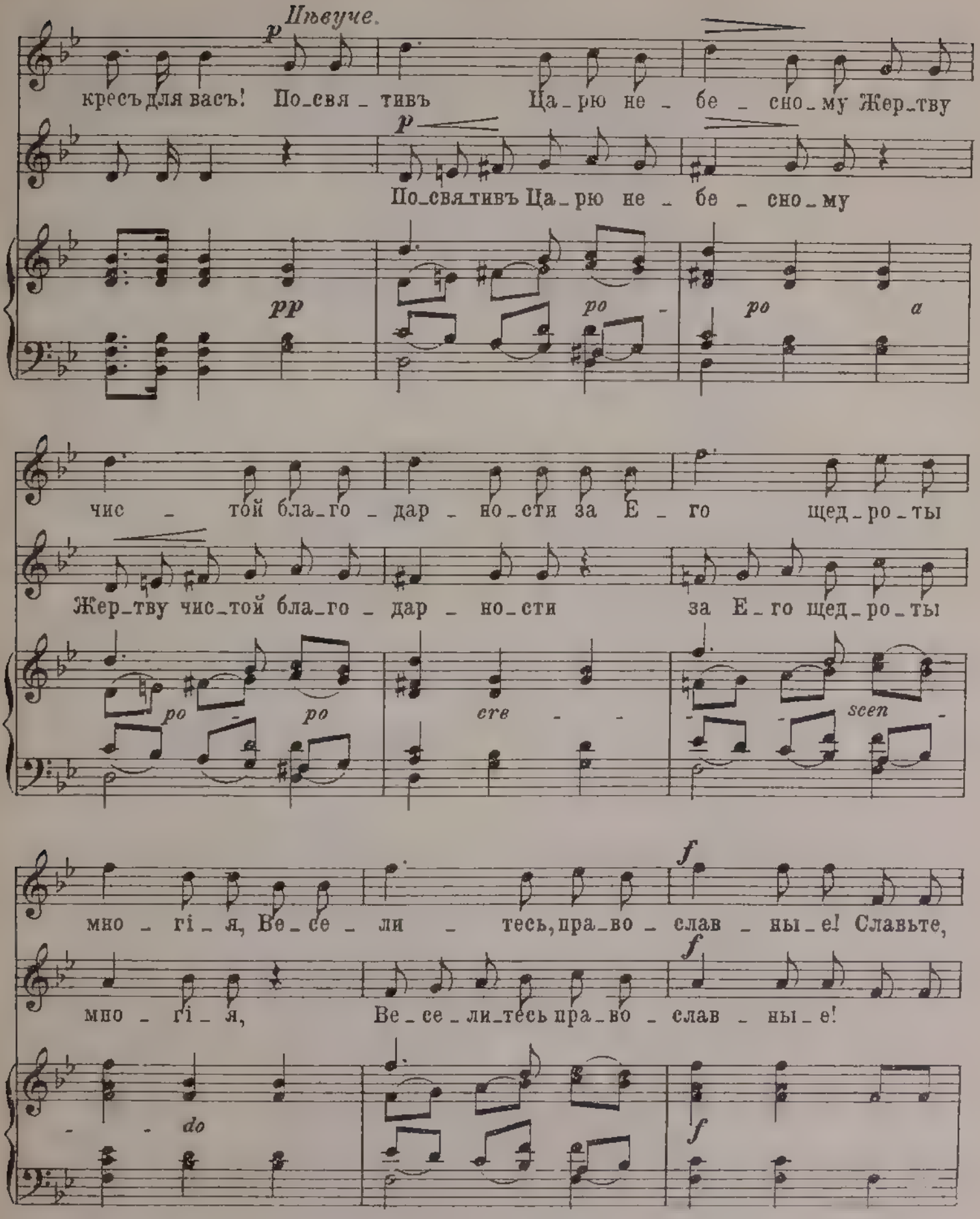
5. Веселитесь, люди русскіе!

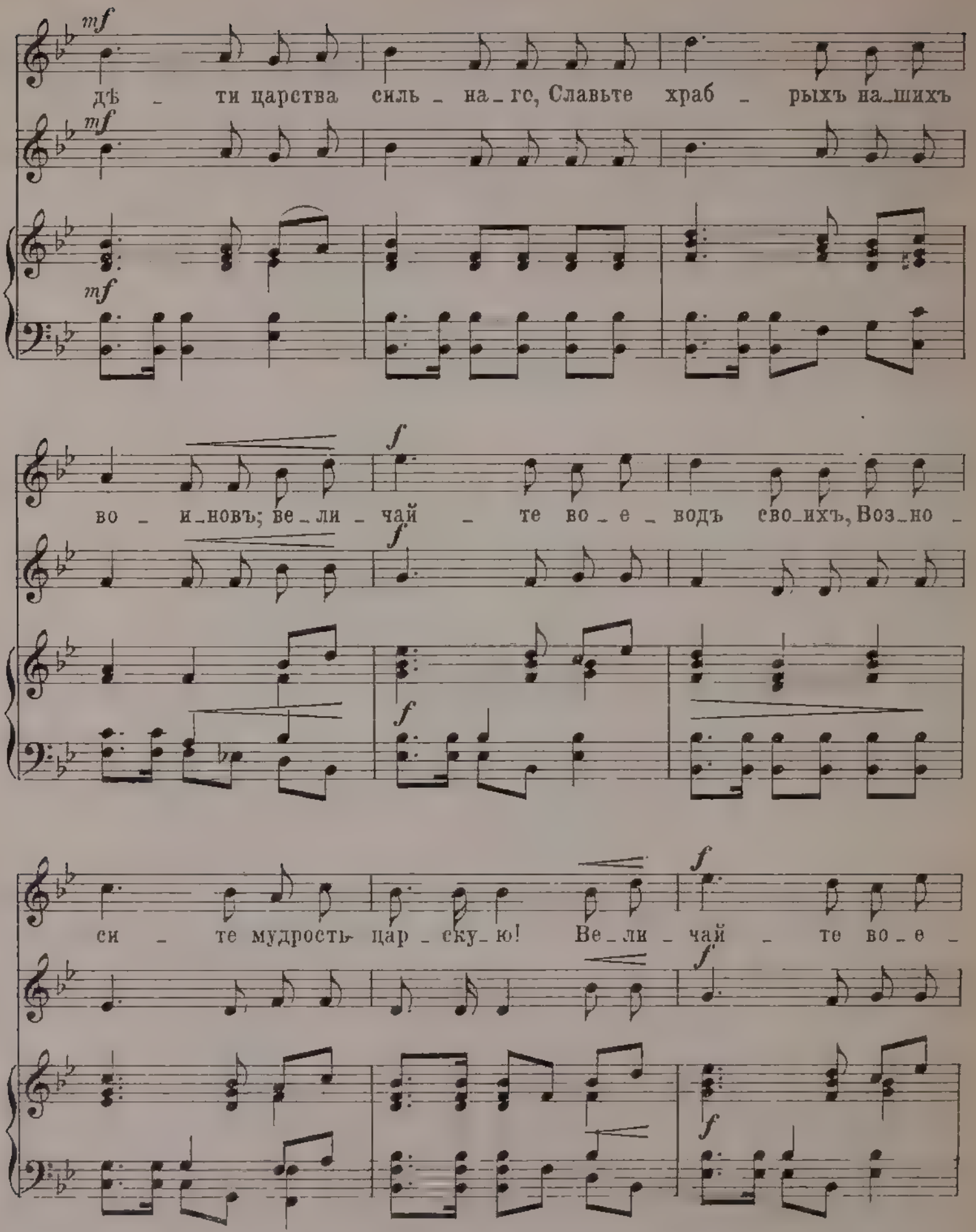
(На замиреніе съ французами.)

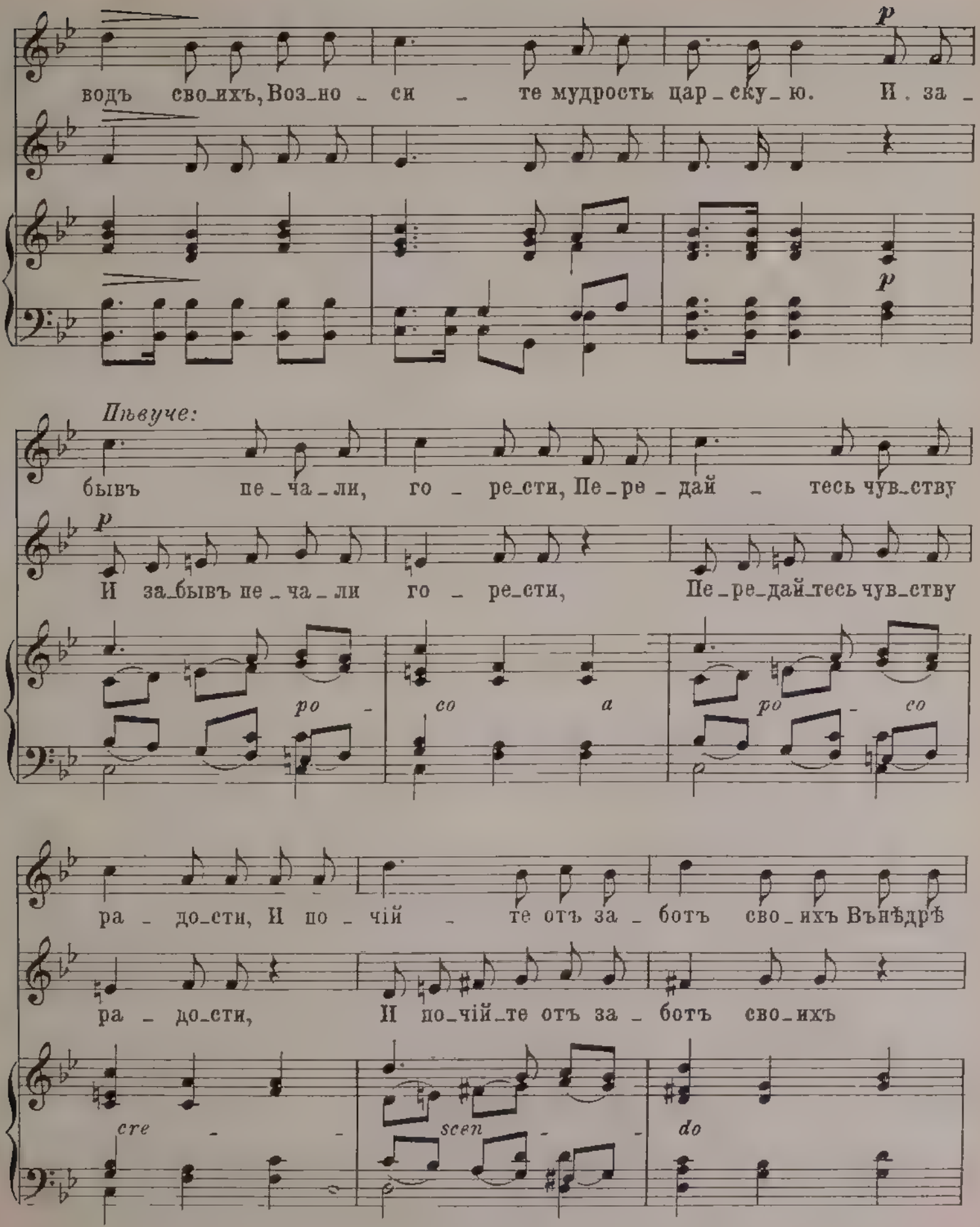
Музыка В. Д. БЕНЕВСКАГО.

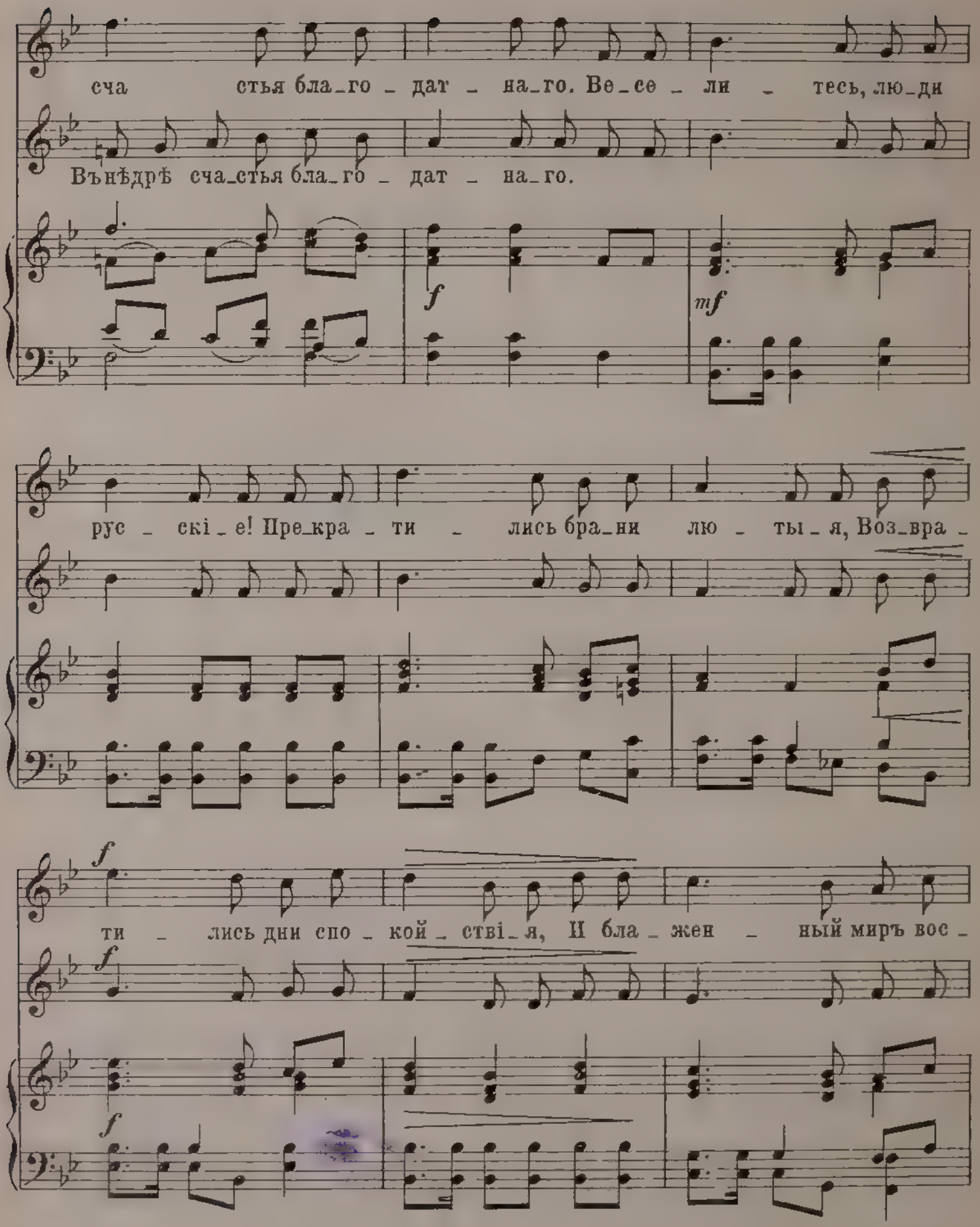


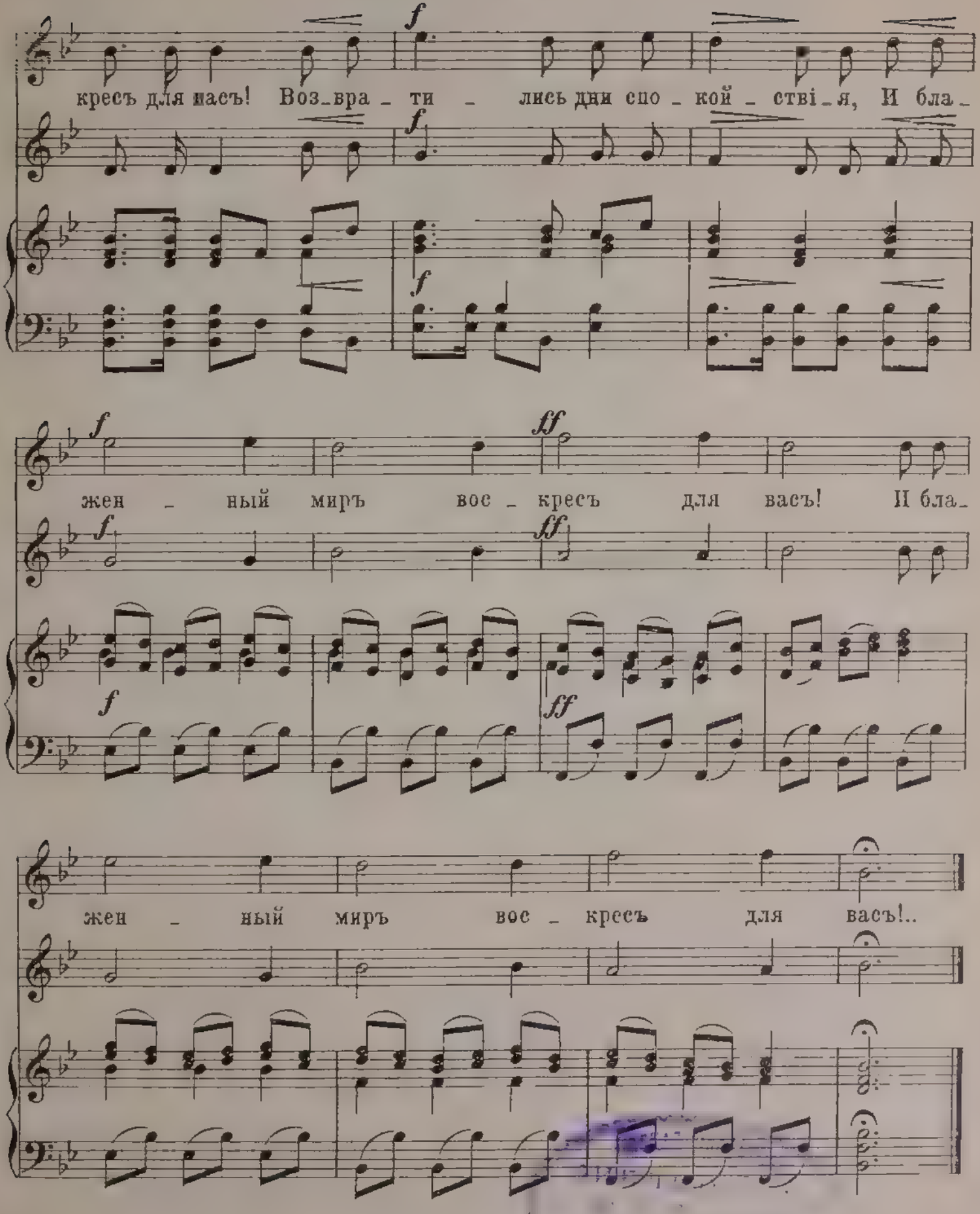

ти – лись бра-ни лю – ты-я, Воз-вра – ти – лись дни спо –
кой – ствi-я, И бла-жен – ный миръ вос-кресъ для васъ! Воз-вра –
ти – лись дни спо – кой – ствi-я, И бла-жен – ный миръ вос –


Иѣвуче.
p
кресъ для васъ! По_свя_тивъ Ца_рю не_бе_сно_му Жер_тву
p
По_свя_тивъ Ца_рю не_бе_сно_му
pp
po - po a
чис_той бла_го_дар_но_сти за Е_го щед_ро_ты
Жер_тву чис_той бла_го_дар_но_сти за Е_го щед_ро_ты
po - po cre - scen -
f
мно_гі_я, Ве_се_ли_тесь, пра_во_слав_ны_е! Славьте,
f
мно_гі_я, Ве_се_ли_тесь пра_во_слав_ны_е!
do
f


mf
дѣ - ти царства силь - на - го, Славьте храб - рыхъ на - шихъ
mf
mf
f
во - и - новъ; ве - ли - чай - те во - е - водъ сво - ихъ, Воз - но -
f
f
си - те мудрость цар - ску - ю! Ве - ли - чай - те во - е -
f
f
f


водъ сво_ихъ, Воз_но _ си _ те мудрость цар_ску_ю. И . за _
p
p
Пѣвуче:
бывъ пе_ча_ли, го _ ре_сти, Пе_ре _ дай _ тесь чув_ству
И за_бывъ пе _ ча _ ли го _ ре_сти, Пе_ре_дай_тесь чув_ству
p
ро - со а ро - со
ра _ до_сти, И по _ чій _ те отъ за _ ботъ сво_ихъ Вънѣдрѣ
ра _ до_сти, И по_чій_те отъ за _ ботъ сво_ихъ
cre - - scen - - do


сча стья бла_го _ дат _ на_го. Ве_се _ ли _ тесь, лю_ди
Вънѣдрѣ сча_стья бла_го _ дат _ на_го.
f
mf
рус _ скі _ е! Пре_кра _ ти _ лись бра_ни лю _ ты _ я, Возвра _
f
ти _ лись дни спо _ кой _ ствія, И бла _ жен _ ный миръ вос _
f
f


кресъ для насъ! Возвра - ти - лись дни спо - кой - ствія, И бла -
жен - ный миръ вос - кресъ для васъ! И бла -
жен - ный миръ вос - кресъ для васъ!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Предисловіе 3

Отечественная война 1812 года.

I. 1812 годъ. Императоръ Александръ I. Наполеонъ Бонапартъ 13
II. Причины и начало Отечественной войны. Вторженіе Наполеона въ Россію. Манифестъ русскаго царя. Народъ поднялся на защиту родины . . 18
III. Кутузовъ—главнокомандующій. Бородино. Военный совѣтъ въ Филяхъ . . 32
IV. Занятіе Москвы Наполеономъ. Пожаръ Москвы. Оставленіе французами Москвы 44
V. Партизаны. Народная война. Наши побѣды 56
VI. Послѣдній маршъ. Переправа черезъ Березину. Гибель Наполеоновыхъ войскъ. 66

Стихотворенія, посвященныя императору Александру I.

Императору Александру I. *В. Жуковскій* . 79
На возвращеніе императора Александра I изъ Парижа въ 1815 г. *А. Пушкинъ* . . 81
Пѣсня русскому царю отъ его воиновъ. *В. Жуковскій* 83
Два великана. *М. Лермонтовъ* 84

Стихотворенія, посвященныя событіямъ и героямъ 1812 года.

„Простри, Господь, надъ нами Ты десницу". *(Народная)* 85
Сказаніе о 1812 годѣ. *А. Майковъ* . . . . —
Переходъ черезъ Нѣманъ. *Я. Полонскій* . 87

Стр.

Пѣсня. *Народная* 88
Кутузову. Солд. пѣсня . . . . . —
Бородино. *М. Лермонтовъ* . . . . . —
Генералу Раевскому. 90
Бородинское поле. *Д. Давыдовъ* 91
Надпись на полѣ Бородинскомъ. *И. Ивановъ-Писаревъ* 92
Воробьевы горы. *А. Майковъ* 93
Въѣздъ въ Москву. *А. Пушкинъ* 94
Поклонная гора. *Дмитріевъ* 95
Занятіе Москвы Наполеономъ 96
Великая панихида. *Щербина* 97
Москва. *Навроцкій* . . . . . —
Ты помнишь ли? Солд. пѣсня. 98
О народной оборонѣ. *Хитрово* 99
Партизанъ. *Д. Давыдовъ* 100
Давыдову. *Н. Языковъ* . . . . . —
Донъ. *Розенгеймъ* 101
Къ тѣни полководца. *А. Пушкинъ* 102
На французскія революціонныя знамена въ Казанскомъ соборѣ. *Гнѣдичъ* 103
25 декабря 1812 года. *Бутовскій* . . . . . —

Басни И. А. Крылова, написанныя по поводу событій 1812 года.

Ворона и курица 104
Волкъ на псарнѣ 105
Обозъ. 106
Щука и котъ 107
Чижъ и ежъ . . . . . —

Стихотворенія, посвященныя Наполеону.

Наполеонъ. *Хомяковъ* 108
Наполеону 110

Стр.

Наполеонъ. *Тютчевъ* 110
Шумѣлъ, горѣлъ пожаръ московскій. Народная пѣсня 111
Воздушный корабль. *М. Лермонтовъ* . . . —
Ночной смотръ. *В. Жуковскій* 112
Гренадеры. *Михайловъ* 113

Разсказы изъ событій Отечественной войны.

Встрѣча государя Александра I въ Москвѣ. Изъ ром. „Война и миръ“. *Л. Толстой*. 114
Молебенъ на Бородинскомъ полѣ. Изъ романа „Война и миръ“. *Л. Толстой* 116
Военный совѣтъ въ деревнѣ Фили. Изъ ром. „Война и миръ“. *Л. Толстой* . . 117
Наполеонъ въ пламени московскаго пожара. Изъ ром. „Рославлевъ“. *М. Загоскинъ* 120
Выѣздъ изъ Москвы въ 1812 году. Изъ ром. „Война и миръ“. *Л. Толстой* 125
Вѣсть о выходѣ французовъ изъ Москвы. Изъ ром. „Война и миръ“. *Л. Толстой* 128
Поэтъ Жуковскій въ Тарутинскомъ лагерѣ. Изъ ром. „Двѣнадцатый годъ“. *Мордовцевъ* 130
Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ. *В. Жуковскій* 134
Въ лагерѣ подъ Краснымъ. Изъ ром. „Сожженная Москва“. *Данилевскій* . . 136

Стр.

Разсказы изъ народной обороны 1812 года.

Рядовой Черновъ 139
Не поморщусь! . . . . . —
Капитанъ Захаровъ 140
Преданность долгу . . . . . —
Великодушіе къ плѣннымъ. . . . . —
На что русскій мужикъ не годится . . . 141
Про черный день . . . . . —
Неустрашимый . . . . . —
Крестьяне-партизаны 142
Женщины-партизанки 143
Старостиха Василиса 144

Живыя картины.

Партизанъ 145
Бѣгство французовъ. 146
Къ Россіи. 147

Сцены изъ событій 1812 года для исполненія на школьномъ праздникѣ.

Бородино. Изъ поэмы *Лермонтова* 148
Отставной солдатъ. *Дельвигъ*. 150
Пожаръ Москвы. *Е. Карпова* 154
Пожаръ Москвы. *Е. Карпова* 160
Москва и русскіе въ 1812 году, или не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Изъ сочин. *А. Алексѣева* 164
Приложеніе. Памятники Отечественной войны 172
Хоровыя пѣсни въ память 1812 года . . . 181

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина,

въ Москвѣ, у Ильинскихъ вор., домъ Титова; въ С.-Петербургѣ, Садовая, 25; въ Кіевѣ, Варшавѣ, Екатеринбургѣ, Одессѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Иркутскѣ, Ростовѣ-н./Д. и на Нижегородской ярмаркѣ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Клавдіи Лукашевичъ:

Для младшаго возраста.

) **Свѣтлый лучъ. Хрестоматія для семьи и школы. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просв. удостоена неполной преміи имени Д. С. Езерскаго. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.

Разсказы,

удостоенные преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества:

**) Аксютка-нянька. Ц. 30 коп.
Рыбка-колюшка-рѣзвушка. Ц. 30 коп.
**) Макаръ. Ц. 50 коп.
**) Птичница-Агаѳья. Ц. 50 коп.

Сборники разсказовъ,

со множествомъ рисунковъ, въ изящныхъ переплетахъ, исполненныхъ извѣстною художницею Ел. Бемъ:

**) Гнѣздышко. Ц. 1 руб.
**) Зернышки. Ц. 1 руб.
**) Любимые друзья. Ц. 1 руб.
**) Дѣтскіе годы. Ц. 50 коп.
**) „Кузовокъ" (сборникъ разсказовъ, сказокъ, игръ, занятій, работъ, стихотвореній, шарадъ и ребусовъ, съ приложеніемъ таблицъ, нотъ и съ раскрашенными картинк.). Ц. 1 р. 25 к.
*) **Малороссійскія сказки** (со множествомъ рисунковъ). Ц. 1 руб.
) **Сказки родной Украйны (со множествомъ рисунковъ и съ 5 раскрашенными картинками). Ц. 1 руб.
Забава. Ц. 1 руб. 50 коп. (новое изданіе, дополненное).
Сказки для самыхъ маленькихъ дѣтей. Ц. 85 коп.
Новинка, сб. Ц. 1 руб. Изд. А. Ступина.
Первое словечко—хрестоматія для малютокъ. Ц. 1 руб. 50 коп.

Отдѣльныя разсказы,

богато иллюстрированные,
для младшаго возраста:

*) Первые сапоги. Ц. 15 к.
*) Приключенія Квакуши. Ц. 15 коп.
*) Крапивнички. Ц. 15 коп.
*) Пастухъ Ваня. Ц. 15 коп.
**) Нянька-Ванька. Ц. 15 коп.
**) Чушка. Ц. 15 коп.
**) Медаль. Ц. 15 коп.
**) Няня. Ц. 30 коп.
*) Охъ (сказка). Ц. 15 коп.
*) Волкъ-братикъ (сказка). Ц. 15 коп.
*) Золотой черевичекъ. Ц. 15 коп.
*) Ивашечка. Ц. 15 коп.
*) Кривенькая уточка (сказка). Ц. 15 к.
*) Волкъ глупая голова. Ц. 15 коп.
*) Котъ и пѣтушокъ. Ц. 15 коп.
*) Мироша-музыкантъ. Ц. 30 к. Изд. А. Ступина.
*) Ѳедюша-учитель. Ц. 20 коп. Изд. А. Ступина.

Для средняго возраста.

Сборники разсказовъ,

со множествомъ рисунковъ:

**) Ясное солнышко (7-е изданіе). Ц. 1 руб. 25 коп.
**) Труженики (4-е изданіе). Ц. 1 р.
**) Одинъ изъ многихъ (4-е изданіе). Ц. 50 коп.
*) На жизненномъ пути. Изданіе Губинскаго. Ц. 1 руб. 25 коп.
**) По морю житейскому. Изданіе Губинскаго. Ц. 1 руб. 25 коп.
Обо всемъ понемногу (альманахъ). Изд. 3-е знач. дополн. Ц. 75 коп.
Почитаешь, другимъ скажешь (альманахъ). Изд. 3 е допол. Ц. 1 р. 25 к.
Что видитъ звѣздочка. Изд. М. Вольфа. Ц. 3 руб. 50 коп.

Отдѣльные разсказы:

**) Даша Севастопольская (съ рисунками Н. Н. Каразина). Ц. 25 коп.
**) Дядюшка-флейтистъ. Ц. 40 коп.
**) Босоногая команда. Ц. 40 коп.
**) Изъ деревни. Ц. 30 коп.
*) Сиротская доля (повѣсть). Продолженіе „Дядюшки-флейтиста". Ц. 50 к.
*) Оборона Севастополя. Ц. 30 коп.

Для старшаго и средняго возрастовъ.

**) Оборона Севастополя и его славные защитники (со множествомъ портретовъ и рисунковъ. Обложка Н. Н. Каразина). Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
**) Изъ недавняго прошлаго (3-е изданіе). Обложка Н. Н. Каразина. Ц. 1 руб.
*) Изъ жизни. Ц. 1 руб. 25 к.
*) Чудный огонекъ жизни (біограф. повѣсть изъ жизни Елены Келлеръ). Ц. 1 р. 25 к.
*) Яблонька (повѣсть). Изд. А. Ступина. Ц. 75 к.

Отдѣльные разсказы въ дешевомъ изданіи:

**) Другъ несчастныхъ—докторъ Гаазъ (біографія, 6-е изданіе). Ц. 5 коп.
**) Курскій астрономъ-самоучка Семеновъ (біографія). Ц. 5 к.
**) Какъ жилъ и что писалъ В. А. Жуковскій (біографія). Ц. 5 к.
**) Къ свѣту (повѣсть). Ц. 8 к.
**) Одинъ изъ многихъ. Ц. 4 к.
**) Искра Божія. Ц. 5 к.
**) Бѣдный родственникъ. Ц. 5 к.
**) Дядюшка-Яковъ-офеня. Ц. 5 к.
**) Въ тихомъ углу. Ц. 5 к.
**) 20 разсказовъ изъ Севастопольской обороны.
1) Гроза надвигается. Ц. 5 к.
2) Вылазки. Матросъ Кошка.
3) Два памятныхъ дня. Ц. 5 к.
4) Свѣтлый праздникъ. Ц. 4 к.
5) Малаховъ курганъ. Ц. 5 к. и др.

Комедіи

для домашнихъ и школьныхъ спектаклей (театральною цензурою безусловно одобренныя къ представленію):

*) Въ сельской школѣ. Ц. 15 к.
*) Побѣдила. Ц. 15 к.
*) Красный цвѣточекъ (съ пѣніемъ и танцами). Ц. 15 к.
*) Веселые дни (съ пѣніемъ, танцами и приложеніемъ нотъ). Ц. 15 к.
*) Среди цвѣтовъ (съ пѣніемъ, танцами и приложеніемъ нотъ). Ц. 15 к.
*) Кукольный переполохъ (съ рисунк.). Ц. 15 к.
*) Елка. Трубочистъ. Ц. 15 к.

СКАЗКИ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Томъ I (для средняго возр.). Въ пользу кассы литераторовъ. Ц. 1 руб. 50 коп.
Томъ II (для младшаго возраста). Въ пользу кассы литераторовъ. Ц. 1 руб.

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Клавдіи Лукашевичъ

выходитъ въ сентябрѣ ежегодно.

Изящная папка исполнена художницею Ел. Бемъ. На обратной сторонѣ отрывныхъ листочковъ помѣщенъ интересный матеріалъ на каждый день: сказки, разсказы, стихи, ребусы, шарады, работы, портреты, рисунки. Ц. 50 коп.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

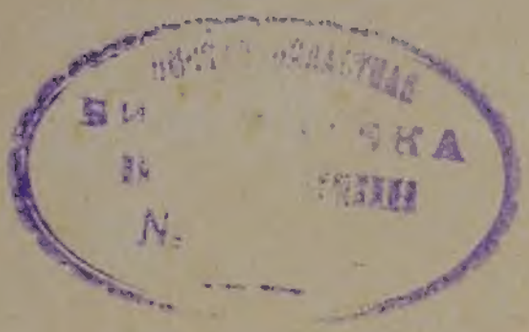
ДѢТСКІЕ ПРАЗДНИКИ и какъ ихъ устраивать. Декламація. Сцены. Живыя картины. Шествія. Игры. Пѣніе. Комедіи. Сборникъ со множ. рисун. и нотъ. 2-е изд., дополненное. Ц. 1 р. 50 к.

ОТДѢЛЬНЫЕ ВЫПУСКИ ДѢТСКИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ ПРАЗДНИКОВЪ:

1) Школьный праздникъ „Елка". Изд. 2-е переработан., дополн. Хоры напис. А. Гречаниновъ. Ц. 1 р. 2) Школьный праздникъ въ память Н. В. Гоголя. Ц. 65 к. 3) Школьный праздникъ въ память 19 февраля. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р. 4) Школьный праздникъ древонасажденій. Ц. 75 к., въ папкѣ 90 к 5) Школьный праздникъ въ память героевъ 1812 года. Ц. 80 к.

Книги, отмѣченныя звѣздочкой (*), ДОПУЩЕНЫ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ ученич. библіотеки низшихъ учил., въ таковыя же библ. среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Книги, отмѣченныя (**), допущены, кромѣ того, и въ церковно-прих. школы и библіот.

15

[illegible]
[illegible]ЯКА
[illegible]
N.